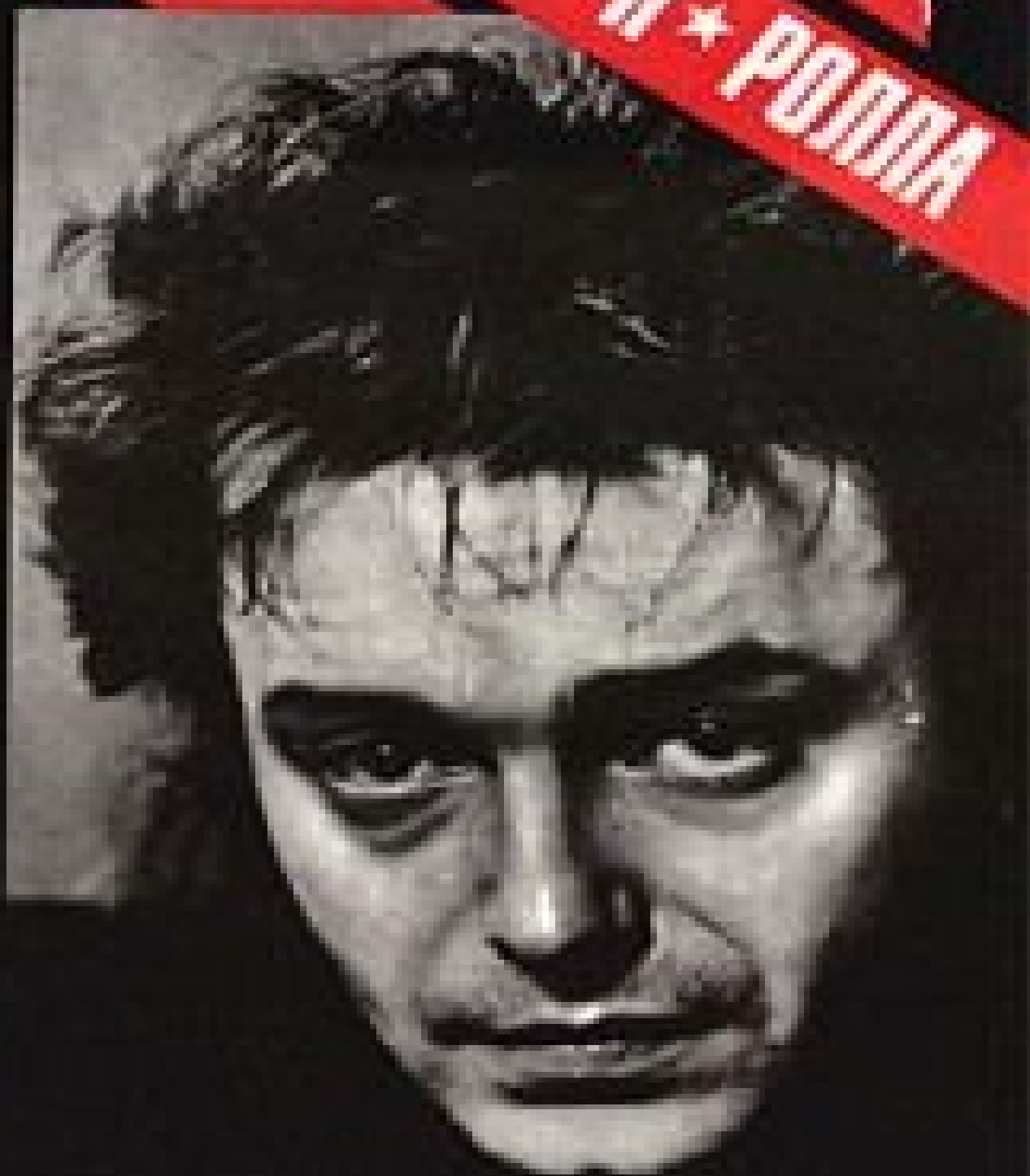

КОГДА ТМХ КМХЧЕВ

- [Нина Барановская](#)
 - [▪ Вступление в рассказ](#)
 - [Беседа автора с героем - накануне выхода книги...](#)
-

Нина Барановская

"По дороге в Рай..."

...или Беглые заметки о жизни и творчестве Константина Кинчева...

...И один сильный Ангел взял камень, подобный большому жернову, и поверг в море, говоря: с таким стремлением повержен будет Вавилон, великий город, и уже не будет его. И голоса играющих на гуслях, и поющих, и играющих на свирелях, и трубящих трубами уже не будет в тебе слышно; не будет в тебе никакого художника, никакого художества...

Апокалипсис

*Нагните пламя свое
Чтобы мог я,
Привстав на цыпочки,
Погасить его.*

С.А.Есенин - "Сельский часослов"

- Я думаю, что все должны прежде всего на свете жизнь полюбить.*
- Жизнь полюбить, больше чем смысл ее?*
- Непременно так, полюбить прежде логики, как ты говоришь, непременно,*

*чтобы прежде логики, и только тогда я и
смысл пойму...*

*Ф.М.Достоевский - "Братья
Карамазовы"*

Вступление в рассказ

Когда мне предложили написать эту книгу, я согласилась сразу, с легкостью. Казалось, стоит только сесть за машинку, и дело пойдет само собой. Я ведь столько лет знаю Кинчева, мы многое вместе пережили - и хорошее, и плохое. Что может быть проще: вспоминай да записывай. Так казалось. Но прошли дни. Потом недели. Потом уже и месяцы. А я все не бралась за сей труд. Почему?

У Хулио Кортасара есть замечательный рассказ. Он называется "Преследователь". Прототипом героя этого рассказа послужил писателю выдающийся саксофонист Чарли Паркер. Повествование ведется от имени некоего музыкального критика, который хорошо знаком с известным саксофонистом и даже написал о нем книгу. И, конечно, критику интересно, понравилась герою книга или нет. В конце концов он узнал об этом. Не ручаюсь за точность, но суть была в следующем: "Дерьмо твоя книга,- сказал герой.- Ты так и не понял, почему я так здорово играл на том концерте. Просто Лэн в тот вечер была в красном платье".

Когда я впервые прочитала этот рассказ Кортасара, у меня был уже некоторый опыт написания всякого рода заметок об отечественной рок-музыке. И я хорошо помню, что тогда возвела себе в принцип: надо всегда помнить о "красном платье Лэн". Так я это для себя называла.

Я вот что имею в виду нельзя браться всерьез за осмысление произведений того или иного музыканта, если не знаешь подноготную его творчества. Нельзя писать о человеке создающем по принципу "он пришел туда-то, он сказал то-то, он поступил так-то". А почему пришел именно туда, сказал именно это, поступил

именно так? Чем живет человек, о чем он думает, чем мучается, что читает, кого любит, что ненавидит? Вот это, по-моему, самое главное.

Из-за этого и начались мои сомнения. Я решила расторгнуть договор, объяснив издателю, что другой человек справится с этой задачей лучше меня. Ибо тому автору, который менее знаком с Константином Кинчевым, который ничтоже сумняшеся будет анализировать его творчество, наплевав на все "красные платья Лэн", будет проще. А мне... Мне придется писать об одном из немногих людей, которых я считаю своими друзьями. Обнародовать то, что даже хорошо знакомым людям я старалась о нем не рассказывать. Ну, сплетничать, что ли... Или писать полуправду. Точнее, только половину той правды, которую, если не всегда знаю, то час чувствую. И вот я думала: а какое у меня право копаться в глубинах души человеческой да еще и делать их всенародным достоянием? С другой стороны, а умолчать - какое такое у меня право?

Все эти мысли раздваивали меня, рвали на части. И я твердо решила: ничего писать не буду. Пусть пишут другие. Им будет проще.

Но наступил август. Август 91-го... 19-го числа я, как, наверное, и все, проснулась под текст постановления ГКЧП - его зачитывали по радио. Но сквозь сон подумалось, что это какая-то пьеса из разряда социальных гипотез, что-то вроде "Невозвращенца" Кабакова. Правда была настолько чудовищной, что не укладывалась в сознании. Согласитесь, мы все же беспечный народ. Вроде, ждем всегда худшего, а когда беда приходит, удивляемся: мол, ждали беды, да не такой же!

Но поверить пришлось. И ужас, леденящий, мертвящий, пронизал насквозь.

- Да, теперь будет еще труднее жить,- говорил мой старый отец.

А я вдруг поняла, что это чушь. Труднее? Да просто не жить... Моим близким, моим друзьям... Конец всем планам, идеям, размеренным будням, наконец. И это еще ничего. Конец всем нам. Рано или поздно. "Я не думал, что я буду в первой волне репрессированных, - говорил спустя несколько дней после переворота режиссер Марк Захаров.- Не в первой и, наверное, не во второй. Ну, может быть, в четвертой..." Тогда многие думали примерно так же. Пусть даже не в четвертой, а в сто двадцать пятой волне... Моя семья, мои друзья... главное, понятна была неизбежность такого исхода.

Мы жили на даче, с моим отцом и сыном. Несмотря на весь ужас, я все благодарила Бога, что у сына отпуск и он со мной. Хотя бы несколько дней. А муж был в городе, в Питере. И зная его характер, можно было рассчитывать только на самое худшее. Все утро 19-го с единственного телефона в нашем поселке я пыталась дозвониться до города. Телефон был мертв. Несколько дней спустя мы прочитали в одной из газет, что междугородняя связь в Питере была отключена по приказу местной "чрезвычайки", и начальник междугородного узла на свой страх и риск включил связь лишь в 12 часов. Оставалось только ждать и надеяться.

Вечером по телевидению выступил Собчак. Мы обрадовались ему как самому родному человеку. Потом прибежала соседка и сказала, что прорвался по телефону муж, что он жив и здоров, что 20-го на дачу не приедет. "Он сказал, что завтра ему нужно поработать", - сказала она. А радиостанция "Свобода" передавала о том, что к Ленинграду движутся войска. И мерещилось страшное: озверелый солдат, разбивающий фотокамеру, когда муж решил "поработать". И хорошо, если только камеру.

Собчак призвал всех на митинг. И первым поездом 20-го, в 5 утра, мой сын уехал в Питер. Я плакала, я просила его остаться, пожалеть меня. "Не могу я здесь сидеть", - огрызнулся он. И уехал. Я вслед за ним уехать не могла - не на кого было оставить моего слепого отца. Приемник был настроен на волну "Свободы" и работал круглосуточно. И вот в 6 утра, когда сын уже ехал в электричке, в выпуске новостей они сообщили, что к Ленинграду движется колонна из 120 танков, что БТРы уже стоят на площади Победы и у Московского вокзала...

Что бы я ни сказала о моих чувствах после услышанного, все будет не словом, а лишь тенью слова. Я ничего не могла делать. Не могла есть, читать, спать, гулять - ничего. Было какое-то оцепенение, какое-то полуживотное... нет, "попупредметное" состояние. Будто я - вещь, которая без посторонней помощи не может быть сдвинута с места. И мыслей даже не было. В сознании всплывали только лица. Лицо сына. Лицо мужа. Милые лица моих друзей. Каким-то краем заторможенного, оцепеневшего моего мозга проходила фраза: они все там. Там - это у Мариинского дворца или на Дворцовой площади в Питере, это у "Белого дома" в Москве. Я не то чтобы думала все время об этом. Это просто жило во мне. Как какое-нибудь мелкое паразитирующее животное. Съедало меня изнутри. Я не ждала, нет. Я тихо погибала от ожидания. Может быть, кому-нибудь это покажется смешным - ведь все кончилось быстро. Но кто знал тогда, что так все кончится? Пусть это кому-нибудь покажется смешным, но я теперь понимаю, я знаю теперь, как ждали отцов, братьев, сыновей, мужей с войны, сходя с ума от самого тяжкого - неизвестности...

Они приехали под вечер 21-га. Счастливые. Муж сказал "Мы победили!" И это не показалось мне ни патетическим, ни смешным. Я тоже была счастлива.

Впервые за многие дни. Или годы? И не только потому, что вернулись мои мальчики. И не только потому (да простит мне Бог!), что среди фамилий погибших в Москве, я не услышала знакомых фамилий. Не спешите упрекать меня в бессердечии. Как у всех, душа моя содрогнулась, когда стало известно о гибели московских ребят. И все же, все же...

Не только я, наверное, многие чувствовали себя счастливыми в те августовские дни. Потому что оказалось, что нас так и не сумели превратить в жующих скотов. Что не все колбаса да масло. Что еще не разучились "стоять всем миром" - за волю, за достоинство свое. Что мы все-таки (прав Шевчук!) "не быдло - народ".

И вот тогда, в те августовские дни, я отбросила все сомнения. Я знала, что напишу-таки эту маленькую книжку.

Тысячи и тысячи молодых людей стояли в цепях у Белого дома в Москве, тысячи и тысячи пришли в Питере на Дворцовую. Это она, та самая молодежь, которую обвиняли во всех смертных грехах, отстояла свободу. Она, воспитанная во лжи, пошлости, серости, она, зубрившая аксиомы о партийности литературы и даже естественные науки изучавшая с точки зрения марксизма-ленинизма, она... Она, слушавшая песни Шевчука и Цоя, Кинчева и Гребенщикова, Макаревича и Науменко, Сукачева и Ревякина... Это все она.

И пусть книжка окажется субъективной. Какой же еще она может быть? И пусть в ней будет не вся правда. И все-таки - пусть будет эта книжка. Об одном из самых близких мне людей. О человеке сложном и противоречивом порой, но всегда последовательном в том, что касается достоинства и свободы личности. "А рабом я никогда не буду, даже рабом Божьим", - так сказал он в одном из своих интервью много месяцев тому назад. И я знаю, что в слезах, которые проливали

матери в те три августовских дня, отпуская своих сыновей на митинги и баррикады, есть и его высокая вина. Поэтому прочь сомнения, и пусть будет эта книжица.

И еще.

Мы встретились с Костей спустя несколько дней после переворота. Этот август был действительно роковым. И встретились мы по скорбному поводу - на похоронах Миши Науменко, Майка. В тот же вечер Костя должен был уехать в Москву на концерт "Рок на баррикадах". Поэтому, несмотря на самое неподходящее время для деловых разговоров, я вынуждена была напомнить ему про тексты, которые он обещал дать для этой книжки.

- А может быть, ну ее, эту книгу? - сказал вдруг он.

- Ты знаешь, я сама так думала, но теперь все же хочу ее написать.

- Время еще не пришло,- сказал он и жутковато улыбнулся.

Я поняла, что он имеет в виду.

- Ну ты, не смей, слышишь? - только и нашлась сказать. А для убедительности еще и слегка треснула его по лбу.

Но стало мне не по себе. Ведь, и вправду, у нас какая-то идиотская традиция "концертов памяти", посмертных книг, статей, дифирамбов. И я тогда решила окончательно. И сказала Косте:

- К черту все традиции. К черту "время не пришло". Самое время. Я хочу обмануть судьбу. Попробуем.

"Сегодня умрешь, завтра скажут - поэт," - говорится в известной песне группы "Чайф". Я хочу обо всем говорить сегодня. И еще там же говорится: "Поплачь о нем, пока он живой. Люби его таким, какой он есть". Я не предлагаю читателю "поплакать о нем". Хотя бы потому, что "он" нам этого не разрешит. Я предлагаю вместе со мной "любить его таким, какой он есть". И

порадоваться тому, что он есть. Что есть его песни, а в песнях - боль, любовь и вера. Нам надо торопиться с нашей радостью и любовью. Потому что уже сбываются пророчества и вплотную подступили к нам апокалипсические времена, когда уже не будет "никакого художника, никакого художества", когда только "купцы - вельможи земли". В такие дни, пока не поздно, обратим наши благодарные очи к тем, кто все еще не оставил своих странных пристрастий, кто так и не возжелал быть "вельможей земли", к одному из "играющих на яслях и свирелях" и "трубящих трубами".

Итак, позвольте представить, господа: мой друг Константин Евгеньевич Панфилов, он же Костя Кинчев, год рождения 1958 от рождества Христова, женат (во второй раз), отец двоих детей, поэт, музыкант и лицедей.

Прошу поднять занавес!

Как ни странно, я увидела Кинчева первый раз на сцене только на концертах III ленинградского рок-фестиваля. Это при том, что как только на ленинградской сцене появлялось какое-нибудь новое имя, оно сразу попадало в поле моего зрения.

До 1985 года я работала корреспондентом университетской многотиражки и кроме прочих материалов иногда публиковала заметки о жизни питерских рок-музыкантов. Понятно, что мне надо было быть в курсе рокерских новостей.

Почему в таком случае я увидела Костю впервые почти через год после его появления в Ленинграде? Помнится, позвонили мне мои друзья и пригласили на концерт группы "Алиса" во Дворец молодежи. Кажется, это было всего лишь второе выступление Кинчева. Задолго до III фестиваля.

- Вы что, с ума сошли?- набросилась я на моих друзей. - Видела я эту "Алису". И слышала. Помню, как же, век не забуду: "Мужчина - машина, женщина - лед".

Я уже вышла из пубертатного возраста. Мне это неинтересно.

- Да у них там вокалист новый,- уговаривали меня друзья. - Он москвич. Костя Кинчев. Классный парень...

Они так и обозвали его - вокалист. Поэтому я была тверда как камень, несокрушима как скала:

- Каким замечательным вокалом все это ни спой, ничто не спасет.

И преспокойно осталась дома.

Весной 1985 года я начала работать в Межсоюзном доме самодеятельного творчества, при котором подвизался рок-клуб. Наверное, я еще долго работала бы в родной многотиражке и все взаимоотношения с отечественной рок-музыкой ограничивались бы эпизодическими публикациями. Но человек предполагает, а Бог располагает. Начиная с осени 1984 года в родной газете мне методично создавали условия для того, чтобы я подала заявление об уходе. Занимался этим партийный комитет вкуче с отделом кадров. Все было в лучших традициях "времен застоя", как говорят теперь.

Осенью 84-го меня вызвали "в кадры" и объявили, что я должна уйти по сокращению штатов. Это было почти забавно, так как в штате газеты было всего-то две ставки корреспондента. К тому же на протяжении пяти лет моей работы на каждой летучке почти что редактор нахваливала мои материалы и ставила коллегам в пример. К тому же стало известно, что, как только я уйду и ставка моя якобы сократится, в редакцию примут сразу двоих новых сотрудников. Смешно? Теперь да. Я "не сократилась". Заявила, что никуда не уйду. И тогда мне перестали давать работу. Знаете, как легче всего выбить почву из-под ног человека? Заставьте его есть незаработанный хлеб. Мне платили зарплату, а заданий не давали. Если я что-то делала сама, материалы складывали в стол. За что я

попала в немилость? Догадок много. Но до сих пор это только догадки. ОНИ умели все окружить завесой тайны, умели превратить все в абсурд когда оскорбляла даже не открытая вражда, а ситуация полной бессмысленности, абсурдность происходящего.

"Процесс" Франца Кафки - это вовсе не заумь, а как раз очень понятная книга в приложении к нашей недавней действительности.

А догадки мои таковы.

Во-первых, я писала большую часть так называемых критических материалов в нашей газете. Ну там про всяких разбазаривателей собственности, про "сервис" в студенческих буфетах и т.п. Жалобы на меня "обиженных" в горком, обком, народный контроль и т.д. не были редкостью.

Во-вторых, я помогла одному юному дарованию опубликовать рецензию на диспуты, организованные лауреатом премии ленинского комсомола В.Т.Лисовским, на коих (диспутах) он промывал мозги племени младому, объясняя, что все хиппи, панки, а также их идейный вождь Борис Гребенщиков - просто ублюдки, а кафель в ванной - это мещанство, а Запад - совсем сгнил, а если тебе дадут миллион, то его надо отдать на... на... Варианты молодежь на диспутах искала разные. Одно было неизменным. По логике ведущего себе взять миллион могла только сволочь. Миллион надо отдать. Это ничего, что миллиона ни у одного из участников диспута - а были это в основном школьники, или студенты подготовительного отделения, или младшекурсники числом человек до пятидесяти и, как правило, приведенные на диспут за руку учителями или кураторами, - это ничего, что этого миллиона у них не было да и взяться было ему неоткуда. Но ведь представить себе можно? Ведь можно представить-то хотя бы? Ну вот. А как представил, так и отдай. Быстро. На строительство

дворца всех возможных искусств. Или музея внеземных цивилизаций. А себе - не помышляй, ну, там долги отдать, как было заикнулась на диспуте одна девочка... И вот все это называлось словом "наука". Новые методы.

В общем, мальчик принес рецензию. Умную, едкую, хорошо написанную. Наша университетская профессура приходила нас поздравлять с таким материалом и с таким внештатным корреспондентом. Помню, профессор Барабанов, геолог, восторженно восклицал:

- Да это же новый Белинский!

Молодец мальчик. Тем более что было ему всего пятнадцать лет.

Но профессор Лисовский рассудил иначе. Мальчика начали третировать, вести с ним долгие поучительные беседы и в школе, и даже приглашали к декану факультета журналистики, куда он, по слухам, собирался после школы поступать. Лисовский писал гневные письма в партком, где клеймил позором учащихся элитарных школ (наш юный корреспондент учился в английской школе в одном классе с моим сыном) и их взрослых пособников. На каждом углу профессор кричал, что у него связи на уровне ЦК ВЛКСМ и что Барановская ни при каких обстоятельствах в газете работать не будет.

Догадка третья. Время от времени, пользуясь репутацией "лучшего корреспондента", я устраивала мелкие истерики редактору (неплохой, между прочим, женщине), что если мне не позволят хотя бы иногда писать то, что я хочу, то я уйду из газеты. Естественно, этот мелкий шантаж я позволяла себе до осени 84-года. Это срабатывало, и в газете появлялись материалы о ленинградском рок-клубе, о "Машине времени". До тех пор появлялись, пока однажды редактор на мое очередное "уйду!" не заявила:

- Меня в райком партии вызывали и сказали: еще одна публикация про "роки" (так она это называла), и я больше не редактор. Поняла?!

И наконец, догадка последняя. Пьяный преподаватель обрек на гибель экспедицию. Погибли шесть человек. Дело в университете хотели замять. Но появилась статья в нашей газете. А спустя время ленинградский писатель Владимир Кавторин опубликовал статью об этой истории в "Литературке". Статья Кавторина вышла в свет 1 августа 1984 года.

Потом редактор говорила мне, что ей звонили из парткома и спрашивали, приходил ли Кавторин ко мне. И она сказала: "Да".

В двадцатых числах августа, после нашего возвращения на работу из коллективного отпуска, мне и сообщили, что в моих услугах университет не нуждается. Эта последняя догадка и кажется мне самой верной. А может быть, верны все четыре. В совокупности.

Сейчас нас пугают безработицей, но уверяю вас, что и тогда я плохо представляла, куда пойду работать (не зарабатывать на кусок хлеба, а работать), если все же придется уйти из редакции. А в том, что придется, я уже не сомневалась. И вот тогда известный в рок-кругах Андрей Тропилло предложил мне:

- В Доме самодеятельного творчества освободилось место зав. репертуарным отделом. Я все устрою. Будешь заниматься репертуаром самодеятельных театров и литовать тексты в рок-клубе.

Для непосвященных - литовать значит разрешать (или запрещать) к исполнению. Я какое-то время колебалась. Наконец решилась. Тропилло меня наставлял:

- Ты не представляешь, чего мне стоило тебя устроить на это место, на что я вынужден был пойти. - При этом у него было такое выражение лица, будто он

вынужден был по меньшей мере совратить все руководство обкома профсоюзов, а заодно и весь женский коллектив дома самодеятельности. - Имей в виду, - продолжал он, - я тебя знаю. Не лезь на рожон. Осторожность нужна. Надо удержаться на этом месте во что бы то ни стало. Все залитовать и сразу вылететь с работы - дело нехитрое. А вот удержаться по возможности дольше на этом месте... В общем, ты отныне - Штирлиц!

Поэтому, когда я пришла знакомиться с работой, и милейший человек, настоящий интеллигент (их теперь так мало, что узнаешь их сразу - хотя бы по правильной русской речи), методист Виталий Владимирович Ганнэлис рассказывал мне, что "придется иметь дело еще и с этими валосатиками, но тут уж ничего не поделаешь", я скорбно вздыхала, кроила кислую мину, мол, ну что уж тут, потерпим, и делала вид, что чуть ли не впервые слышу слово "рок". Штирлиц так Штирлиц.

Пусть простит мне читатель зкскурс в мою биографию. Я отвлеклась от основной темы, чтобы было понятно: в силу моих взглядов на жизнь и обстоятельств самой этой жизни я просто не могла не принять сторону тех, к кому меня приставили "цензором". И с другой стороны: читателю должно быть ясно, что наше знакомство с главным героем - с Костей Кинчевым началось весьма официально. Более того, в ситуации несколько ненормальной. А именно - он пришел литовать тексты. Пришел на прием, так сказать, к цензору. Это было весной 1985 года, перед концертом, посвященным закрытию очередного сезона в рок-клубе.

- Я тут текстики... - и он положил передо мной три листочка. Это были "Ко мне", "Мы вместе" и "Мое поколение". - Вот... - и подтолкнул листочки поближе ко мне. - Вот... - снова сказал он и на этот раз подтолкнул в

мою сторону большую шоколадную конфету в красивом фантике.

Я как раз читала "Мое поколение". Это теперь все самые смелые. Это с позиций сегодняшнего дня такой текст кажется почти безобидным. А в 1985-м... Понятное дело, без конфеты не залитуешь. Я чуть не рассмеялась. Но памятуя все время о "штирлице", сделала строгое лицо и спросила:

- Это что, взятка?

- Ну что вы... эт-то... от души это...

Я с несомненным интересом и удовольствием рассматривала своего визави. А ведь актерище! - помнится, это первое, что я вынесла из нашего знакомства.

Тексты, которые я прочла, ну никак не вязались с его кротким видом. И экой овцой прикидывается. "Овца" в тот момент решила сменить тактику, вскинула на меня глаза и посмотрела одним из своих теперь хорошо знакомых мне взглядов под кодовым названием "ну, тут я, конечно, их всех обаял..." В этом взгляде была совершенно непристойная смесь сознания собственной неотразимости, наглости и в то же время незащитности.

Ну и поросенок же этот мальчишка! - это было основное впечатление от нашей первой встречи с Костей.

А тексты... Конечно же, залитовала. Тем более, он мне в этом помог. Каким образом? Над "Поколением" было написано посвящение: "Жертвам событий 13 мая в Филадельфии". Тогда полиция, по сообщениям нашей прессы, убила несколько человек, взорвав гранату в негритянском гетто. С точки зрения господ идеологов, все было чисто. А на концертах кто поет посвящения? Никто. Не сочтите все это за цинизм. Такие ходы диктовало время. И не только в ту пору. Русская культура такими примерами изобилует. Я думаю, автора

"Жалобы турка" в первую очередь волновала судьба его российских соотечественников. Или Булат Шалвович Окуджава, когда писал: "...безумный наш султан сулит дорогу нам к острогу...", то имел в виду совсем не главу какого-нибудь мусульманского государства, а скорее очередного генсека.

Насколько я знаю, идея с посвящением памяти жертв в Филадельфии принадлежала Славе Задерю, который тогда еще не ушел из группы. Константин, как я понимаю теперь, на такие изыски не мастак. Помнится, он даже принес мне как-то программу одного из концертов (их тоже положено было утверждать каждый раз заново!), и в этой программе вместо Филадельфии красовался Сан-Франциско. Для него это было все едино.

Во всяком случае, идея с посвящением была мною с благодарностью воспринята и очень помогла мне в дальнейшей "цензорской" деятельности. Сколько острых углов помогли обойти эти посвящения. Конечно, все чиновники от культуры и партаппарата (что было в то время одно и то же) все понимали. Я помню, с какой интонацией заведомо из городского управления культуры товарищ Лихова заявила мне однажды: "Я вам не доверяю". Но я помню и то, как на IV рок-фестивале орлы из обкома ВЛКСМ, дамочки из того же управления культуры и, кажется, из Куйбышевского райкома партии листали тексты, как правоверные комсомольцы сокрушенно обменивались репликами:

- Ты смотри, до чего додумались, сволочи! А поди, скажи им "нельзя"... Не придерешься...

Хотя все равно придирались. И запрещали. И карали.

Но какое-то время все эти уловки работали. Пусть ненадолго. Но тогда и загремел, помнится, Питер по всей державе. Не только потому, что первым в стране был питерский рок-клуб, а еще и потому, что "там поют

та-ко-ее!!!" А идея "прикрытия" самых крамольных текстов, как я уже говорила, исходила от "Алисы".

Вот так.

* * *

Вот так мы познакомились. Но не подружились. И это естественно. Кем я была в глазах ребят? Цензором. А что может быть страшнее цензора для сочинителя? Так что утверждение уважаемого рок-дилетанта Александра Николаевича Житинского о том, что "Нина Барановская, придя в дом самодеятельного творчества, очень быстро стала своей", далеко от истины.

Хотя, конечно, что подразумевать под словом "очень быстро". Понадобилось больше года, чтобы рокеры перестали смотреть на меня как на потенциального врага. А "своей" я вообще стала очень немногим. Рок-клуб никогда не был абсолютно однородной массой. Как и в любом другом достаточно многочисленном объединении, в нем были разные люди: и по уровню развития, и по степени одаренности, и по социальной принадлежности. Я и не скрываю, что с самого начала работы в ЛМДСТ я никогда не была беспристрастной в оценке тех или иных текстов, тех или иных групп. Я старалась быть объективной. Но у меня были свои "любимчики". В первую очередь Гребенщиков и Цой. Были и свои антипатии.

На чем основывались мои пристрастия? На неиссякаемом интересе к тайне человеческого таланта, на моем всегдашнем тяготении к личностям незаурядным, с искрой Божьей в сердце. С Витей Цоем мы никогда не были близкими друзьями, например. Но я всегда относилась к нему с огромной симпатией. И, конечно, старалась, чтобы тексты "Кино" услышали люди.

Это не всегда удавалось. То же управление культуры нередко перечеркивало программы, уже разрешенные мной. К сожалению, я не была последней инстанцией в цепи разрешений-запрещений.

Но и я разрешала не все. Несмотря на легенды о моем крайнем либерализме, на моем столе лежала довольно объемистая папочка с надписью "Незалитованные тексты". Ее наполняли занудные, малограмотные, бездарные опусы.

Я знаю, были всегда сторонники позиции: надо разрешать все, а народ сам разберется, что талантливо, а что нет, сам решит, что стоит, а что не стоит слушать. Плоды такой позиции мы пожинаем сегодня, когда разрешается все. И когда экраны, репродукторы, сцены захлестывает волна такой беспросветной серости и пошлятины, что другой раз не хочется слушать вообще ничего, даже то небольшое настоящее, что пока еще уцелело под всем этим натиском бездуховности и халтуры.

Но тогда времена были недемократичные. И своим правом запрещать я пользовалась иногда, чтобы поставить заслон махровой серости. И что интересно, авторы этих незалитованных невразумительных сочинений после наших с ними стычек на почве их крайнего непрофессионализма чувствовали себя чуть ли не героями: еще бы, их тексты "круче", чем у всяких там Гребенщиковых, Кинчевых и Цоев, раз тем литуют, а этим нет. Так они рассуждали.

* * *

Надо сказать, Костя Кинчев поначалу вызывал у меня интерес, в первую очередь, как незаурядный

актер и шоумен. Помню, как куратор клуба Наташа Веселова однажды обратилась ко мне:

- Я хочу с тобой посоветоваться. Тут приходил мой знакомый режиссер Валерий Огородников. Он ищет исполнителя на главную роль в фильме о рок-музыкантах. Как считаешь, кто из наших смог бы сыграть в кино?

Мы недолго обсуждали этот вопрос. Пришли к единодушному мнению: Костя Кинчев "потянет". И он действительно сыграл главную роль во "Взломщике".

Не то чтобы я отказывала в ту пору Кинчеву в поэтическом даре (мне, например, очень нравились его "Экспериментатор", "Мое поколение", "Энергия"), не то чтобы музыка "Алисы" казалась мне не заслуживающей внимания. Я отдавала Косте должное, понимала, что человек он, безусловно, талантливый. Но Кинчев эпохи создания альбома "Энергия" не был "моим" автором. Все его "соковыжиматели", "манекены", "франкенштейны" и прочая нечисть не могли быть для меня хлебом духовным, вызывали, положим, интерес, но душу не затрагивали.

Как человек он в ту пору был мне более любопытен, чем как автор песен. Клуб был не только местом проведения концертов, но в полном смысле слова клубом, куда частенько заходили рокеры попить кофейку и потрепаться в курилке ЛМДСТ о том, о сем.

Когда разговариваешь с человеком через казенный стол - это одно. А когда сталкиваешься с ним в прокуренных стенах сортирного предбанника, где и была расположена курилка ЛМДСТ, - совсем другое. Разговоры начинаются другие. В основном, конечно, говорили о музыке. Но нередко переходили и на другие темы. Помню, однажды максималист Миша Борзыкин, лидер группы "Телевизор", в очередной раз "обличая" "Аквариум" и Бориса Гребенщикова, вдруг заявил:

- И вообще, что он с этим Христом лезет! У Христа полно противоречий. То призывает к смирению, то кричит: "Не мир я вам принес, а меч".

Ох, как я рассердилась! На Борзыкина рассердиться вообще было нетрудно. Он, честно говоря, не слишком тактичный человек. С возрастом, конечно, стал не то чтобы деликатнее, но слегка помягче. А в ту юную пору категоричность его не знала предела. При всей разнице во взглядах с небезызвестной Ниной Апександровной Андреевой, Борзыкин тоже из тех, кто не может "поступиться принципами". Он всегда заявлял о своей непримиримости к "совку", но проводил свои принципы в жизнь вполне совковыми методами. Впрочем, все мы этим грешим.

Михаилу почему-то всегда казалась, что "молодые группы" (к коим тогда относился и "Телевизор") оттирают, что "Аквариум", который был тогда на пике своей популярности, сплотил вокруг себя чуть ли не мафию, которая помогает ему удержаться наверху. В самиздатовских журналах-де восхваляют только "Аквариум" с БГ, и отсюда его популярность. И совет клуба во все концерты "пихает" только "Аквариум".

Простая мысль о том, что народ идет на "Аквариум" сотнями, а потом и тысячами потому, что "Аквариум" народу чем-то интересен, близок, необходим, так и не смогла уложиться в его революционно-непримиримой голове. Смысл жизни Миша Борзыкин искал в борьбе.

При его активном участии, помнится, была создана некая инициативная группа по расследованию протекционистской деятельности совета рок-клуба. Господи! Как это все теперь смешно! Пару лет тому назад Кинчев сказал однажды:

- Мишка Борзыкин - это наш рок-клубовский Ленин.

Впрочем, наш герой не Борзыкин. И я все это рассказываю к тому, что бороться для Борзыкина было потребностью, и в тот раз объектом нетерпимости стал

сам Иисус Христос. И с позиций, так сказать, необольшевистских. Его реплика о противоречиях в учении Христа вполне была в духе антирелигиозной пропаганды. То есть: я сам, конечно, не читал, но, говорят, мура все это. А не читал - это без сомнений. Если бы читал сам, то не мог бы не заметить, что речь идет про "меч уст моих", меч слова Христова.

- Ты сам-то читал Евангелие? - спросила я. - Или ты это в карманном справочнике атеиста почерпнул?

И тут меня поддержал Кинчев, чем и удивил. Я не помню точно, что именно он сказал, да это и неважно. Важно то, что он действительно был хорошо знаком с предметом разговора, и не по справочникам, не по "забавному Евангелию" или "Библии для верующих и неверующих" и прочей макулатуре. Борзыкин, насколько это возможно, стусевался.

Я так подробно рассказываю об этом эпизоде потому, что это был момент разрушения моего уже сложившегося представления о Косте. Я знала, что он далеко не мальчик из подворотни, что родился и вырос в интеллигентной профессорской семье. Знала, но до определенного времени воспринимала эту информацию (чего греха таить!) по принципу "в семье не без урода". Во всяком случае, он не производил на меня поначалу впечатления человека начитанного. И, тем более, интересующегося столь непростыми вопросами. Было бы преувеличением сказать, что Костя добросовестно играл роль типичного представителя дворовой шпаны и тем вводил в заблуждение на свой счет окружающих. Все не так просто. И когда он говорит: "Я какой в жизни, такой и на сцене", то не лукавит. Ну, скажем, почти не лукавит...

Я вспоминаю один наш давний разговор. Вернее, рассказ Кости о своем детстве.

- Я еще маленький был, когда мы переехали в новый дом, в отдельную квартиру. И этот наш дом был чуть ли

не единственным, "нормальным" домом в микрорайоне. Вокруг - что-то вроде бараков. Рабочая слободка. И я жутко комплексовал, что у меня такая семья, что я вроде белой вороны среди пацанов, которые там жили.

И он стремился доказать тамошним парням, что он "свой". Помните песню "Армия жизни"?

Подворотни растили их,
Чердаки заменяли им дом,
Каждый из них ненавидел крыс,
Каждый из них был котом.
В новых районах большого города
Война... Это закон.
Каждый из них знал свое место,
Когда вставал район на район.
Им пели сладкие песни,
Каждым словом умножая ложь.
Но когда слова пахнут блевотиной,
В дело вступает нож.
Уличный цирк в рабочем квартале.
Это пи не поле чудес?
Каждый из них был далеко не ангел,
В каждом из них скалился бес.

Армия жизни - дети могил,
Армия жизни - сыновья помоек и обоссанных
стен.
Армия жизни - солдаты дна.
Армия жизни - помнит о том, что на земле
никогда
Не прекращалась война.

Фонари под глазами черных окраин
Заштриховали их день.
Каждая помойка им была баррикадой,
Каждая витрина - мишень.

В кодексе чести любой подворотни
Нет места слову "любовь".
Если каждый станет о любви слагать песни,
Кто за любовь прольет кровь?
Им так не хватало солнца,
Но ночь была с ними на "ты".
Вы их называли "шпаной",
Они вас называли "менты"!
Сытый голодному не товарищ -
Это аксиома, верь не верь.
Каждый из них был постоянно голоден,
В каждом из них пел зверь.

Такое мог написать человек, знающий все это не понаслышке. В Москве, неподалеку от ВДНХ, стоит монумент покорителям Космоса, в народе прозванный "Мечтой импотента". Он стоит на широкой площадке.

- Вот на этой площадке мы и сходились с пацанами из другого квартала, - показал Костя в сторону монумента.

- Зачем сходились? - наивно спросила я.

- Ну, дрались там. Кто с цепями приходил, кто так...

Мне приходилось видеть его в компании школьных друзей. Самые разные люди. Были среди них и не семи пядей во лбу, на мой взгляд. Но что совершенно точно, всех их он нежно любит и для каждого из них он "свой".

Когда он ездил "в гости" в свой старый дом, где жил в школьные годы, жена его говорила:

- Ну, это все! Это теперь дня на три. А то и на пять.

Истинность этих слов подтверждаю. Я помню, как однажды в свою бытность в Москве надо было по очень важному делу вытащить Кинчева из компании школьных друзей. Причем речь шла о деле жизненно важном именно для Кости. Во времена его войны с ленинградской милицией (об этом речь дальше) нужно

было срочно устроить его на работу, чтобы он не числился "тунеядцем". И вот человек, который хотел ему в этом помочь и которому нужно было, чтобы Костя подписал соответствующие документы о приеме на работу, отдал свою трудовую книжку и т.д., этот человек затратил невероятное количество энергии и сил на то, чтобы оторвать Кинчева от его школьной компании. Это был тринадцатый подвиг Геракла.

Как-то зашел разговор о Костиных фанатах. Да и вообще о новом поколении. Я, помнится, брюзжала по поводу того, что отсутствие тяги к знаниям и культуре едва ли не самая яркая черта сегодняшних шестнадцатилетних.

- Да чего, Нин, я такой же был. В хоккей играл да дрался. Потом, когда подрос, все больше насчет девчонок...

Тем не менее ему как-то удалось совместить в себе "хоккей", "девчонок" и любовь к дракам с большой любовью к книге, к слову.

На этом мы однажды и сошлись.

В течение сезона 85-86 года мы довольно часто встречались в ЛМДСТ и почти всегда спорили. Для споров были две непреходящие темы: творчество "Аквариума" и отношение к христианству. Я Кинчева тогда считала путаником, была уверена, что он, так сказать, адаптирует слово Божие "под себя". Помню, в буфете ЛМДСТ, когда мы сидели за кофе, он выложил на стол книжку в черном переплете. Это были апокрифы.

- Вот он что говорил! - И ткнул пальцем в строку.

- "Я ем и меня едят", - прочитала я указанное место.

- Ну и что?

- А то... Смиреник... - И рассмеялся.

- Костя, но ведь тут все дело в синтаксисе. Синтаксис был другой. Говоря современным языком, это означает: "Если я ем, то тогда и меня едят". То есть по принципу "что посеешь, то и пожнешь".

Но для него тогда (да и сейчас) Христос не был агнцем. Спустя много месяцев мы смотрели с ним как-то "Иисус Христос - суперзвезда" по видео. И вот когда началась сцена изгнания торгующих из храма - одна из лучших в фильме, - он вдруг произнес то же самое слово: "Смиреник... А?" - и так же одобрительно засмеялся.

В те первые недели нашего общения он часто говорил о том, что Христос предпочитал общество блудниц и мытарей. Мне все казалось, что это попытки оправдать себя, свою неприкаянность, полубродячий образ жизни, для которого вроде бы и не было оснований: есть квартира в Москве, жена, есть образование, профессия. И человек вдруг на все это плюет и живет все время в чужом городе, по чужим углам. Теперь я понимаю, что не стремление оправдаться, а желание объяснить важные для себя вещи руководило им в этих наших спорах. Он тогда начал резко взростеть. Не по поступкам даже сужу, а по тем песням, которые он начал писать.

Что же касается "Аквариума", отношения к нему, а вернее, к БГ - это особая тема. В рокерских кругах тогда немало говорили об обозначившемся будто бы соперничестве Кинчева и Гребенщикова, о творческом состязании, что ли. В этом есть доля истины. У Боба в 1985 году не только в Питере, но и в стране не было серьезных конкурентов. "Машина времени" после перехода на профессиональную сцену в глазах всегда непримиримых даже к тени благополучия фанов слегка потускнела. Цой еще не встал в полный рост, хотя и был уже одной из значительных фигур в рок-движении.

Звезда Майка Науменко начинала закатываться. В Питере было много хороших групп, но "Аквариум" выпадал из обоймы, реял где-то в горних высях над всеми. И тут появился Кинчев. Теперь, может быть, немногие помнят Костину песню тех лет "Мы держим путь в сторону леса". Впоследствии он подтвердил, что посвящена она была именно Гребенщикову. В ней отношение Кинчева к БГ высказано вполне определенно:

Ты веришь запаху трав,
Я - стуку в дверь.
Но разве важно, кем были мы
И кто мы теперь?
Ведь в этой игре решать не нам,
И не нам назначать масть,
Но, мне кажется, стоит встать,
Даже если придется упасть.
Ты ночуешь в цветном гамаке,
Моя кровать - пол.
И мне безразлично, кто из нас отдаст пас
И кто забьет гол.
Ведь в поисках темы для новых строк
Можно пробовать тысячи слов.
Но если ты слеп, не стоит идти -
Ты разобьешь лоб.

Мы держим путь в сторону леса,
Мы видим снег скал.
И нам ни к чему ветер песен,
Которые мы оставили вам,
Покидая вокзал.

Твой символ - роза ветров,
Мой - ржавый гвоздь,
Но, ради Бога, давай не выяснять,

Кто из нас гость.
Ведь мы с тобой решаем кроссворд,
К которому знаем ответ.
Ты только вспомни, какой шел дождь,
А сейчас дождя нет.
От линии стужи навстречу теплу
Мы бредем, держась за края,
И нам все сложнее смотреть вверх
И просить у неба огня.
И хотя у нас с тобой разный стиль
И разный цвет глаз,
Мы идем тропой восходящего дня,
И утро смотрит на нас.
Мы держим путь в сторону леса.

Эта песня - обращение к брату. Помните у Вознесенского: "пошли мне, Господь, второго, чтоб вытянул петь со мной..." Творца может оценить по-настоящему только творец. У любого художника всегда в душе живет тоска по пониманию - не слов, жестов, поступков, а созданного им. Ему необходима оценка равного. Не пылкие восторги и преклонение невзыскательных поклонников, а оценка равного. Кинчев никогда не смотрел на БГ как на "отца русского рока" и "учителя", нет. И вряд ли отдавал себе отчет в том, чего именно ждет от Боба. Но мне кажется, что он искал именно признания, понимания. Песня-то о том, что идеалы у них одни и те же, каким бы разным на первый взгляд ни было их творчество.

Вроде бы они и не ссорились. Правда, Костя рассказывал мне, что когда начинался его питерский период, он однажды пришел к Бобу домой.

- С бутылкой, как водится, чтоб все по-людски...

Но пообщаться им не удалось. Жена Бориса, женщина эксцентричная, попросту выгнала

Константина. На нее Кинчев не обиделся - "что взять с вздорной бабы?" А то, что БГ в этой ситуации повел себя не по-мужски, конечно, его задело.

- По-мужски - это как? - спросила я.

- Ну, треснул бы кулаком по столу, что ли...

Но несмотря на этот случай, я не помню, чтобы Кинчев когда-либо злословил по поводу Боба. Естественно, все мы обменивались впечатлениями о концертах, о новых песнях того или иного музыканта или группы. И Константин никогда не кривил душой и говорил все, что думал, в том числе и о песнях Бориса. Иногда звучали далеко не комплименты. Но это всегда была критика с позиций художественных. В ней никогда не проскальзывал даже намек на мстительность, злобу или что-либо в этом роде.

Боб тоже посвятил Кинчеву песню. То есть он не декларировал, что песня написана именно в связи с Константином. Но это поняли все.

Однажды по каким-то делам зашел Борис, и я показала ему текст "Мы держим путь в сторону леса". Он прочитал его и сказал: "Угу". Потом, после того, как Кинчев впервые спел в рок-клубе знаменитую теперь песню "Мы вместе", Боб пришел ко мне на работу уже с текстом.

- Залитуешь? - И он протянул мне свое новое сочинение. Называлось оно "Быть вместе":

Я хочу сказать тебе: здравствуй, но где ты?
Дать тебе руку, но рука проходит словно сквозь
дым,
Разжечь пламя, но что в тебе может гореть,
Разделить с тобой кровь,
но кровь нужна только живым.
А твоим картонным героям, у которых нет тени,
Бесплотным женщинам, которые вянут весной...
Ты доволен, что движешься,

тебе наплевать на то, кто тобой движет.
Ты поешь на чужом языке - *
ты боишься знать свой...
Но помни - мы могли бы быть вместе,
Мы могли бы быть вместе,
Если бы ты мог быть.
Ты имеешь змею, в которой нет яда,
Решения, чтобы никто не задал вопрос,
Свадьбу, на которой нет ни мужчин, ни женщин,
Ритуал, в котором нет слез.
А мы могли бы быть вместе -
Если бы ты мог быть.

Вот такая песенка. Если сопоставить два посвящения - Кинчева Гребенщикову и Гребенщикова Кинчеву, то непредвзятому человеку сразу становится ясным отношение их друг к другу. Если Костя обращался к брату, то БГ указывал ему его место, ставил в угол мальчишку-неуча и сорванца, осмелившегося заговорить на равных. Тем не менее Боб, который не слишком интересовался творчеством своих братьев по рок-клубу и приходил в основном на те концерты, которые были связаны с праздниками - открытием сезона, фестивалем, годовщиной клуба и т.п., всегда приходил на концерты Кинчева. Правда, интерес свой порой скрывал за какой-нибудь откровенной демонстрацией, чуть ли не за ерничеством. Так, помню, на одном из концертов Боба со старинным лорнетом в руке, Он половину программы глядел на кинчевские неистовства в лорнет, держа его картинно, как если бы был на сцене, а не в партере, и снисходительно улыбался. В середине программы он сложил лорнет и вышел из зала. Не раз после алисовских концертов я слышала от Боба полюбившееся ему определение:

- Ты знаешь, вот Людка (жена Бориса. - Н.Б.) говорит, что он какой-то картонный, ненастоящий. Наверное, она права. Хотя... Хотя у него все есть для того, чтобы быть настоящим...

Так что фраза "может быть, я и картонный герой, но я принимаю бой" не случайна в "Земле" Кинчева. Это цитата из того же БГ.

Но, повторяю, понимая все это, зная, чувствуя отношение БГ к себе, Костя никогда не опускался до злобных выпадов. Один только раз он позволил себе съязвить. Это было в день концерта памяти Саши Башлачева в рок-клубе в 1987 году, в феврале, сразу после похорон.

К этому времени мы еще вернемся, а пока только расскажу эпизод, чтобы завершить тему. На похороны, как известно, съехались музыканты со всей страны. Приехал из Новосибирска и Дима Ревякин. Он все мучился вопросом, что же спеть на поминальном концерте. Песню, которую он замыслил исполнить, Кинчев забраковал.

*Помните кинчевское: "Я начал петь на своем языке..."? Н.Б.

И вдруг Дима решил - надо петь не свое, а народную песню, "Черного ворона".

- Вот это хорошо, - сказал ему Константин. - А слова-то помнишь?

Выяснилось, что слова Димка помнит плохо, да и то только первого куплета. Пытались найти текст. Но в те дни было не до того, чтобы бегать по библиотекам. И тут вспомнили: Боб когда-то на концерте пел "Ворона". Значит, он точно знает текст.

- Знаешь адрес Боба? - спросил Дима у Кинчева. - Давай сходим к нему.

И они пошли. Поднялись по знаменитой нескончаемой лестнице, позвонили в дверь. Чтобы их не приняли за фанов, надоевших своими посещениями, я

сказала об условном звонке, по которому открывают "своим". Этим "условным" они и позвонили. Дима потом говорил:

- Но ведь я слышал, что к двери подошли. Постояли, подышали и не открыли.

Может быть, Бориса и вправду не было дома, не берусь судить. Но дело не в этом. Когда собрались на концерт, в примерку, где сидели Кинчев и Ревякин, вошел Боб. Они рассказали, как приходили к нему и, главное, зачем приходили.

- Димка хотел "Ворона" спеть, а слов не знает... Жалко очень, ведь так хотел спеть... А ты сам-то его петь не будешь?

- Нет, - ответил Боб.

А потом на сцену вышел Боб с Сашей Титовым. И вдруг Боб запел "Черного ворона". Честно говоря, стало как-то не по себе. Он пропел свои песни, обернулся к портрету Саши Башлачева, висевшему в глубине сцены, перекрестил его и ушел.

После этого демарша и сорвался Кинчев. Когда снова увидел Боба, то вдруг восторженно-придурковатым голосом произнес:

- Ой, а я думаю, что же это так светло стало?словно солнце воссияло нам! А это Борис Борисович вошел! А я-то думал... А это Борис Борисович нас посетил...

Был и еще один, как теперь это называют, наезд на Боба. Я о песне "Снова в Америку". Помните?

Он родился и вырос в коммунальном коридоре,
Но с детства походил на героев рок-н-ролла.
На все, что крутило и вертело Чака Берри,
Он ставил свои метки, как кот на заборе.
Он всегда был против, никогда не был "за",
И соседи нередко вызывали ментов.
Но у него был козырь: закрывая глаза,
Он врубал магнитофон и - будь здоров!

Он был снова в Америке.
Ему снился пепел. Он бредил им.
И лишь мажорный рок-н-ролл успокаивал нервы
Он так боялся оказаться вторым,
Но все время забывал, что такое - быть первым.
Его склоняли на все голоса,
А он плевал на стены легендарных "Крестов".
У него был козырь: закрывая глаза,
Он врубал магнитофон и - будь здоров!
Он был снова в Америке.
Теперь он в топе, он вот в экран.
И ему протежируют сытые лица.
Он принял титул, он вышел за грань,
Но стал конкретен, как передовица.
Вольному воля. Он открыл глаза.
Он прошел по парапету, минуя ОВИР.
Вот она - взлетная полоса.
Он идет по трапу завоевывать мир.
Снова в Америку.

Когда я сказала Косте, что это, дескать, мелко, что не стоило уж так костерить Боба за этот контракт, его, мол, право, его дело и т.д., то он ответил:

- А что он один поехал? Парней своих бросил на произвол судьбы. Что им теперь - побираться идти?

Боб съездил в Америку и вернулся. Сами знаете с каким результатом.

Когда напечатали в журнале "Аврора" сказку БГ "Иван и Данило", Кинчев говорил:

- А черти-то в сказке, что из ящика выскакивают, - ведь это мы, чай, - и совсем беззлобно, по-детски как-то хохотал.

Прошло время. Они снова встретились на очередном концерте памяти. Теперь уже памяти Вити Цоя. И Костя сказал Бобу:

- Я раньше молодой был, глупый, может, чего и не так было. Вы уж не сердитесь, Борис Борисович, вы живите только...

Вот и вся история этого, якобы, противоборства.

* * *

Вообще, надо сказать, что представление о ленинградском рок-клубе 80-х годов как о некоем святом музыкантском братстве не более чем легенда. Вернее стремление выдать горячо желаемое за действительное. Клуб был микромоделью нашего современного демократического движения, участники которого стояли плечом к плечу, когда надо было противостоять партократии, и тотчас разбрелись по углам, когда давление ослабевало. То же самое происходило и в клубе.

Когда в эпоху давления, запрещений и неистовства милиции на концертах, стражи порядка начинали лютовать, все стояли стеной, демонстрируя свое единство и независимость. Тем не менее, в кулуарах можно было услышать такие нелестные высказывания друг о друге, какие не всегда вырвутся из уст заклятых врагов. Но тоска по братству была всамделишная и искренняя. И тем сильнее она была, чем дальше отходили от идеи братства в реальности.

Костя и в этом отношении всегда отличался от многих. Я уже говорила, что никогда не слышала злобных наскоков с его стороны в адрес БГ. Но ведь и в адрес кого бы то ни было другого я их тоже не слышала. Ко всем у него было ровное, доброжелательное отношение. К кому-то он относился с особой симпатией, причем музыкальные вкусы тут не имели никакого значения. Но враждебности не было ни к кому. Если в поле его зрения оказывались люди ему

неприятные, то они из этого поля исчезали мгновенно: он не способен таить в себе неприязнь и кого-то тихо ненавидеть. Если человек чем-то вызывал его неудовольствие или раздражение, то он так и говорил: "не люблю я тебя..." На том всякие контакты и кончались.

В 1987 году все свихнулись на музыке "Наутилуса". Слава Бутусов стал чуть ли не национальным героем. Костя к творчеству "Нау" отнесся скептически.

- Это для девчонок музыка, - говорил он, когда его спрашивали об отношении к "Наутилусу".

Но это прохладное отношение к песням группы не мешало ему искренне любить ее лидера:

- Славка - классный парень!

Он говорил это тогда, в начале их знакомства, говорит и до сих пор. Они - друзья и, я уверена, останутся ими навсегда.

Сложнее было с Цоем. Точнее - было страннее. Я знаю, что Константин и Виктор всегда с интересом следили друг за другом. В творческом, конечно, отношении. И каждый из них ценил то, что делает другой. Помню, когда московская рок-лаборатория впервые устроила нечто вроде фестиваля, в качестве гостей пригласили и питерские команды, в том числе "Кино" и "Алису". После мрачноватых изысков москвичей выступление "Кино" было как порыв свежего ветра. В антракте я подошла к Цою и сказала ему об этом. И он, несомненно, радуясь отличному своему выступлению, с азартом произнес:

- Э, подождите, вот сейчас еще Костя выступит! Он им покажет!... Куда Москве до нас!...

В одном из своих интервью Цой называл Кинчева в числе немногих, чьи песни ему близки. Марианна Цой, помнится, говорила, что "бунтарский" период Виктора (когда на смену песням "Фильмы", "Звезды останутся здесь", его иронично-любовной лирике пришли

"Перемены", "Дальше действовать будем мы" и т.п.) начался в творчестве Цоя не без влияния "героических" песен Кинчева.

Между ними не было конкуренции. Каждый был самодостаточен. И тем не менее отношения были удивительные. Во всяком случае, меня они поразили. Цой во времена своего московского периода жизни не раз бывал у Кости. В один из своих приездов в Москву я заехала к Кинчеву и застала там Цоя. Это было время, когда Виктор писал песни, вошедшие потом в альбом "Звезда по имени Солнце".

Сидели как всегда на кухне. Цой пел. И заметно нервничал. Потом гитару взял Костя. Начал что-то наигрывать. Вдруг отставил гитару:

- А-а, новых песен нет, а старые не хочу петь...

Но я видела, что дело в чем-то другом. И вдруг словно озарило: да они стесняются, боятся друг друга. Как боится публики человек, первый раз выходящий на сцену.

Когда Цой ушел, я спросила Костю:

- А что это вы с Витькой так друг друга стесняетесь, так дрейфите, будто от вашего взаимного суда вся жизнь зависит?

- Ты заметила? Слушай, никто не замечает... Но ты права, права... Это так. А почему? А черт его знает. Сам не знаю, почему. Но это правда.

В самом начале их знакомства у них был какой-то мелкий конфликт. Даже не у Кинчева с Цоем, а, скорее, у "Алисы" и "Кино". Вот почему в первоначальном варианте "Тоталитарного рэпа" появились слова "...но о "Кино" я не хочу говорить". Категоричное "не хочу" со временем сменилось на нейтральное "не могу". Но, будучи людьми талантливыми, занятыми в гораздо большей степени вопросами из так называемых "проклятых" и в меньшей, если не совсем в малой, - житейскими, они быстро поняли, что делить им нечего.

Я уверена, они оба глубоко уважали друг друга. Уважали не только ту неповторимую личность, которую являл собой каждый из них, но и ту потаенную силу, тот внутренний стержень, что присутствовал и в одном, и в другом. Я думаю, не случайно именно Цой и Кинчев воспринимаются подростками как герои, как пример для подражания. За каждым из них чувствуется способность не только словом ("Кто будет петь, если все будут спать?" - "И если песню не суждено допеть, так хотя бы успеть сложить..."), но и делом в случае необходимости отстаивать свои идеалы.

Очень тепло Костя всегда относился к покойному Майку - Мише Науменко "Папа Майк" - так нередко он называл его, несмотря на совсем небольшую разницу в возрасте.

Глубокая привязанность к Шевчуку началась еще с совместной поездки в Крым, о которой речь впереди. Как рассказывал Костя, пришел на пляж Шевчук, подошел к алисовской компании и сурово произнес:

- Сидите тут, а надо идти рыбу п...ть, - так Юра называл свои занятия подводной охотой.

И особое отношение всегда было у Кости к Диме Ревякину, лидеру сибирской группы "Калинов мост".

Помню, как однажды, когда у меня было особенно муторно на душе, Кинчев потащил меня через весь город к Леше Вишне - слушать записи "Калинова моста":

- Димка - такой светляк!...

Часто полушутя-полусерьезно Костя утверждал:

- Ревякин - обыкновенный гений.

На первый взгляд, они всегда относились друг к другу иронически. Начиная с шутливого распределения "титолов", Ревякин - гений, а Кинчев - звезда, или "звайзгне" (это словечко появилось в их обиходе после выступлений в Латвии). Или чего стоила версия, высказанная однажды Димой:

- Я думаю, - говорил он, - в Питере со временем нам установят по памятнику. У подножия по торжественным датам будут собираться фаны. К Костиному монументу будут приходить, конечно же, малоинтеллектуальные подростки...

А когда Дима серьезно заболел, Кинчев обзванивал всех и выяснял, не может ли кто-нибудь найти для Ревякина хорошего врача. После больницы Дима уехал домой, в Читу. Кинчев не раз говорил мне в то время, что уже договорился с ребятами - Юрой Шевчуком, Славой Бутусовым - поехать навестить Диму.

- Он же там совсем один...

Я скептически относилась к этим разговорам. Легко ли сказать - Чита не ближний свет. Фантазия, да и только, думала я. Но он все-таки поехал. Завернул, так сказать, после гастролей во Владивостоке.

- Там же недалеко...

Ну да, конечно, почти как от Кремля до ГУМа. Ах, да не в сравнениях суть. Просто он понимал, как трудно было Димке в ту пору, и не смог не поехать к нему.

За рамки официальные (по схеме "автор - цензор") наши отношения с Константином начали выходить только весной 1987-го, то есть через два года после первого знакомства.

Начало года была бурным. Лавиной прокатились концерты, их было столько, что порой приходилось выбирать, на что пойти. Раньше шли на любой концерт, потому что он попросту мог оказаться последним. Теперь что-то менялось. Было можно многое из того, что прежде было категорически нельзя. О рокерах начала писать большая пресса, с ними стала заигрывать творческая интеллигенция. Нет, конечно, пресса писала

и раньше. Статьи "Кто нужен "Зоопарку"?", "Рагу из синей птицы", "Барбаросса рок-н-ролла" запомнились рокерам навсегда. Но то была сплошная хула. Теперь пришло время панегириков.

В то время как-то так случилось, что у нас с Кинчевым появились общие знакомые не из рокерской среды. Мы в этом доме ни разу с Костей не сталкивались, он бывал там эпизодически.

Но я знала, что мои знакомые его обожали, много и с восторгом о нем говорили, всегда расспрашивали меня: что он, как он... Ну и так далее. Вот весной восемьдесят седьмого, кажется, на безумном фестивале, организованном Тропилло в Шушарах под Ленинградом, Костя подошел ко мне и вдруг спросил:

- Нина Александровна, вы, кажется, бываете у N? - и он назвал фамилию этих наших общих знакомых. - Не надо бы вам туда ходить.

- А в чем дело? - спросила я.

- Не буду я ничего объяснять. Но... как вам кажется, с вами там искренни?

- Что бы мне ни казалось, я обязана этим людям. Они однажды очень помогли близкому мне человеку.

- А-а, тогда чего ж... Ничего тогда не поделаешь. Придется терпеть. А то не надо бы вам туда...

- Но почему? Что терпеть?

Он так и не ответил.

Меня этот разговор удивил. В первую очередь - заинтересованностью, небезразличием Кости к жизни, казалось бы, постороннего ему человека. Спустя почти год я узнала, что он предостерегал меня не напрасно. В доме, где меня всегда встречали с любезнейшей улыбкой, в мое отсутствие говорили обо мне чудовищные вещи. То ли от скуки, то ли из каких-то соображений - Бог весть. А может быть, я невольно причинила этим людям какое-нибудь зло, коль пробудила в них столь недобрые чувства. Не знаю...

Костя, мне думается, и не пытался анализировать чужие взаимоотношения, тем более судить кого-то. Его покоробили фальшь, лицемерие. В нем есть (до сих пор!) неистребимая детскость в оценке людей. Он иногда прощает такое, что, кажется, никак нельзя простить. Но, как все дети, он обычно непримирим к двоедушию, к фальши.

А спустя несколько дней после Шушар несколько ленинградских групп поехали на гастроли в Таллинн. Я их сопровождала как лицо официальное. И вот в Таллинне однажды перед концертом мы с Костей разговорились. И вдруг выяснилось столько точек соприкосновения, столько общего во вкусах (эстетических), взглядах, в отношении к людям и к жизни, что и подозревать было нельзя. На чем сходятся русские люди? Я имею в виду - не на час, когда за бутылкой становятся лучшими друзьями и выворачивают душу, но каждый слышит только себя и, проспавшись, плевать готов на все проблемы собеседника. Я говорю о том сближении, которое подразумевает нечто глубинное, оставляющее след в судьбе, что не прерывается даже после того, как обстоятельства и время разводят людей в стороны.

Очень редко бывают в жизни встречи, когда ты готов произнести фразу из замечательной детской книжки: "мы с тобой одной крови". Почему так происходит? Трудно сказать. Но как это ни смешно (и такое возможно, пожалуй, только в России), нередко сходятся на том, что любят одни и те же книжки, одни и те же фильмы, одну и ту же музыку. Потом все должно подкрепляться чем-то еще, кроме единства эстетических вкусов. Но нередко именно совпадение в пристрастиях духовных бывает у нас на Руси первым толчком к сближению людей. Так и в этом случае. Мы начали с "бесед литературных". Но вся дальнейшая история нашего знакомства убедила меня в том, что за

всю мою жизнь вряд ли встречались мне еще люди, настолько способные к пониманию, настолько близкие по духу. Это не значит, что мы по характеру, по складу своему, одинаковы. Во многом мы очень расходимся.

- Мы, конечно, разные, но по импульсам схожи, - сказал мне Костя через несколько лет.

Что он имел в виду? Есть люди, которые на все и вся реагируют, предварительно взвешивая "за" и "против". Есть те, кто как чувствует, так и поступает. Те, у кого разум почти всегда плетется в хвосте эмоций. Иногда и в ущерб самому себе. И даже часто. По-видимому, мы относимся ко второй категории. То есть в поведении руководит не логика, а импульс. Так вот эти импульсы в одной и той же ситуации действительно у нас нередко были схожи. Если говорить проще, мы практически всегда "совпадали" в любви и неприязни к разным людям, в оценке ситуаций и событий. Может быть, поэтому, когда мне бывало паршиво, то за любой, самой развеселой миной, за беззаботной улыбкой он первый мог это заметить. Это редкий дар. Это дорогого стоит. И я очень ценю, что судьба послала мне встречи, - пусть и с немногими - с людьми, способными понимать, прощать и любить ближнего своего.

В бытность мою в рок-клубе, я знаю, были люди, которые упрекали меня, будто бы я общаюсь только со звездами. Это неправда. Из всей плеяды рок-музыкантов с громкими именами я до сих пор поддерживаю отношения только с двумя. Один из них Кинчев. И я радуюсь ему каждый раз, когда он звонит из Москвы или приходит в мой дом, появившись в Питере, не потому, что он звезда, а потому, что он когда-то помог мне разобраться в себе, и еще потому, что ни разу не предал. А в наше великое и поганое время это для меня - главное. Это чего-нибудь да стоит.

...Уж коли речь зашла о таллинских гастролях, я расскажу о них поподробнее. Поездка того

заслуживает. Во всяком случае, это было впервые в моей жизни и в моей "цензорской" деятельности, когда я музыкантов крыла матом. Вот что писала по поводу этих гастролей "Молодежь Эстонии" - была прежде в Таллинне такая газета:

"Конечно, рок - это песни протеста. Это - эпатаж и взламывание сценических стереотипов. Но чтобы до оскорблений? Как-то обидно за свои три рубля быть обозванным, например, "козлом". Именно это произошло со зрителями на концертах с участием ленинградской рок-группы "Алиса".

..."Алиса" подвела всех. И хозяев, и гостей. Показав непревзойденные пока на сцене дворца и за его кулисами образцы хамства, безвкусыя. На их совести - изуродованный рояль, испорченный микрофон, испорченное настроение многих людей.

..."Заклеймив" со сцены нашу избирательную систему, Кинчев продолжил "предвыборную борьбу", валяясь пьяным и оскорбляя работниц Таллиннского дворца культуры и спорта, которые пытались отправить его в Ленинград согласно купленным заранее билетам.

Подмосковный институт с сомнительной славой его вечеров, танцплощадки, в Перловке и Красногорске, сами танцы, которые редко заканчивались без усиленного наряда милиции, - университеты, которые он прошел. Поэтому простим ему отсутствие воспитания, вопрос "где здесь туалет?" вместо привычного "здравствуйте".

..."Телевизор", "Наутилус Помпилиус" из Свердловска, "Авиа" - о них говорили, спорили, и только две группы вызвали бесспорное отрицание - это "Алиса" и "Объект насмешек". А ведь самообольщение - это путь в тупик".

В этой статье - не все правда. На совести автора реплики Марины Добровицкой утверждение, что Кинчев валялся пьяным и оскорблял работниц ТДКИС. Это

неправда. Не валялся и не оскорблял. Неправда и то, что последние "пытались отправить его в Ленинград согласно купленным заранее билетам". И туда, и обратно ехали автобусами, предоставленными Ленинградским дворцом молодежи.

А в остальном... Ну, да по порядку.

"Алиса" и "Объект" уехали в Таллинн утром, в 10 часов. "ДДТ" отправлялась в три часа дня. Я поехала с ними. К Юре Шевчуку я сейчас отношусь с нежностью, но, надо сказать, первое близкое знакомство с прославленным коллективом и его лидером меня не порадовало. Удивительно, что мы вообще доехали, а не оказались в каком-нибудь промежуточном населенном пункте в КПЗ.

Ребятки пьянствовали всю дорогу. И довели шофера автобуса до бешенства настойчивыми требованиями остановить автобус то у пивного ларька, то по другой нужде. Требования предъявлялись в форме категоричной и безапелляционной, сопровождалась матерщиной и гортанными выкриками, а то и угрозами.

В конце концов шофер тормознул у пункта ГАИ и отказался наотрез ехать дальше. Еле-еле удалось разобраться с милицией и продолжить путь.

Тогда у меня не было еще большого опыта совместных путешествий с нашими рокерами. И я, конечно, издергалась.

Спустя несколько месяцев мы возвращались вместе с Шевчуком и компанией из Симферополя. И когда у трапа нас уже ждала ПМГ, так как бортпроводницы обессилели за время полета в борьбе с неистовыми музыкантами, я была почти спокойна. Я их - бортпроводниц - понимала. Кого обрадует, если в салоне в наглую курят, а на требования прекратить безобразия, не выпуская сигарету из зубов и пуская дым чуть ли не в лицо, отвечают: "А кто курит-то? кто?", когда пьют портвейн в открытую, когда ноги

закидывают на подголовник впереди сидящего соседа и в ответ на его, соседа, возмущение на чистом немецком, поскольку сосед - турист из ФРГ, неделикатно напоминают ему про Сталинград и 1945 год. Кого все это обрадует?

Поэтому я безропотно проследовала с орлами-музыкантами в отделение милиции в аэропорту и терпеливо, пока составляли протокол, выслушивала завывания Юры Шевчука, который с душевной болью костерил ментов: "Я летел в этом железном гробу, в этом Иле, я летел на родную землю из Крыма, где словом и делом поддерживал перестройку, я артист, я рисковал... э-э... я жизнью... рисковал... летел... а вы..." Ну и так далее.

Я не упала в обморок, когда лейтенант показал мне "объяснительную" Андрюши Васильева, гитариста "ДДТ". Из записки явствовало, что он, гражданин Васильев, "взлетел в г. Симферополе после чего совершил приземление в г. Ленинграде". И все. Под сим шедевром стояла подпись: прапорщик Васильев. Для пущей убедительности он подтверждал свое звание изустно. "Козлы,- кричал он,- я сам прапорщик".

Но у меня уже был ба-альшой опыт. Поэтому я дождалась, пока составят протокол. Заплатила за троих (третьим был Шаталин - гитарист "Алисы") штраф и поехала домой, где ждал меня гнев моих родных, встречавших и в силу перечисленных обстоятельств не встретивших меня в аэропорту.

А тогда в столице Эстонии я была еще "необстрелянной". Короче говоря, измотанная, с нервами на последнем пределе, в 11 вечера прибыла я в милой компании в Таллинн. И тут же на меня вылили новый ушат.

Администрация концертного комплекса Линна Халле с крайним возмущением рассказала, что "Алиса" и "Объект", приехавшие в 10 вечера, незадолго перед

нами (напоминаю: выехали они из Питера в 10 утра, на 5 часов раньше, чем мы), устроили возле гостиницы страшный скандал, что ДДТ-шников, которые должны были расселиться в лучшей гостинице города "Олимпия", придется селить во второразрядную "Ранна" и что вообще у них "нет слов".

Так все и было. Но тут важны все детали и обстоятельства. А дело вот в чем.

По какому-то только ей ведомому принципу (думаю, по принципу "особой крутости") администрация решила поселить в "Олимпии" "Телевизор", "Алису", "ДДТ" и "Наутилус Помпилиус", а "Объект насмешек" и "Авиа" отправить на окраину, в гостиницу "Ранна".

Рикошет, лидер "Объекта", как мне потом рассказали, возле "Олимпии" выскочил из автобуса и побежал по трамвайным путям. Куда? А кто же его знает! Но не в ленинград, это точно. Таким образом он заявил протест по поводу отторжения его от друга Кинчева и выдворения в захудалую гостиницу. Кинчев в свою очередь заявил администрации, что если его не поселят вместе с другом Рикошетом, то "Алиса" вообще играть не будет. А приехали они к ночи только потому, что шофер им попался сговорчивый, не в пример нашему, и у каждого пивного ларька останавливал автобус.

Поэтому, когда Кинчев предстал пред ясными глазами работника Таллиннского ДКиС Марины Добровицкой, то в некотором нетерпении вместо "здравствуйте" (тут она не погрешила против истины) действительно прорычал: "Где тут туалет у вас?"... Пиво, знаете ли...

К счастью, Шевчук уже успел сменить дорожный скандальный азарт на голубиную кротость, сказал, что ему все равно, где жить, и поехал со своей командой в "Ранна".

- Какой скромный, как сразу видно интеллигентного человека,- умилились работницы Линна Халле.

- Дд-да, к-к-конечно, - ответила я. Ведь они не ехали с Шевчуком восемь часов, как я...

Первое, что меня спросила дежурная по этажу, когда я брала ключи от гостиничного номера: "Где вы их таких берете?" В глазах был неподдельный ужас. Еще бы. "Олимпия" - отель высшего класса, интуристовский, а тут вдруг такая публика. Ладно бы сами музыканты, но за ними увязалась еще и тусовка - "гребни" на голове, цепи, феньки ну и тому подобное.

Каждый вечер работники гостиницы обещапи вызвать милицию и всех выселить. Потому что в Таллинне в 1987 году проблем со спиртным не было. Правда, один из представителей рок-клубовской администрации Витапик Калманов по приезде утверждал, что "водка у них - дерьмо, всего 27 градусов". Через пару дней я увидела его на одной из глухих улиц Таллинна. Он почему-то сидел на верхушке телеграфного столба, обхватив этот столб слабеющими ногами, и, увидев меня, нетвердо как-то произнес:

- Слушай, вс-сего 27... г-г-р-радусов...

Кроме изобилия в магазинах, на 14-м этаже отеля был винный бар, имевший два достоинства в глазах рокерской братии - умеренные цены и начало работы в 10 утра. В этом баре происходило нечто странное: все занимали друг у друга деньги, чтобы выпить. Странно не то, что денег ни у кого не было. Это как раз в то время было нормой. Странно то, что денег ни у кого не было, но в долг давали все и всем и занимали все и у всех, на эти деньги и пили. Что-то там было неладно с законом сохранения вещества. Постоянно нечто возникало из ничего...

В один из вечеров меня вызвали из номера по просьбе дежурной по этажу. Я увидела занятную сцену. Пожилая дама, всей спиной вжавшаяся в стенку, повторяла одну фразу:

- Ночью петть нельзя. Нельзя, я вызываю милицию...

Она протянула руку к телефону, но тут Кинчев, стоявший рядом с ее столом в окружении друзей, вдруг пал на колени и стал горячо, восторженно сверкая глазами, с невероятным пафосом говорить:

- Такая жеинщина этого не сделает!

- Сделаю!- отрезала она.

- Не сделаете, - с дрожью в голосе, с надрывом и тоской произнес Кинчев. - У вас такие глаза... дабрые... позвольте, я руку вам поцелую... позвольте... - перешел он уже почти на шепот.

- Не-е-ет!!! - заорала вдруг тетенька и совсем впечаталась в стену спиной, подавшись всем телом назад, подальше от "соблазнителя".

- Что ж... - с нотками последнего отчаяния и скорби прошептал Кинчев, -...что ж, тогда хоть столик ваш я поцелую. - И действительно припал губами к полированной крышке стола...

Доиграв эту сцену, выдержав паузу по всем правилам, он вдруг резко встал, повернулся и пошел в сторону своего номера. Как оскорбленный любовник, не меньше... Обалдевшая тетка с приоткрытым ртом и выражением изумления и тихого ужаса в глазах смотрела ему в спину.

А песни он, конечно же, все равно орал каждую ночь. Не может он не петь, ну что тут поделаешь!

В гостинице мы познакомились с польской журналисткой, которую интересовала проблема панков. Я представила ей Костю - почему-то Урзула решила, что Кинчев - панк, - и они договорились об интервью. Тогда предполагались гастроли "Алисы" в Варшаве и лишняя реклама, думалось, не помешала бы.

Урзула мне потом рассказала:

- Я ждала до полуночи. Потом поняла, что он не придет, легла спать. В три часа кто-то громко постучал в дверь. Я открыла. Молодой человек с полотенцем в руках влетел в комнату, громко крикнул: "Где он?" Я так

растерялась, ничего не поняла, не знала, что ему ответить. Он стал заглядывать под диван и все кричал: "Костя, эй, Костя!"

- Вы не знаете, где он? - снова спросил меня и убежал.

Как выяснилось, это был Паша, Польшан Кондратенко, тогдашний клавишник "Алисы".

Я все интересовалась, почему Пашу так зовут - Польшан? И вот что мне рассказал художник группы Андрюша Столыпин:

- А это мы как-то сидели на даче и каждый рассказывал свою родословную. Мы с Петром Сергеевичем - Самойловым - все выясняли, чей род древнее: Столыпиных или Самойловых.

- А что, ты из тех самых Столыпиных?

- Из тех. А он - из тех Самойловых. Ну, помнишь, у Брюллова графиня Самойлова?

- Понятно...

- Ну вот, спорили мы, спорили, а тут Паша и говорит: "Ну и подумаешь, у меня предок тоже был... татарский хан..."

- Ах вот что... Отсюда и Польшан?

- Отсюда.

- А Кинчев слушал-слушал, потом смотрим - нет Кинчева. Вышли на крыльцо, а там Кинчев сидит мрачный, чуть ли не слезы в глазах. "Ты чего?" - спрашиваю. "А того, - отвечает Костя. - Все, мля, графья... Аристократы, мля... Один я плебей... чурка беспородная..."

Подвиги потомка ханов визитом к иностранной журналистке не закончились.

В Таллинне проходили республиканские выборы в Советы. Помните об этом говорилось в реплике Добровицкой? В тот день перед концертом мы вдруг с Костей разговорились и выяснили, что "Гессе - вот это действительно круто", что "Андреев, да - клево, классно

пишет, но - чернуха, ломает, да? И тебя?", что "карамазавщина в каждом из нас, куда деваться", "но во мне... если только Митя... Митя? Митей звали? Нет, не Иван, Иван - чернуха, и умничает больно. А до Алеши - куда мне? Митя. Он ближе всех..."; Когда мы обменялись соображениями типа: "и что тебя все тянет на край? по краю походить? зачем?" - "А сама-то..., а сами-то вы? А-а-а, вот то-то...", "а у Есенина "Сельский часослов" лучше всего...", "а у... " - ну и так далее; когда мы выяснили все и все обсудили, до концерта еще осталось время. Была возможность собраться, сконцентрироваться, подготовиться, привести себя в порядок. Что Кинчев и сделал.

...Мы сидели в зале вместе с директором группы "Телевизор" Светланой Данилишиной. Концерт вел известный рокерам журналист и социолог Николай Мейнерт. Он объявил выступление "Алисы". На сцене никто не появился. Он снова попросил группу на сцену. Тут вышел Кондратенко. Подошел к микрофону. Постучал по нему пальцем, затем, еле шевеля языком, произнес:

- Эта... М-мужики... М-мик...рофон... - и ушел нетвердой походкой.

Через минуту он снова вышел. Сцена повторилась. Мейнерт высказал вслух надежду, что трезвость когда-нибудь станет для "Алисы" нормой жизни. Я начала звереть. Некое шелестение прошло и по рядам дотолы абсолютно спокойной и чопорной таллиннской публики. Тут появилась группа. И пошло-поехало.

Кинчева было практически не слышно - так "настроили" аппаратуру. Было полное впечатление смены вокалиста - все и всех перекрывая, орал бас-гитарист Петя Самойлов. А Кинчев вдруг заявил, что он пришел сюда петь не для этих козлов - и показал на партер, а для тех ребят, что колбасятся внизу у сцены.

А надо вам сказать, что Линна Халле - один из самых престижных залов. Эстонская публика, и так достаточно сдержанная, там вела себя более чем спокойно. Вежливо слушали. Изредка хлопали. Причем на выступлениях всех групп. Ну, подпрыгивала у сцены группа молодых ребят, и те, похоже, приехали из Питера. Конечно, такого, как бывало на концертах в России, там и в помине не было.

Ну, Кинчев и высказался, что по этому поводу думает. Заодно обругал систему выборов (тогда еще "доперестроечную") и почему-то предложил всем идти голосовать за единственного коммуниста в группе Павла Кандратенко. Воодушевленный Поль-Хан вскочил на рояль, забарабанил ногами по клавишам. Естественно, инструмент не выдержал. Рояль, к несчастью, назывался "Эстония", и впоследствии группу обвинили в надругательстве над национальными чувствами. Но я уверена, что если бы это был "Красный Октябрь" или "Стейнвей", итог был бы таким же плачевным. Ибо вряд ли Поль-Хан, войдя в раж, был способен прочесть марку рояля. А лидер...

Где-то на третьей песне (это был "Компромисс") Кинчев вдруг лег на спину, картинно болтая при этом ножкой, а потом - поя? пея? спивая? - пополз, еле разборчиво (все перекрывал Петя!) объясняя, что, мол, "компромисс не для нас". И так и проползал до конца выступления. Крокодильчиком.

Черт бы с ними - эксцентричностью, скандальностью и прочим. Но это с художественной точки зрения было чудовищно. Кто в лес, кто по дрова. Какой там, к чертям, ансамбль! Все разваливалось. Звук жуткий. Слышно только Петра и барабаны. На последней песне вдруг чуть прорезался кинчевский вокал. Оказывается, эстонский звукооператор не выдержал, столкнул с пульта бездыханное тело алисовского "звукорежиссера" и сам сел за ручки.

Вот поэтому, когда после концерта, лучезарно улыбаясь, подлетели алисовцы и спросили "ну как?", я взревела дурным голосом:

- Да пошли вы все на х...! Что за халяву вы устроили? В гробу я видала такие супергруппы и такие концерты! Не умеете пить - не пейте! Мне стыдно за вас!

Меня поддержала Света Данилишина. Ее слог при оценке выступления был не менее изыскан, чем мой.

И тут вдруг Кинчев тихо-тихо, с искренним удивлением в глазах сказал:

- Те-о-тки, вы чего? Я так оттянулся! Так все весело было...

После концерта они всей группой пришли в наш номер, где мы обитали со Светланой. Пришли мириться. С ними и "объектовцы". Света позвонила ребятам из "Наутилуса" - Бутусову и Умецкому, с которым незадолго до того познакомилась во время гастролей "Телевизора" в Свердловске. Сидели долго, разговаривали. Пили, конечно. Какое-то замечательное венгерское сухое вино. Ребята из "Нау" немножко робели, чем и удивили. Совсем недавно мы со Славой вспоминали этот вечер, и то, как он замечательно пел "Синоптиков белых ночей" - песню, посвященную ленинградским музыкантам.

- Ты что, для меня тогда "Алиса" - это было все. Боги! Небожители! Я пел... всю душу вкладывал... А всем было по фиг... - сокрушался Бутусыч.

Да, тогда никто этого порыва не заметил. Шум, гам, "светская" болтовня... И вот среди этой полупьяной разноголосицы Костя вдруг начал читать стихи. Читал он отлично, на зависть многим профессиональным декламаторам. Помню, это были Пастернак, Гумилев.

Я конкистадор в панцире железном...

Потом он начал петь. Тогда впервые я услышала "Стерха". До того только видела текст, и на бумаге он по первости показался мне "тяжелым", громоздким. Костя принес текст на "литовку" перед V фестивалем. Он хотел спеть "Стерха" еще там, на концерте в ЛДМ. Закончил программу и пошел за кулисы за акустической гитарой - песня была совсем новая и в "электричестве" еще не сделана.

А тут ведущий возьми да и объяви: "Алиса" закончила свое выступление".

- После этого выходить было глупо, - говорил он потом в ответ на вопрос, почему не спел на фестивале "главную" песню.

Он пел "Стерха", а я думала: и как это все в нем уживается? Пьяное безрассудство и подростковое хамство и тут же Пастернак, Гумилев, Достоевский, Гессе?

Мне вспомнилось из любимого им "Степного волка": "Все эти люди заключают в себе две души, два существа, божественное начало и дьявольское... И эти люди, чья жизнь весьма беспокойна, ощущают порой, в свои редкие мгновенья счастья такую силу, такую невыразимую красоту, пена мгновенного счастья вздымается порой настолько высоко и ослепительно над морем страдания, что лучи от этой короткой вспышки счастья доходят и до других и их околдовывают".

Тогда впервые я почувствовала это двуединство в Косте. Тут следует, наверное, привести еще одну цитату. Вот что говорил о себе Митя Карамазов, герой, близость с которым признавал Константин:

"- Потому что если уж полечу в бездну, то так-таки прямо, головой вниз и вверх пятками, и даже доволен, что именно в униженном таком положении падаю и считаю это для себя красотой. И вот в самом-то этом позоре я вдруг начинаю гимн. Пусть я проклят, пусть я

низок и подл, но пусть и я целую край той ризы, в которую облачается Бог мой; пусть я иду в то же самое время за чертом, но я все-таки и Твой сын, Господи, и люблю Тебя, и ощущаю радость, без которой нельзя миру стоять и быть..."

...В какой-то момент нас "достала", говоря современным языком, тусовка. Мы искали случай бежать из собственного номера, а тут как раз появился Игореша Бабанов, клавишник "Телевизора".

- Народ, пошли отсюда. Там какой-то дядька в гости приглашает. Пойдем? Во-первых, смена обстановки и впечатлений. Во-вторых... Чего-то я не хочу один к нему идти...

- Голубой, что-ли? - спросил Кинчев.

- Н-не знаю, черт его поймет...

- Ладно, разберемся...

"Дядька" был здоровым, коренастым, сорокапятилетним на вид, очень уверенным в себе лицом, как теперь говорят, "кавказской национальности". Он был облачен в распахнутый на жирной, поросшей крутым волосом груди махровый халат. Или шелковый? Уже не помню. Кавказец выставил водку, конфеты, еще какие-то яства и начал рассказывать о любви к артистам и искусству.

- Знаю, знаю - всю гостиницу на уши поставили. Я сам человек искусства. Но когда мы ездили на гастроли, после нас гостиницы ставили на капремонт... Ха-ха-ха,- заливался он.

- Да нам тут еще пару дней жить, так что все впереди,- ответил Кинчев.

Кавказец начал светскую беседу. Пусть артисты видят - не жлоб какой-нибудь. Он поинтересовался, кто, по-нашему мнению, прототип главного героя в "Покаянии" Абуладзе? Фильм тогда широко пошел по экранам страны. "Сталин или Берия, как вы думаете?"

- Да какая разница, - не удержалась я. - Разве в этом дело. Это же не о преступной власти фильм. Не только о ней...

- Я уважаю артистов, - быстро перебил кавказец. - Я бы хотел вас послушать. У вас будут еще концерты?

- Не надо, не ходи на наш концерт. Тебе не понравится. - С этими словами Кинчев уже встал и направился к двери.

- Но почему? - спросил дядька.

- Потому что ты сытый. А мы поем для голодных, - ответил Костя и вышел. А вслед за ним и все мы.

Мы вернулись в наш номер. Там все было по-прежнему. И даже хуже. Ибо музыканты за время нашего отсутствия разбрелись кто куда, а весь номер заполонила тусовка. Я стала тихо, но настойчиво ее разгонять. В это время Кинчев накручивал телефон - кажется, пытался дозвониться в свой номер и дать инструкцию по выдворению тусовщиков, большая часть которых, естественно, пребывала в его апартаментах. Иногда просто негде было спать самим музыкантам.

- Кто это? Кто это у телефона? - вдруг раздался его голос. - А куда я попал? В прачечную? Какая прачечная? Ах, прачечная... - Тут Костя вздохнул и жалобно, ласково-печальным голосом произнес:

- Прачечная, прополоскай меня... ну, пожалуйста, прачечная...

* * *

...После возвращения в Ленинград меня вызвали в горком партии. Она ведь, родимая, всем тогда ведала: от уборки картошки до рок-музыки. Дяденька инструктор все расспрашивал - про "козлов", про рояль, про "выборы". Я что-то пыталась объяснять: мол, отчасти "виновата" сдержанность публики,

непривычная для нас. В общем, чушь порола. Дяденька партийный кивал головой понимающе. Но выступления "Алисе" все же запретили. На целый месяц. Это была победа. Раньше за такое лишали концертов на год. А тут как-то удалось всех убедить, что это наказание серьезное. Или времена менялись? Меньше, мол, наказать нельзя - было бы слишком явно, что ЛМДСТ прикрывает "этих выродков".

А больше тоже было, ну, уж никак нельзя. Нельзя, потому что я знала: в августе мы везем четыре питерские команды на гастроли Крым.

Ах, Крым! Что за прелесть этот Крым! Смолистый воздух реликтовых сосновых рощ! Лазурное ласковое море! Базары, ослепляющие красками и потрясающие щедростью... нет, не продавцов, - природы этого райского края. Ах, Крым! Благословенная Богом земля! Я помню тебя таким. Когда-то... давно... Когда я была там без них... без рокеров... Спаси и сохрани их, Господи!

...Поездку на гастроли в Крым многие ее участники теперь вспоминают с удовольствием. Как потом выяснилось, для некоторых наших ребят это была вообще первая поездка на юг, к морю. Организовали ее мы со Светой Данилишиной. Приглашала нас некая фирма "Досуг" при Симферопольском управлении культуры. Теперь таких откровенных халявщиков и динамщиков, как представители фирмы "Досуг", среди устроителей шоу-программ вроде не встречается. Но те поразили мое воображение раз и навсегда. Не выполнялось практически ни одно обещание. Хорошо, мы сообразили со Светланой приехать на три дня

раньше музыкантов, а то плакали бы вообще эти гастрологи.

Принцип сотрудников "Досуга" в работе с приглашенными коллективами был один: всю работу свалить на оные, а себе оставить только получение прибыли от концертов. В чем они и преуспели.

Мы сами составили программу и подобрали участников "Парада ансамблей" - так назвали "досуговцы" это мероприятие. Продолжалось оно две недели.

Мы привезли из Питера "ДДТ", "Алису", "Телевизор", "Объект насмешек" и организовали проезд "Наутилуса" из Свердловска. Хотелось Крым потрясти.

Аппаратуру нашли сами, билеты в Симферополь (летом, в разгар сезона!) достали сами. И не только питерским командам, но даже "Наутилусу" выслали билеты Свердловск-Симферополь.

Устроители же сняли спортивный зал без сцены, устроили в третьеразрядную гостиницу. Заплатили каждой группе за концерт по двести рублей. Сейчас это сумма кажется просто смехотворной. Но тогда Слава Бутусов признавался, что это вообще первые деньги, которые он получил за выступления.

Нас надували на каждом шагу. Обещали транспорт и не давали его, обещали встретить нас и музыкантов и не встречали, обещали после концертов организовать отдых на море и не организовывали (а, собственно, ради этого все и поехали). И даже деньги за концерты приходилось забирать чуть ли не силой. А мы со Светой за свои гастрольные хлопоты получали суточные - 2.50 в день и оплату проезда туда и обратно.

Это были времена повального бескорыстия в рокерской среде. Впрочем, продолжались они недолго. Но в ту пору все действительно в первую очередь готовы были биться за идею. Всем хотелось выступать, это было главным. А остальное... Нет, конечно, никто от

денег не отказывался. Но если их не платили, то музыканты ехали в другие города и выступали задарма, выговорив себе только оплату дороги.

Крым, надо сказать, место особое не только по климатическим характеристикам. Это в то время был еще и идеологический заповедник. Не в ту ли самую пору господин Кравчук исполнял обязанности секретаря ЦК КП Украины по идеологической работе? Даже в Ленинграде - колыбели революции, даже занимаясь "литовкой" репертуара, даже разрешая к исполнению тексты вразрез со многими тогдашними требованиями, мне не приходилось столько общаться со всякими представителями партийной номенклатуры, сколько в Крыму.

Сначала меня пригласили к начальнику управления культуры товарищу Дуню. Он объяснил мне, что ничего нельзя, что группы мы привезли чуть ли не антисоветские, что перед каждым концертом для него лично нужно будет исполнять всю программу и только после его разрешения выходить на сцену. Мы со Светланой представили себе, как сообщаем эти условия Кинчеву, Борзыкину, Шевчуку, и, поскольку мы приехали чуть раньше, то объявили Дуню, что звоним в Питер и даем всем отбой. А билеты были почти все проданы. Тогда товарищ Дунь произнес:

- Ну ладно. Только завтра мы сходим в горком партии.

Или в обком? Я всегда слабо разбиралась в этой иерархии. Ну, пришли мы в этот горком-обком, там что-то вроде совещания работников райкомов в связи с нашествием рок-команд на Крымский полуостров. Суровая дама (синий костюм джерси английского покроя, на голове нечто пирамидальное из начесанных обесцвеченных волос, пышные формы, строгий голос) поведала мне, что это безобразие - привозить на

заповедную землю Крыма запрещенные группы. Осведомляюсь: о ком это?

- Вот: "Алиса", "ДДТ", "Наутилус". Есть списки для работников культуры. В этих списках указаны все запрещенные группы.

По возможности спокойно я сообщила суровой даме, что у запрещенной группы "Алиса" массовым тиражом вышла пластинка на фирме "Мелодия" (это я так громко обозвала первый миньон "Алисы"), что запрещенная группа "ДДТ" стала победителем телевизионного конкурса (теперь уж и не припомню, какого), что запрещенный "Наутилус" приглашал в Ленинград на фестиваль "Белые ночи" лично Андрей Петров. Тут я малехо соврала. Первый раз "Наутилус" выступал в Питере стараниями Александра Николаевича Житинского. Историю приглашения смотри в книге "Путешествие рок-дилетанта". Но дама вряд ли читала Житинского. А Петрова... Кто ж не знает Петрова?

- Тут вам, знаете, не Ленинград! Это там у вас позволяется черт-те что!

- А я думала, что страна у нас одна и что перестройка идет на всей территории Советского Союза (тогда еще он существовал), - вынуждена была заявить я. После этого все стали вдруг как-то помягче и поулыбчивее.

- Когда в рок-клубе возникают проблемы, мы всегда обращаемся не куда-нибудь, а в Ленинградский обком, - сделала я второе заявление. Это была почти правда. Один раз я действительно напросилась на прием к секретарю обкома, когда этот пост занимал Александр Якимович Дегтярев, который когда-то работал в университете. Я корреспондентствовала в университетской многотиражке в ту пору, когда он возглавлял партком ЛГУ. Была надежда, что он меня вспомнит и поможет получить для клуба помещение, которое безуспешно выбивали у треста нежилого фонда

семь лет подряд. Как ни странно, он вспомнил, принял и помог. С тех пор клуб арендует так называемый "Красный уголок". Помог-то он помог, но когда я уже покидала обширный кабинет в Смольном, Александр Якимович сказал:

- И что ты с ними возишься? Ведь они же все антисоветчики.

Об этой фразе я ничего суровой даме не сказала. А слова про поддержку на высоком уровне обкома ее сразу умиротворили. Было, правда, решено, что на каждом концерте будет дежурить представитель горкома-обкома.

После этой незабываемой встречи меня познакомили с секретарем горкома комсомола. Он что-то вещал о новых формах работы, пока мы пили кофе в близлежащем к горкому-обкому заведении.

Он был даже мил. До тех пор, пока вдруг не спросил:

- А ошейники они у вас носят?

- Что? Какие ошейники? - не поняла я.

- Ну они же металлисты? Ошейники-то носят?

- А-а, нет. У них другой стиль...

- Это хорошо, - сказал секретарь. - А то ошейники мы срываем. - И как-то нехорошо сверкнул глазами. И сразу перестал быть милым. И вспомнилось шариковское: "Мы вчера котов душили-душили, душили-душили..."

Я позволяю себе это отступление, чтобы сегодняшние фаны хотя бы чуть-чуть представили себе ту обстановку уже, между прочим, перестроечного времени. Я уж не говорю о годах, перестройке предшествовавших.

...В общем, концерты начались. Съезжались на них люди со всей необъятной нашей Родины. Приходили в номер клянчить проходку даже какие-то хиппи, приехавшие стопом из Омска. Во всех окружающих зал кустах спали, положив под голову торбочки и рюкзаки,

мальчики и девочки. Всеми правдами и неправдами мы этот длившийся почти месяц марафон провели. Вдвоем. Без всякого оргкомитета и прочих атрибутов оргроскоши. Крым сотрясали свободолюбивые и неистовые песни вольного племени рокеров.

Да, как же я забыла! В этом параде участвовали и Витя Цой с Каспаряном и "Звуки Му". Вот такой там был "парад", такой составчик.

А товарищ Дунь за время гастролей перековался. Когда одна партийная дама, дежурившая на концерте "Объекта насмешек", стала орать что-то по поводу Рикошета и его команды, Анатолий Петрович Дунь вдруг, приняв несколько театральную позу, с пафосом воскликнул:

- Вы ничего не поняли! Это - молодой Маяковский, плюющий своей правдой в лицо жирной толпе!!! - В эту секунду я поняла, что чувствует человек, у которого от изумления отпадает челюсть.

Через некоторое время мы узнали, что Анатолий Петрович за проявленный либерализм был освобожден от занимаемой должности. Как говорится, тяжела ты, поступь перестройки!

Как я уже говорила, организовывать нам хоть какое-нибудь жилье на побережье строители отказались. Хотя предварительные переговоры начинались с вопросов типа: "Вас что больше устроит - пансионат в Севастополе или гостиница в Ялте?" А мы и поверили! И всерьез обдумывали, какой вариант привлекательнее.

После того как доблестный коллектив фирмы "Досуг" нас "кинул", помог нам решить проблему ярый поклонник группы "ДДТ", который работал директором клуба в Гурзуфе. Туда все и поехали. Условия были предложены казарменные. Ряд тюфяков, положенных прямо на пол в зрительном зале клуба. Там мы прожили очень недолго.

В клубе была кое-какая допотопная аппаратура. Однажды вечером ребята устроили импровизированный концерт. Алик Тимошенко, директор "Алисы", пел блюзы. Все, кто мог, ему помогали. Выходило замечательно. До тех пор, пока в тот вечер в клубе не появился человек с железными зубами по имени Ник-Рок-н-Ролл.

Когда блюзы кончились, он влез на сцену и начал петь что-то дико-несусветное, потом снял штаны. По всему было видно, что он доволен собой чрезвычайно. На все это мне было тошно смотреть. Я все думала, найдется ли хоть один мужик в нашей большой компании, который просто выкинет эксгибициониста со сцены. Этим мужиком оказался Рикошет. Он не то чтобы "выкинул", но как-то так сделал, что тот сам ушел.

А что же Кинчев? Он смотрел на все это и улыбался. Похоже, происходящее его забавляло.

На следующий день меня вызвали в местное отделение милиции и предложили покинуть клуб в двадцать четыре часа. И когда я, как мне казалось, уже смогла смягчить непреклонную суровость главного начальника, мне объяснили, что сделать ничего нельзя. На нашем выдворении настаивает... директор клуба. Тот самый, что нас пригласил. Впрочем, его можно понять. Хотя в тот момент я на него разозлилась ужасно. Куда было девать всю эту орду? Выручили фаны.

В Гурзуфе был пивняк, или, как гласила вывеска, "Пивной зал", где после пляжа музыканты оттягивались. Причем почти всегда бесплатно, потому что фаны готовы были выставить кружку за кружкой при одном слове "Алиса". Помню даже, как алисовцы все по очереди надевали сделанную Андрюшей Столыпным, художником группы, футболку с надписью "Алиса", "униформу", так сказать, чтобы попить пивка на халяву, - фаны узнавали в лицо (и без фирменной

футболки) только Кинчева, а пива хотели все. В этом пивняке, узнав о постигшем рокеров изгнании, фаны и пообещали всех пристроить на ночлег. ДДТ-шников из любви к коллективу директор все же оставил в клубе. Объектовцев взяли всех скопом. Чета Кондратенко и Самойловы уехали аж в Ялту, а Алик Тимошенко с приятелем - в какой-то близлежащий поселок. Непристроенными остались Шаталин, Кинчев и я, грешная. Утром должен был прийти автобус из Симферополя и забрать нас. Но до утра надо было дотянуть.

Человек лет тридцати в белом джинсовом очень помятом костюме пообещал нас устроить. А для начала, на радостях, что представился случай помочь в беде самому Кинчеву, начал накачивать его спиртным.

К вечеру (а темнеет, как известно, на юге рано и сразу) потерялся Шаталин. Все поиски результатов не дали. Потом выяснилось, что он "нелегально" пробрался в клуб и на зов не откликался, чтобы не быть выдворенным.

А нас услужливый фан отвел куда-то к черту на кулички, в горы. И вот когда мы туда пришли, я поняла, что Крым приготовил мне очередное испытание. Это был наркоманский притон. Вокруг не было ни одного человека с осмысленным взглядом. Что-то тяжелое, мрачное, безысходное витало в воздухе. Может быть, мне так казалось, потому что в такой компании я очутилась впервые. Мне было страшно. И тут исчез Кинчев - его куда-то увели пить. Я осталась одна. И знала, что ни за что на свете не войду в этот дом (если можно так назвать строение, представшее очам). И сидела в темноте на улице, на большом сером камне. Одна задача была - остаться вне поля зрения этих людей. Так я просидела не менее часа. Может быть, и более. В горах не только беспросветно темно, но еще и адски холодно.

Когда появился Кинчев, то очень удивился, что я не в доме и не сплю. Я объяснила ему как могла все свои страхи. А он стал уверять меня, что я неправа.

- Хорошие ребята, ты чего? Не надо их бояться...

Тогда я была мало способна анализировать то, что он говорил. Но потом я вспомнила и его доброжелательные высказывания о Нике-Рок-н-Ролле, и об этих "хороших ребятах". Он никого не судил и каждого стремился понять. Он отлично усвоил уроки Саши Башлачева, с которым тогда дружил:

Тут дело такое,
Нет тех, кто не стоит,
Нет тех, кто не стоит любви...

А может быть, это были и не сашбашевские уроки, а просто черта его собственной природы.

Но он действительно очень благодушен был с этими горемыками. И учил меня тому же. И, наверное, он был прав Потому что эти "жуткие" как мне казалось, люди сами легли спать на полу, уступив нам, гостям, единственные две кровати в доме и единственные два одеяла. И ни на какие уговоры поменяться местами ни за что не согласились. Все это я припомнила потом. Тогда же рассуждать мешал страх.

Костя начал рассказывать мне про свою жизнь, про детство, про школу где учительница называла его американским шпионом - так не вязался его облик с ее представлениями о советском школьнике, про жену - про все на света Он говорил без умолку до тех пор, пока я не перестала бояться тех, кто нас приютил.

Была и еще одна причина, по которой он относился к нашим хозяевам с сочувствием. Он прекрасно знал всю меру их несчастья.

В тот же вечер он говорил:

- Знаешь, -я ведь сам на игле сидел...
- Не может быть...
- Может.
- Но теперь... Ведь с тобой, вроде, все в порядке. Ты что, лечился? - спросила я.
- Нет. Я сам...
- Но, говорят, это почти невозможно, что это физически адски тяжело. Говорят это какие-то жуткие боли, сердце даже отказывает.
- Ну да, ломка и все такое... Но я никуда не обращался... Сам... Решил, что завяжу, и завязал...
Я узнала и о том, что один из его ближайших друзей погиб от наркотиков. Ему посвящено "Осеннее солнце". Друга звали Борисом. Он не проснулся после рокового укола. Это случилось на исходе лета.

Смотри, как август падает с яблонь,
это жатва,
это сентябрь.
Омытый дождем берег
птицами отпет.
Из вереницы траурных дат
этот день, только этот день
Плачет,
Смотри, как ветры собирают в стаи
самых усталых,
Как поднимают и кружат
над распятием листья.
Смотри как лес полыхает
и медленно гаснет.
Это сентябрь

Осеннее солнце -
гибель-сюрреалист.
Осеннее солнце - жатва.
Осеннее солнце

листьями падает вниз.
Весна
будет когда-нибудь завтра.

Смотри, как кровью дурманит болота
кикимора-клюква.
Как ведьмы-вороны
тревожат день вознесенья.
Смотри, как в саван
туман наряжает озера.
Как стелет звезды по самой воде поднебесье.
Смотри, как ветви и тени деревьев
ложатся на травы.
Как кружит души над куполами
стон Благовеста.
Как поминают вином и хлебом,
как провожают
Лето...

...У Кинчева и вправду удивительная способность чувствовать людей, понимать их. Поэтому он способен простить многое. Но мне приходилось видеть и то, насколько жестким и непримиримым может быть этот человек. Обычно это происходило в случаях, когда речь шла о принципиальных для него вещах. Он становился подчас даже упрямым.

Резким до грубости случалось видеть его и в других ситуациях. Помню в том же Гурзуфе, когда, изгнанные, мы всей толпой сидели у клуба в раздумьях, как быть дальше, туда сбежалась куча фанов и фанок. Я думала о том, что теперь делать, когда услышала за спиной:

- Костя, а можно автограф?

Последовала пауза.

- На, целуй... Ногу, говорю, целуй! - прозвучало после паузы в ответ на просьбу.

Я обернулась. На траве сидела совсем молоденькая девчонка. Перед ней стоял, по-наполеоновски скрестив руки, Кинчев с брезгливо-злобным выражением лица. Босая и не очень чистая кинчевская нога почти упиралась в лицо этой девчушки.

Меня передернуло. Я поспешно отвернулась, потом совсем ушла в сторону. "Вот гад! Звезда, понимаешь ли! Того гляди лопнет от спеси. Фанфарон!" - так думала я. И только спустя долгое время, как-то к случаю напомнив ему этот эпизод и, естественно, высказав свое отношение, я услышала:

- А ты видела, где она попросила оставить автограф? Юбку задрала до пупа, и... Автограф ей там напиши!

Вот такой вдруг пуританский гнев.

Жизнь отучила меня даже полусловом, даже намеком сообщать ему о своих обидах. На свадьбе у клавишника "Алисы" Паши Кондратенко был один человек из рок-клуба. Личность, на мой взгляд, малосимпатичная. Свадьба была как свадьба. В какой-то момент малосимпатичный представитель клуба подсел ко мне и завел светскую беседу. Радости он мне этим не доставил. Я к нему относилась настороженно с тех пор, как однажды он, узнав об одном моем горе (не просто неприятности, а именно большом горе), не нашел ничего лучше, как поглумиться над моими переживаниями. Он был циничен до последнего предела. А скорее даже беспредельно. И вот такой человек подсаживается и начинает разговор. А я уже заразилась этой проклятой бациллой кинчевского всепонимания, "синдромом Кинчева", как я это называю, и уже старалась не давать верх эмоциям. Я стала слушать. И услышала:

- Если вы думаете, что вся эта музыкальная братия к вам искренне хорошо относится, то вы слишком наивны. Тут корысть одна.

- Опомнись, ну какая корысть, что с меня взять? - пыталась вразумить его я.

- А текстики залитовать? Ради этого каким угодно другом притворишься. И Гребенщиков, и Кинчев демонстрируют свое хорошее отношение, заискивают, потому что им деваться некуда.

- Ну, во-первых, никто из них не заискивает. Это ты чушь спорол. А во-вторых... Ты сам все это придумал или кто-нибудь из них тебе это прямо сказал?

И тут он загадочно так улыбнулся и произнес:

- А вот на этот вопрос я вам не отвечу. Это тайна. - И хмыкнул гадко.

Великий Шекспир, где ты? Где твой бессмертный Яго? Почему мы легко верим дурному, подлому? Почему червь сомнения начинает разъедать душу даже тогда, когда мы практически уверены, что имеем дело с самой примитивной ложью?

Мне стало противно. И когда подошел Кинчев, я не выдержала и спросила:

- Костя, скажи-ка, у тебя в ближайшее время не было какого-нибудь разговора с таким-то? - и назвала фамилию моего недавнего собеседника.

- Да у меня вообще с ним никогда никаких разговоров не было. Так - "здрате - до свидания"... Как-то он не располагает меня к разговорам. А что?

- Да нет, ничего, - ответила я. - Не было и не было. И слава Богу.

Свадьба шла своим чередом. Настроение мое улучшилось. И я уже забыла об этом глупом эпизоде. Настало время уходить домой. Я вышла на улицу, стала искать глазами свободное такси. Вдруг мне послышалось, что кто-то позвал меня по имени. У входа в ресторан стояло много народу, и я стала всматриваться в толпу, чтобы понять, кто меня зовет. В этой толпе стоял и мой "обидчик". Я разглядывала лица, а тут из дверей вышел Кинчев. Он на секунду

приостановился. Потом вдруг подошел к тому парню из клуба и, ни слова не говоря, заехал ему в морду. И так же молча двинулся дальше. Я обомлела. Но мне и в голову не пришло связать эту сцену с предшествующим эпизодом. Я только подумала вот и Костю он успел разозлить.

Позже, спросив Костю, за что он ударил человека, я получила прямой ответ:

- А чтоб не обижал... Я сразу понял, что он чем-то тебя обидел.

Молодой человек, поверженный тяжелой кинчевской рукой, позвонил мне на следующий день и гнусный голосом выговорил:

- Что же это вы, Нина Александровна, своих друзей на меня натравливаете? Нехорошо...

Вроде я и не пожаловалась. Сунулась только с дурацким вопросом. И такие последствия. С тех пор я зареклась говорить о своих обидах даже самым косвенным образом.

Так что всепрощенцем, "непротивленцем злу насилием" Константина не назовешь при всей его терпимости ко многому, с чем (или с кем) а например, примириться до сих пор не могу.

И в тоже время...

В пресловутом Гурзуфе 18 августа местная шпана устраивает что-то вроде вендетты: идут по улицам и избивают иногородних, отдыхающих. То, что их родители, в основном, за счет этих отдыхающих и живут, их мало беспокоит. Пришли аборигены и в наш клуб, накануне нашего изгнания. Я испугалась ужасно. Ничего, кроме кровавой свалки, ожидать не приходилось.

Кинчев отошел с ними куда-то в сторонку. Через несколько минут местные спокойно ушли.

- Я их уболтал. А чего, нормальные ребята...

И при всем этом за собственное достоинство, "за другие своя", там, где словом не прошибешь (бывают ведь такие экземпляры человеческие), там, где он сталкивается с откровенной подлостью, в таких случаях рука его не дрогнет. Уж коли воспоминания снова привели меня в Гурзуф, надо сказать, чем же все-таки завершился крымский рок-десант.

После того как 24 (!) концерта в Симферополе закончились, три группы - "Алисе", "ДДТ" и "Телевизор" - были приглашены еще на шесть концертов в Ялту.

Ялта мне запомнилась особенно тем, что в моей комнате ползали, кажется, каракурты. Во всяком случае, так их назвал неутомимый биолог-любитель Петя Самойлов, басист "Алисы". В общем, это были размером со среднюю сливу серые с мохнатыми ногами пауки.

И во-вторых, мне запомнилась демонстрация, которую устроили зрители, когда управление культуры запретило эти концерты. Наверное, потому, что это была первая демонстрация, которую я видела. Толпа двинулась к Ялтинскому горкому партии. Там к ней присоединился оказавшийся поблизости Борзыкин, обладавший уже опытом революционной борьбы. Он взял у милиционера мегафон, организовал неорганизованную массу и вышедшему к народу секретарю горкома предъявил требования зрителей. Устным обещаниям разрешить концерты не поверил и потребовал письменных заверений. Секретарь горкома письменное обещание дал.

Концерты состоялись. Недавно я видела по питерской программе Борзыкина. Первый раз после развала "Телевизора". Он пел новую песню. По-английски. Я не сильна в английском, к сожалению, и поэтому не смогла понять, достаточно ли революционной была песня. Но, кажется недостаточно...

В Ялте "Алиса" выступала последней, и на те несколько дней, что предшествовали концертам, Кинчев, получив письмо от Сережи Рыженко с приглашением, уехал в Севастополь.

Он не вернулся накануне концертов.

Не вернулся и утром в день первого концерта.

Он появился буквально за считанные минуты до начала выступления. При этом сильно хромал. Оказалось, что автобус, на котором он ехал, уже в Ялте попал в аварию. Но Бог спас...

Месяц крымских гастролей - это месяц сильнейшего нервного и физического напряжения. Разборки с халявщиками из "Досуга", стычки с идеологами, рокерское буйство, улаживание конфликтов, вызовы в милицию...

Плюс к этому у меня в самом начале гастролей разыгрался жесточайший бронхит. Весь месяц я проходила с температурой, на подкашивающихся ногах и с изнуряющим кашлем.

Дня последнего концерта я ждала как пресветлого праздника. И день этот наступил.

Как я уже сказала, он - в придачу к предшествующему напрягу - ознаменовался еще и тем, что ялтинские выступления "Алисы" начались с эпизода автобусной аварии.

В общем, нервы мои были на таком пределе, что требовали немедленной разрядки. За считанные минуты до последнего концерта я в качестве разрядки испортила настроение Кинчеву.

Я тогда, конечно, еще многого не понимала. Его стремление все время быть несколько особняком, его исчезновения на несколько дней: то в Севастополь, то из Ялты в Гурзуф - я расценивала как противопоставление себя группе. Мне казалось, что он мало с кем из музыкантов считается. Да и всегдашнее его стремление всякого хотя бы попытаться понять, а

главное, утешить вызывало у меня чувство протеста. Я-то полагала, что человеку надо всегда говорить правду о нем, какой бы жестокой она ни была. Как будто я знала эту правду!

Взвинченные нервы плюс недопонимание подвигли меня на разнос. Я выплескивала Косте достаточно обидные вещи. Что-то, может быть, было и справедливо, но большей частью, как теперь я понимаю, нет. А он слушал, изредка пытаюсь слабо защищаться. Когда кто-нибудь входил, он говорил: "Слушайте, давайте нам поговорить с Ниной Александровной!"

Его позвали на сцену. А мне на беду встретился Юра Шевчук. Спросил, как здоровье. Видимо, вид мой настраивал на такие вопросы.

- Да ну к черту, - ответила я - Бронхит замучил.

- Слушай, я ведь тоже старый бронхитник. Все люди братья. А бронхитник бронхитнику тем более брат. Я тебя вылечу. - И тут он достал из глубокого кармана бутылку коньяка.

После этого в памяти начинается провал. В этом провале в сознании высвечивалось только то, что некто приводил меня в чувство, полоская мою голову в раковине в примерке. "Прачечная, прополоскай меня..." Некто был, конечно же, сердобольный Кинчев.

На следующий день все слушали запись последнего концерта "Алисы". Даже несмотря на ее несовершенство, было очевидно, что состоялся один из лучших концертов группы. Какой был драйв! Какой напор! Какая энергия! С каким драматизмом пел Кинчев! Особенно "Стерха".

- Как жаль, что все это я проспала, ничего не видела и не слышала! - сказала я и тут увидела, что все на меня как-то странно смотрят.

Света Данилишина отвела, меня в сторонку и сказала:

- Ты что, спятила? Ты весь концерт просидела на краю сцены, я все боялась, что ты свалишься вниз, на голову публике! Неужели ты действительно ничего не помнишь?

Нет, отчего же. Я помнила: заботливый Юра Шевчук, брат-бронхитник...

В начале сентября мы вернулись в Питер. Константин поехал на Кавказ, где его ждала жена. После крымского "отдыха" всем хотелось отдохнуть.

Увиделись мы в Питере уже в октябре, на концерте. Кажется, в ДК им. Крупской. Я вошла в примерку поздороваться с ребятами. Я думала, что Костя после ялтинского разноса вряд ли мне обрадуется. Но он встретил меня самой приветливой улыбкой, очевидно, искренней. Он не держал зла.

Наступила осень 1987 года. Та самая, памятная на всю его жизнь осень.

Принято считать, что поэты - провидцы. Кто-то с этим спорит, кто-то нет. Материалисты до мозга костей обычно в качестве аргумента оперируют случайными совпадениями. Я далеко не материалист. И я верю, что художник всегда провидит многое, в том числе и предчувствует свою судьбу. И Костя Кинчев - не исключение.

Мы встретились осенью после нескольких гастролей. Кроме Крыма, "Аписа" успела побывать еще во Пскове и Владивостоке.

За то очень короткое время, что мы не виделись (чуть больше месяца), у него появилось множество новых песен. И меня поразило, что все они по образам своим, по темам - предчувствие беды.

А одна так и называлась - "Чую гибель".

Чую гибель!
Больно вольно дышится.
Чую гибель!
Весело живём!
Чую гибель!
Кровушкой распишемся.
Чую гибель!
Хорошо поем!

Еще одна песня того времени - "Заутренняя". По-русски надо бы сказать - "Заутреня", но с другой стороны "заутреня" - ранняя служба в церкви. Оставим это на совести Кинчева. Он автор, ему и отвечать. Да и речь не о названии, а о повторяющемся мотиве:

Че, братушки, лютые псы!
Изголодались?
По красной кровушке на сочной траве
Истосковались?
Че оставил, лысый козел,
Зенки-полтинники?
Чуешь, как в масло, в горло вошли
Клыки собутыльника?

В то же время написана "Новая кровь". И как во всех песнях этого периода, в ней явно звучит тема расплаты за вольную жизнь:

Костер как плата за бенефис.
И швейцары здесь не просят на чай.
Хочешь, просто стой, а нет сил - молись,
Чего желал, то получай.

Вино, как порох, любовь, как яд.

В глазах слепой от рождения свет.
Душа - это птица, ее едят.
Мою жуют уже тридцать лет.

1987 год - это год когда начался новый Кинчев. Это год - когда в рокере проснулся поэт. Наши времена при всей их динамичности - нескорые. Пушкин оду "Вольность" написал в восемнадцатилетнем возрасте. А у нас писателя в 45 лет все еще называют молодым. Многие наши рок-поэты, если позволителен вообще такой термин, именно на подступах к тридцатилетнему рубежу обретали себя в слове. Это можно сказать не только о Кинчеве, но, скажем, и о Гребенщикове, и о Макаревиче.

Костя не раз говорил, что его отношение к слову изменилось после знакомства с Сашей Башлачевым. Несомненно, Башлачев на него повлиял. Есть даже переклички в образах, видимо, неосознанные самим Кинчевым. То есть он параллельность образов в своих и сашбашевских текстах, пожалуй, просто не замечал. Ну, например:

У Башлачева:

Но мы не носим часы.
Мы не хотим умирать.

У Кинчева:

И поэтому я не ношу часов.
Я предпочитаю свет.

У Башлачева:

Мы строили замок, а выстроили сортир.

У Кинчева:

Где сортир почитают за храм, там иду я.

И параллель, так сказать, с обратным знаком.

У Башлачева:

А приглядишься, да за лихом - Лик.

У Кинчева:

Где блестят за иконой ножи...

Не знаю, о влиянии ли тут следует говорить, или просто два автора по-разному выразили то, что почувствовали в атмосфере времени. Я думаю, что Саша подтолкнул к более серьезному осмыслению творческого труда, но и Кинчев вырос как художник. Потому что, как ни влияй на человека бесталанного, ничего ведь не получится.

"Вот вышел сеятель сеять: и когда он сеял, иное упало при дороге, и налетели птицы, и поклевали то; иное упало на места каменистые, где немного было земли, и скоро взошло, потому что земля была неглубока. Когда же взошло солнце, увяло, и, как не имело корня, засохло; иное упало в терние, и выросло терние и заглушило его; иное упало на добрую землю и принесло плод: одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать" (Евангелие от Матфея. Гл. 13). Без доброй почвы ничего не взрастет. На бездарь никто не властен повлиять.

Для меня Кинчев как поэт начинается с января 1987 года, когда он впервые принес мне текст песни "Сумерки". Альбом "БлокАда", вышедший летом 87-го, но включавший песни более раннего времени, уже отмечен несомненными удачами. Я не буду сейчас его анализировать, потому что в свое время рецензия на этот альбом была напечатана в "Музыкальном эпистолярии" в журнале "Аврора", а затем воспроизведена в книге А.Н.Житинского "Путешествие рок-дилетанта". Добавлю только то, что при публикации рецензии было сокращено, изъято. Бог весть, по каким соображениям. Я писала, ссылаясь на отца Павла Флоренского, о "заявленности" альбома. Впрочем, приведу этот небольшой кусок полностью:

"У отца Павла Флоренского меня поразило в свое время рассуждение о "явленности" древних русских икон. То есть они - не просто плод фантазии, воображения иконописца. Тем более не "портрет с натуры". А некий образ, явленный свыше, во сне или наяву, и потому - единственно возможный. То самое иррациональное, что достигается вполне рациональными средствами: вот доска, вот краски, вот руки и глаза мастера. И вот результат не лица - лики, на все времена. Для меня "Блокада" - "явленный" альбом. В нем есть запредельность, выход в четвертое измерение, притом, что он очень земной и сегодняшней. Вот почему так трудно писать о нем".

Альбом и вправду радовал несомненными находками, а главное, удивлял тем зарядом энергии, драйвом, которые в нем присутствовали. И еще какой-то новой для "Алисы" духовностью, светом. Но с точки зрения отношения к слову мне он представляется

небрежным. Не бесталанным, а именно небрежным. Смущает соседство ярких метафор, точных и емких образов с маловразумительными и наспех прилаженными словесами. Я так и не могу уразуметь те слова в песне "Воздух", где говорится:

Я так хочу быть тут,
Но не могу здесь...

И не только эти. Хотя и в "Воздухе" есть отдельные замечательные строчки. Или знаменитая теперь - благодаря истории тяжбы с газетой "Смена" - песня "Эй, ты, там, на том берегу". Ну, веселая, динамичная, лихая песенка. Однако к поэтическим удачам, хоть убейте, я ее отнести не могу.

Но в той же "Блокаде" есть тексты, которые я отношу к первым несомненным поэтическим успехам Кинчева. Это и "Солнце встает", и "Земля", и, в первую очередь, "Красное на черном". В этом тексте отчетливо и художественно законченно проявилось то, что впоследствии станет определяющим моментом во всем творчестве Кинчева. Здесь обозначилось то, в чем до поры до времени он сам вряд ли отдавал себе отчет - тяготение к очень древним корням, стремление стать в один ряд со всеми многовековыми накоплениями культуры, соотносить себя именно с русским типом культуры: "с этой гремучей смесью Священного писания и подметной прокламации..." - по остроумному определению известного критика Льва Аннинского.

Шаг за шагом, босиком по вода
Времена, что отпущены нам,
Солнцем в праздник, солью в беде
Души резали напополам...

А на кресте не спекается кровь,
И гвозди так и не смогли заржаветь,
И как эпилог - все та же любовь,
А как пролог - все та же смерть.
Может быть, это только мой бред.
Может быть, жизнь не так хороша,
Может быть, я так и не выйду на свет,
Но я летал, когда пела душа.
И в груди хохотали костры,
И неслись к небесам по радуге слез -:
Как смиренье - глаза Заратустры,
Как пощечина - Христос...

И все же тексты "БлокАды" - это преддверие. Еще раз повторяю: Кинчев-поэт начинается - для меня - с "Сумерек".

Думы мои - сумерки,
Думы - пролет окна,
Душу мою мутную
Вылакали почти до дна
Пейте, гуляйте, вороны,
Нынче ваш день,
Нынче тело да на все четыре стороны
Отпускает тень.

Вольному - воля,
Спасенному - боль.

Вот он я, смотри, Господи,
И ересь моя вся со мной.
Посреди грязи алмазные россыпи.
Глазами в облака да в трясину ногой.
Кровью запекаемся на золоте,
Ищем у воды прощенья небес,

А черти, знай, мутят воду в омуте,
И стало быть, ангелы где-то здесь.

Вольному - воля,
Спасенному - боль.

Но в комнатах воздух приторный.
То ли молимся, то ли блюем.
Купола в России кроют корытами,
Чтобы реже вспоминалось о Нем.
А мы все продираемся к радуге
Мертвыми лесами да хлябью болот,
По краям да по самым по окраинам,
И куда еще нас бес занесет?

Вольному - воля,
Спасенному боль.

Но только цепи золотые уже порваны,
Радости тебе, солнце мое!
Мы такие чистые да гордые
Пели о душе, да все плевали в нее.
Но наши отряды ох отборные,
И те, что нас любят, все смотрят нам вслед,
Но только глядь на образа, а лики-то черные,
И обратной дороги нет.

Вольному - воля,
Спасенному - боль...

Кстати, этот текст интересен еще и тем, что изобилует цитатами. Долгое время считалось, что скрытые и явные цитаты в текстах - прерогатива БГ, что сам Борис Борисович любил подчеркивать. В "Сумерках цитаты вскрывают три временных пласта, и поэтому,

наверное, воспринимается эта песня почти как фольклорная, народная, ибо и в фольклоре день нынешний, вчерашний и отстоящий на века сливаются воедино, а потому и не умирают создания гения народного.

В "Сумерках пласт сегодняшний" - цитата из любителя цитат БГ:

И те, что нас любят, все смотрят нам вслед...

Еще один атрибут дня нынешнего или почти нынешнего - полемическое обращение к поэзии Владимира Семеновича Высоцкого, который пел:

Купола в России кроют чистым золотом,
Чтобы чаще Господь замечал.

У Кинчева эта же тема, но он, восприимчивый идей и духовных поисков Высоцкого, уже утратил часть его иллюзий, поэтому в "Сумерках"

Купола в России кроют корытами,
Чтобы реже вспоминалось о Нем...

Я помню, в одном из своих интервью, когда речь у нас зашла о Высоцком, Костя сожалел, что ему при жизни Владимира Семеновича не удалось с ним поговорить.

Пласт вчерашний, отстоящий от нас во времени более чем на пятьдесят лет, - это переключка с поэзией Сергея Александровича Есенина. Еще одного поэта, духовная близость с которым у Кинчева очевидна. Их роднит одно и то же желание "повенчать" "розу белую с черной жабой".

В стихотворении Есенина "Мне осталась одна забава..." есть строчки:

Но коли черти в душе гнездились,
Значит ангелы жили в ней.

У Кинчева:

А черти, знай, мутят воду в омуте,
И, стало быть, ангелы где-то здесь.

И наконец, пласт древний, вековечный в "Сумерках" отражен в рефрене, но не напрямую, не дословным цитированием русской пословицы, а преломлением через собственное "я", через свое понимание пути, на котором обретается очищение, спасение:

Вольному - воля,
Спасенному - боль...

Здесь мотив обретения истины через страдание - извечный мотив христианства, извечная тема русской культуры - у Кинчева обрел свои четкие очертания в начале 1987 года.

А осенью того же года появились песни-начертания судьбы, песни-предчувствия.

Я помню, в ту пору, когда в полном разгаре была психологическая война, которую в газете "333" Анатолий Гуницкий именовал "Дело Кинчева", на встрече со зрителями в кинотеатре "Охта" БГ говорил, что, если долго призывать беса, он не замедлит явиться, имея в виду Костю Кинчева и его ситуацию.

Но я думаю, Борис Борисыч был неправ. Да, Кинчев любил иногда говорить о том, что хочет "искусить

искусителя", но, мне кажется, что, цитируя этот постулат Ницше, он в первую очередь как поэт отдавал должное меткому словцу. Звучит ведь и впрямь занятно.

А что касается истории с газетой "Смена", конфликта с ленинградской милицией, о чем речь впереди, то это было неизбежно. Не в такой форме, так в другой.

Есть люди, которые словно отмечены некоей печатью. Кинчев из таких. Обычно это гордые люди. И судьба всегда посылает им испытания: одним тюрьмой, другим сумой, третьим, напротив, деньгами да славой, а порой, и тем, и другим, и третьим, и десятым вместе. Одни из таких испытаний выходят с честью, другие ломаются раз и навсегда.

В одна тысяча девятьсот восемьдесят седьмом году судьба уготовила испытания и Константину Кинчеву, и Борису Гребенщикову. Одному тюрьмой да сумой, другому - деньгами, славой да чужой землей. До конца итог этих испытаний знают только они сами. Только они знают о всех потерях на этом пути и всех приобретениях. А нам... Нам только гадать об этом да сочувствовать им.

Кто-то, может быть, усомнится в провидческой сущности кинчевских песен конца 87-го года, скажет, мол, автор "накручивает", создает вокруг Кости эдакий мистический ореол. Для красоты слога, так сказать. Но вот самый реалистический жанр - интервью. Вопросы - ответы, как слышим, так и пишем. Это интервью, данное Кинчевым Владивостокскому радио осенью 1987 г. Я наткнулась на него совсем недавно, и оно поразило меня. Не только терпеливым отношением Кости к корреспондентке, явно не понимающей явления, о котором ведет разговор (да и не желающей понять), но и все тем же предчувствием. Позволю себе привести фрагмент этого интервью.

Корр.: - После концерта мы все стояли за кулисами и я видела, и меня это даже поразило, - тот контакт, который установился между вами и залом, и, к сожалению, я не поняла того единодушия, которое установилось между вами и залом. На чем оно основано?

Кинчев: - На внутренней энергии. Если в вас сохраняется энергия... То есть, мне 28 лет, и у меня она сохраняется до сих пор, видимо, так же, как и у молодых. У молодых она бьет через край, им необходимо ее выплескивать. Я занимаюсь тем же самым. На сцене. И когда я даю импульс, мне идет отдача, и по возрастающей... Этот импульс - как снежный ком. И когда в конце концов происходит общий праздник, это и есть настоящий концерт.

Корр.: - Нет, это как раз я почувствовала. И что касается энергии - тоже. Но хотелось бы понять, что еще, кроме физического этого аспекта, связывает вас с вашими слушателями?

Кинчев: - Ну, концерт прежде всего - физиология. Никуда от этого не деться. Потому что слов не слышно, музыка тоже идет достаточно грязно. Конечно, нам до Запада далеко в плане экипировки. А концерт, это как раз вот эта самая...

Корр.: - Те и не менее...

Кинчев: - Тем не менее... Существуют для этого альбомы, чтобы тем не менее. Конечно, слово хочется донести, которое через меня идет.

Корр.: - Но вот вы сказали "слово хочется донести". Может быть, немного расшифруете это?

Кинчев: -...Христос Слово понес, так вот его несут и несут все после него...

Корр.: - А в чем оно заключается?

Кинчев: - Мне об этом трудно говорить, в чем заключается мое Слово... Я не знаю, в чем оно заключается, потому что пою то, что чувствую...

Корр.: - Ну, а что вы чувствуете?

Кинчев: - Боль больше чувствую...

Корр.: - Боль?! За что?

Кинчев: - Вообще. Ибо боль - самое созидательное чувство человеческое, как мне кажется, потому что человек, не чувствующий боли, находится в полном покое, у него все в порядке. А когда у человека все в порядке, сразу кажется, что что-то здесь не так...

Корр.: - Вы представляете себе, с каким чувством выходят зрители после вашего концерта? И как бы вы хотели влиять на их чувства, на их настроение?

Кинчев: - Выходят удовлетворенными.

Корр.: - А то, что происходит с ними, вас интересует? Что уносят с вашего концерта зрители?

Кинчев: - Если они удовлетворены, значит...

Корр.: - Какое-то мышечное напряжение?

Кинчев: - Мне трудно с вами говорить. Вы не чувствуете рок-н-ролл, понимаете? Концерт - он на то и концерт, чтобы быть в физической связи... Есть и у меня песни, которые надо слушать, и мне кажется, что именно эти песни слушает зал, то есть он притихает...

Корр.: - Так вот, слушая эти песни, какими бы, на ваш взгляд должны становиться слушатели? Или какими бы вам хотелось?

Кинчев: - Красивыми должны быть...

Корр.: - А по тишине не тоскуете еще?

Кинчев: - По тишине?... Понимаете, тут штука какая... Мы вот в Пскове играли недавно. И нас повезли в Печору, в Печорский монастырь. Вот там как раз тишина, которая умилила. Там у меня слезы на глаза навернулись, настолько красиво... Белочка скачет, солнце светит, купола желтые... Но монахи как нас испугались! Кадилами начали кадить, бесов выгонять. Такие сварливые ходят, ругаются: "Парикмахера на вас нет!" Тишина... Тишина хороша, когда ее немного... Я человек из мира. Так что по тишине я не скучаю. Иногда

красиво побыть... Но не больше года... Если я вас правильно понял - о тишине...

Корр.: - А как вы себя представляете лет этак через 10-15?

Кинчев: - Зачем нам об этом говорить? Завтра, может быть, нас перебьют...

Корр.: - Ну, зачем...?

Кинчев: - Может что-то случиться... А так как я представляю все себе достаточно мрачно, то есть не вижу повода для хохмочек, я всегда настраиваюсь на это. А коли я на это настраиваюсь, я не люблю думать, что будет...

* * *

"Может что-то случиться..." С этим настроением он и вернулся с гастролей осенью 1987-го. Он рассказывал о Приморье, о поездке в Псков. И до поры в голову не приходило, как печорский инцидент был для него значим. Алисовцы-то только посмеивались, вспоминая, как окуривали их ладаном. А Кинчев...

После возвращения "Алисы" с гастролей мы встретились у Рикошета, Саши Аксенова, лидера "Объекта насмешек". Все было мирно. Разговоры, разговоры...

В какой-то момент Кинчев вдруг встал и вышел. Его долго не было. Заскучавший Рикошет обнаружил его в комнате, используемой под кладовку. Кроме старых вещей, в ней ничего не было. Кинчев лежал на полу, лицом вниз. Думали, что он спит. Стали его трясти, уговаривать лечь на нормальную постель - в квартирах, как всегда в это время в Питере, не топили, было холодно. Он ничего не отвечал. Просто встал и присоединился ко всем.

За полночь стали расходиться. Вместе с Костей приехал в гости его двоюродный брат Кирилл. Мы вышли на улицу втроем. Она была пустынной. И вдруг показался грузовик. Он проскочил мимо нас. И Костя бросился за ним зачем-то, догнал машину, вцепился в борт. На ходу. Залезть на борт ему не удалось. Его тащило по земле, казалось, еще минута, и он окажется под колесами. Я закричала. За грузовиком погнался Кирилл. Ему удалось догнать грузовик. Он как-то ловко подпрыгнул, повис на Кинчеве и вместе с ним рухнул на землю. А машина покатила своей дорогой... Когда я подбежала к ним, я увидела, что Костя будто не в себе.

- Идите вперед. Не беспокойтесь. Я обещаю - больше ничего не случится.

Мы с Кириллом пошли, стараясь не оглядываться. Но спустя минут пять услышали за спиной голос Кости. Словно надтреснутый, исполненный такой боли, такого отчаяния, что стало страшно:

- Я же там плакал от восторга... Я туда... А они... Кадиллом... Как беса...

Мы подошли к нему. В глазах у него были слезы. Он бормотал почти бессвязно, ломая пальцы... Несгибаемый Кинчев, у которого "всегда все хорошо", со слезами на глазах - это было жутко. До озноба...

Может быть, с той поры, веря в Бога, он не любит попов?

Может быть, в ту осень, отмеченную трагическими предчувствиями, он пришел в церковь за поддержкой, надеясь обрести опору? Возможно. А церковь его отринула. И он остался с Господом своим один на один. Без посредников. И тем самым вновь подтвердил приверженность тому древнему, вековечному, что проснулось в его генах на пороге собственного тридцатилетия.

О чем я? Все забываю спросить Костю при случае, слышал ли он что-нибудь о стригольниках. Была такая

ересь в XIV веке.

"Новгородцы же в 1370-е годы не ходили на исповедь, а каялись земле".

Епископ Стефан Пермский, как указывает Б.А. Рыбаков, "в своем обличении пишет, что молиться Богу следует "убегая всякого тщеславия и высокоумия", а стригольники, наоборот, стремятся "выситися словесы книжными" и "молитися на распутьях и на ширинах градных".

Ширины градные - это городские площади, обширные, широкие площадки.

Кинчев любит выступать, читай, публично исповедываться, на стадионах, "на ширинах градных", он любит повторять, что "надо чувствовать землю", и поэтому на сцене он часто босиком. Он по неосознанному им самим древнему наитию пришел к "стригольническому отрицанию церкви как посредницы между христианином и его богом" (там же. - Н.Б.).

Не торопитесь, правоверные христиане, называть его за это еретиком и отступником. Я позволю себе еще одну цитату "Люби повергаться на землю и лобызать ее. Землю целуй и неустанно, ненасытимо люби, всех люби, все люби, ищи восторга и иступления сего. Омочи землю слезами радости твоя и люби слезы твои. Иступления же сего не стыдись, дорожи им, ибо есть дар Божий, великий, да и не многим дается, а избранным". Уж автора этого высказывания вряд ли кто осмелится назвать еретиком, язычником или отступником. Ибо автор - Федор Михайлович Достоевский, а произносит сии слова персонаж его романа "Братья Карамазовы" монах старец Зосима. И в "Преступлении и наказании" Соня Мармеладова, призывая Раскольникова к публичному покаянию, просит его во искупление греха поцеловать землю, которую он осквернил убийством.

Помню, как однажды позвонила мне Лариса Мельникова - человек в питерском рок-клубе известный, театральный критик, много сил и энергии отдавшая рок-движению в нашем отечестве. Она для кого-то из своих британских знакомых переводила тексты Кинчева - с целью пропаганды творчества любимого ею коллектива "Алиса". Лариса удивлялась, что при переводе столкнулась с определенными грамматическими трудностями. Глаголы в текстах Кинчева не поддавались переводу "один в один".

- Что-то странное у него с категорией времени происходит. Мне пришлось в английском использовать все формы времен, которые только там есть, чтобы адекватно передать смысл песен.

Я сказала ей, что когда-то в нашем языке форм прошедшего времени было несколько в отличие от современного русского языка.

- Ах вот как, - удивилась Лариса. - Тогда это все объясняет. Но откуда Кинчев-то все это взял? Откуда это в его поэзии?

Да оттуда же, откуда в Михаиле Афанасьевиче Булгакове его Ершалаим с тяжелой тучей над Лысой горой. Художники не только провидцы, но и путешественники во времени. Причем в каждой эпохе они свои, каждая эпоха им не чужая.

Это редко происходит осознанно. Чаще по наитию. Так и Кинчев. "Дорога домой могла быть короче", - поет он. Куда уж короче! К двадцати восьми годам он уже стоял на перекрестке, где пересекаются день нынешний и день минувший, сиюминутное и вечное. Он потому так и притягивает и поклонников, и просто людей, которые с ним сталкиваются: живет в нем тот извечный российский образ лихого человека, разбойничка с большой дороги, который не ради корысти, а ради воли и жгучего желания справедливости на эту дорогу выходит - не за золотом,

что ему злато, не впрок оно ему, либо пропъет, либо бедной вдовице отдаст али сироте.

А каков итог вольной жизни? Да во все времена один и тот же:

Не шуми, мати, зеленая дубравушка.
Не мешай мне, доброму молодцу, думу думати.
Завтра мне, доброму молодцу, на допрос идти...

Осень 1987-го... Уже шла перестройка. Во всяком случае, о ней все говорили. А он и в песнях новых, и в интервью говорил о том, что "может что-то случиться...":

Ну, как тебе оттепель, царь-государь?
Не душно под солнышком?
Аль уж хлебнул, царь-государь,
Вольницы-волюшки?
Чего скосорылился? Аль не рад?
Ты ж сам потакал огню.
Эй, птицы-синицы, снегири да клесты,
Зачинайте заутреннюю!

В середине ноября 1987 года "Алиса" впервые получила возможность выступить в одном из самых больших залов Питера - во Дворце спорта "Юбилейный".

* * *

Я не буду снова и снова пересказывать всю эпопею, известную в народе как "дело Кинчева". Напомню только вкратце ситуацию.

16 и 17 ноября во Дворце спорта "Юбилейный" в Ленинграде (тогда еще наш город назывался так) проходили концерты группы "Алиса" - впервые на такой огромной площадке, вмещающей около семи тысяч зрителей.

Первый день прошел без серьезных эксцессов, хотя спокойным его тоже назвать нельзя.

А во второй день Кинчева, вышедшего за милицейское ограждение, кои всегда выставляются на рок-концертах, не пустили обратно. Его самого, жену, которую он вышел встречать, ее подругу Аду Заблудовскую не пропускала милиция.

Кончилась эта идиотская ситуация тем, что страж порядка нанес оскорбление не только словом, но и действием беременной жене Кости Кинчева. Константин, естественно, за жену вступился, после чего его потащили в милицейский газик, заломив, как водится, руки за спину.

Задержанию Кинчева воспрепятствовали фаны, которые все это видели. Кинчева отпустили, соблаговоллив разрешить ему вход на собственный концерт.

Когда концерт после некоторой задержки все-таки начался, Костя объяснил зрителям, по какой причине не смог начать выступление вовремя:

- Потому что меня и мою беременную жену не пускали в зал менты...

А потом еще и песню "Эй, ты, там, на том берегу" посвятил "иностранным гостям, находящимся в зале, ментам и прочим гадам". Вот, собственно, предыстория почти на год затянувшейся психологической войны, объявленной Кинчеву.

Кого интересуют детективные подробности, он сможет найти их в статье А.Гуницкого в газете "333", № 1 за декабрь 1988 г.

Прокуратура Петроградского района возбудила уголовное дело по статье 206, часть 2 - злостное хулиганство.

Газета "Смена", возглавлявшаяся Виктором Югиным, ныне известным демократом и в недавнем прошлом руководителем Санкт-Петербургского телевидения, опубликовала откровенно клеветническую статью, в коей обвиняла Кинчева в пропаганде фашизма. Ни больше, ни меньше. Сейчас это кажется смешным. Как смешным показалось бы, если бы, к примеру, Солженицына обвинили в пропаганде коммунистических идей.

Я позволю себе процитировать несколько особо выдающихся абзацев из произведения гражданина Кокосова - автора статьи "Алиса" с косой челкой".

"Она (учитель школы № 522) пришла в пикет милиции вместе с мужем и сыном, чтобы письменно изложить свое мнение об "Алисе"...

Попросив разрешения, прочитал ее заявление на имя первого секретаря обкома партии..."

"...- Представляешь, там... Кинчев только что кричал "хайль Гитлер!"

"...- Дайте, пожалуйста, бумагу. Я хочу оставить заявление в горком партии. Я была на концерте с сыном. Что за ужас!"

"На бумагу лились горькие слова правды:

...Лидер группы Кинчев вел себя безобразно. Он говорил в адрес советской милиции такие слова, что слушать было стыдно... говорил, что гласность у нас - это только слова... Призывал молодежь к антисоветчине... Пел песни, которые призывали ребят не ехать служить в Афганистан. Я и еще люди, сидящие рядом со мной, считаем, что эта группа "Алиса" - антисоветская, и ей не место на советской сцене".

Хватит цитат. В таком духе почти целая газетная полоса. Сейчас, и вправду, не верится, что кто-то мог

такое написать всерьез. Удивительная у нас страна. В какой другой пришла бы в голову мысль рецензию на выступление артиста писать в полицейском участке? Но даже и в этом случае адресовать ее не комиссару полиции или милицейскому начальству, а первому секретарю политической партии? Все это воспринимается как плохая пародия.

А ведь прошло всего-то пять лет. Какой огромный скачок мы сделали за это короткое время. И когда мы ругаем пустые полки магазинов и грабительские цены, то правильно, конечно, ругаем. Но, воистину, "не хлебом единым жив человек". Потому что ни за какие тонны колбасы, ни за какой миллион осетров, ни за какое дешевое изобилие я не отдала бы тот дух свободы, который начинает витать в нашей атмосфере. Я говорю так, потому что всего пять лет назад мне довелось видеть, что такое охота на человека. Это страшно.

Я расскажу лишь о нескольких эпизодах, о которых мало писали и которые меня особенно тогда поразили.

Практически ни у кого из окружения Кинчева не было в ту пору сомнений, что "конфликт" с милицией - умело организованная провокация. Скептики спросят - зачем? Кому мешал какой-то, пусть даже популярный, рок-певец? Кто бы стал из-за мальчишки-музыканта поднимать на ноги всю ленинградскую милицию? Я ничего не могу утверждать. Как всегда в таких случаях власть не оставляет доказательств. Но у меня есть своя версия: я помню два интересных момента.

Момент первый. На заседании бюро Ленинградского обкома партии (коммунистической, естественно), где одним из вопросов повестки дня был вопрос о ленинградском рок-клубе (вот еще один анекдот

времен начала перестройки!), лично первый секретарь обкома Юрий Филиппович Соловьев, теперь только тем и памятный народу, что по дешевке купил себе "мерседес", используя служебное положение, так вот лично Юрий Филиппович положил в карман, на память, текст группы "Алиса" "Шестой лесничий". Когда в клубе об этом узнали, все только посмеялись. Как дети, ей-Богу...

Момент второй. Когда мне приходилось в качестве свидетеля по делу о мнимом хулиганстве Константина Кинчева общаться со старшим следователем прокуратуры, она как-то сказала мне, что ей через день звонят из обкома партии, где это дело находится на контроле. Поэтому я предполагаю, что доблестная ленинградская милиция постзастойных времен просто сработала четко по сценарию, авторы которого скорее всего не носили серых шинелей. Оккупировав десятки лет назад Институт благородных девиц они оттуда в силу своих представлений о классовом благородстве вершили судьбы людей - на свой взгляд, вкус и манер.

"Шестерку"-корреспондента нельзя обвинять в том, что вся его статья - ложь. Он солгал, когда описывал инцидент с милицией, солгал, утверждая, что Кинчев кричал "хайль". Но он не врал, когда утверждал, что песни "Алисы" антисоветские, что Кинчев против войны в Афганистане.

Самое интересное, что я не знаю человека, более далекого от политики, чем Константин. Он не кривит душой, когда говорит, что ни черта в ней не понимает, что не любит политику и политиков. И тем не менее, многие его песни воспринимаются слушателями как политические манифесты. Андрей Макаревич в своем интервью рок-дилетанту говорит о том, что "Костя" "несет лозунг". Это и так и не так. Да, в своих песнях Кинчев так или иначе откликается на беды своего времени. Но на такие беды, которые во все времена

были бедой. Он никогда не напишет песню про то, что в магазинах проблемы с мылом или по поводу повышения цен на колбасу. Я даже помню, что, когда в Москве начались трудности с продовольствием, он сказал:

- Все правильно, нормально. Теперь в Москве, как по всей стране. А то раньше одна Москва жрала в три горла, а по всей России уж как минимум десяток лет забыли, что такое масло...

Кинчев несовременен. Он, если можно так выразиться, всевременен. По моему разумению, Кинчев из тех вестников, которые всегда появляются на Руси в смутные и лихие времена. Потому что именно в такие времена самое главное - выбрать: свободу или рабство, правду или ложь. И песни его потому и кажутся актуальными, злободневными, хотя поет он в них о вещах вечных, что в них всегда живет вольный дух.

Помню, давно уже, после фестиваля в ДК "Невский", когда у всех на устах был революционно-непреклонный Борзыкин с его песней "Выйти из-под контроля", Борис Гребенщиков сказал:

- Господи, да что ж он так переживает-то? "Выйти, выйти и улететь..." Кто ж ему не дает-то?

Это ведь абсолютно верное замечание. Свобода, воля мало имеют общего с обстоятельствами внешними, мало от них зависят. Человек по сути своей либо свободен, либо нет. Это - внутреннее состояние. Тысячу раз прав был Бердяев, который считал, что свобода несовместима со страхом. Страх - это всегда зависимость - от кого-то или от чего-то. Таких, как Кинчев, власть всегда будет недолюбливать, потому что власти нужны если не рабы, то, во всяком случае, послушные граждане. А Константин непослушный. Он - внутренне свободен. И своих слушателей призывает к тому же. Поэтому и воспринимаются его песни как лозунги сегодняшнего дня.

Вот заметьте. Кто был на ленинградской рок-сцене революционнее Борзыкина с его песнями "Твой папа фашист", "Выйти из-под контроля", "Политическая песня", "Три-четыре гада"? Я не оспариваю вклад Борзыкина в нашу рок-музыку, нет. И все же?

Три-четыре гада мешают мне жить...

Помните? Прошло совсем немного времени, и эти песни кажутся страшно наивными. И очень неактуальными. Вчерашними...

"Чую гибель", "Новая кровь", "Тоталитарный рэп", "Шабаш" написаны Кинчевым примерно в то же самое время, что и песни Борзыкина. Но они стали едва ли не еще актуальнее в наши дни кровавых конфликтов, путчей и развала державы. Потому что в отличие от революционера Борзыкина Кинчев понял главное - во все времена существовали три-четыре гада. Они меняли обличья. Но не они мешают нам жить. А тот единственный гад, тот зверь, который, к несчастью, есть в каждом из нас: зверь подлости, кривды, холопства, страха, безответственности. И с ним надо воевать до победы. Ведь все, все лучшее из созданного в искусстве человечеством, всегда об этом. Евгений Шварц это замечательно выразил в своей сказке о драконе. Главное, убить дракона в самом себе. Антон Павлович Чехов не из других - из себя выдавливал раба по капле. Много-много лет тому назад, в шестидесятые годы, когда многих сегодняшних поклонников рок-музыки еще не было на свете режиссером Михаилом Каликом был создан фильм "Любить!". В этом фильме игровое кино переплеталось с документальным. Один из документальных эпизодов - разговор о любви с молодым красивым священником. Его звали отец Александр Мень. Тогда это имя ничего не говорило

зрителю. Да и атеистами были девять из десяти. А говорил отец Александр не очень понятные в ту пору вещи: "Бог дает возможность восстать против себя". Все та же мысль. Это истина, на которой все еще стоит мир и которую, несмотря на почтенный ее возраст, равный возрасту самого человечества, каждое новое поколение, каждый человек должен познавать сизнова. Кинчев из тех, кто пытается открыть глаза слепым или просто спящим, которые пока еще эту истину не узрели.

А "слепые вожди слепых", коими всегда изобиловала наша история, и тем более в последнее столетие, как упыри, нюхом чуют живую кровь. Они всегда будут бороться именно с вольными, именно со свободными внутренне, то есть преодолевающими страх, людьми.

Именно поэтому осенью одна тысяча девятьсот восемьдесят седьмого года дряхлеющая, но еще не сошедшая со сцены партократия, опираясь на железобетонные плечи милиции, объявила войну Константину Кинчеву, поэту и музыканту, вольному человеку, лихому разбойничку. Такова моя версия этих событий.

Я не преувеличиваю, говоря о том, что это была охота на человека. Какие уж тут преувеличения!

После гнусной статьи в "Смене", естественно, возникло желание как-то объясниться с публикой.

На ленинградском телевидении работала администратором Наташа Сидоренко - поклонница творчества "Алисы". Она обещала помочь выйти в эфир в одной из программ, чтобы Костя смог изложить ситуацию так, как это было на самом деле. И, таким образом, снять навешанный на него ярлык фашиста.

Наташа заказала пропуск и мы с Костей оказались на студии.

Сначала шли переговоры с "Телекурьером". Казалось, курьеровцы отнеслись к истории с пониманием. Договорились, что на следующий день Костя к определенному времени будет в определенном месте, куда подъедет машина "Телекурьера". Утром они ему позвонят и скажут, куда именно подойти. Но утром ему позвонили и дали отбой. С милицией и властями никто связываться, поразмыслив, не рискнул.

Следующей на призыв Кинчева о помощи откликнулась молодежная программа "Открытая дверь". Все та же Наташа Сидоренко познакомила Костю с Оксаной Пушкиной, журналистом молодежной редакции. Оксана обещала помочь. В Костиной ситуации был необходим только прямой эфир. Ведь любую запись можно урезать. В "Открытой двери" тогда только начинали давать прямые включения. В назначенный час мы приехали во Дворец молодежи, где должна была проходить запись программы "Открытая дверь". Оттуда же давали прямой эфир. Встретили нас очень любезно. Дали Косте микрофон и попросили в течение полутора минут, не более, рассказать о конфликте с милицией и опровергнуть ложь в статье Кокосова "Алиса" с косой челкой". Костя сказал все, что счел нужным, и мы с легким сердцем отправились в клуб "Фонограф" Дворца молодежи, где оставляли у знакомых ребят свои вещи. Мы уже собирались уходить, когда в "Фонограф" вбежала Наташа Сидоренко и сказала:

- Они обманули вас, Костя. Это был не прямой эфир. Это была запись! Прямой эфир они начали давать сейчас. Пойдемте скорее! Попробуем прорваться.

Мы побежали в зимний сад ЛДМ. Там действительно шло прямое включение. Костя попытался взять у ведущего микрофон. Микрофон тотчас же был

выключен. Молодежь, приглашенная на передачу, стала просить, чтобы Кинчеву дали слово. Молодняк подзуживал известный в самых разных кругах Александр Богданов. Он призывал всех устроить сидячую забастовку, сорвать передачу. Я увидела, что толпу участников передачи начинает потихоньку отсекает серая линия - милиция! Надо было уходить. Я обратилась к ребятам:

- Ребята, неужели вы не понимаете, что не скандал был нужен Косте, а возможность сказать правду. А вас сознательно провоцируют на скандал. Не надо никаких забастовок.

В то время как я обращалась к грозно настроенным фанам, с Костей разговаривал какой-то молодой человек, возрастом изрядно старше, чем кинчевские поклонники. Тогда я даже не запомнила его лица. Зато хорошо его запомнил Костя.

- Он мне говорит: "Ты эфира не получишь. "Алиса" - группа антисоветская, и таким, как ты, нечего делать на советской сцене". Я его спрашиваю: "А если бы с тобой так поступили, что бы ты стал делать на моем месте?" А он мне в ответ: "На твоём месте я бы повесился".

Когда на экранах телевизоров впервые появилась программа "600 секунд", мы узнали имя молодого человека, порекомендовавшего Кинчеву повеситься. Это был Александр Невзоров.

Во время судебного процесса по иску "Алисы" к газете "Смена" этот "принципиальный" и "независимый" репортер охотно лил воду на мельницу стражей порядка и клеветника Кокосова. Сначала с гневом сообщил в своей программе о том, что мать одного из поклонников Кинчева пришла в редакцию "Секунд" с комсомольским билетом сына, на страницах которого Кинчев посмел оставить свой автограф. Мол, испортил, негодяй, почти партийный документ. В следующий раз

со съемочной бригадой приехал в суд и сообщил зрителям, что Кинчев будто бы из трусости на суд не явился. О том, что ответчик Кокосов несколько раз не достаивал своим присутствием заседания суда, Невзоров умолчал. Про Кинчева же попросту солгал. Костя в тот день единственный раз опоздал на заседание, так как ездил в Комарово за свидетелем Адой Заблудовской.

Докричатся до читателей "Смены" помогли двое. Один - тогдашний начальник управления культуры Ленинграда Анатолий Иванович Тупикин, сменивший на этом посту товарища Мудрову. (Не иначе, как нечистая сила устроила в управлении культуры игрища с фамилиями! Но это так, к слову.) Анатолий Иванович Тупикин принял Костю (об этом его просил президент рок-клуба Коля Михайлов), выслушал и обещал помочь напечатать в "Смене" письмо Кинчева с его версией случившегося. Свое обещание Тупикин сдержал.

Другой человек, который помог выйти в эфир на телевидении после нескольких бесплодных попыток, - известный тележурналист Тамара Максимова. Она вела в то время передачу "Общественное мнение". С Тамарой по работе немного знаком мой муж. Узнав о том, что все в том же Дворце молодежи будет проходить программа, посвященная, кажется, обсуждению закона о молодежи, он позвонил Максимовым домой. По городу ходили слухи, что будто бы Кинчев приглашен участвовать в этой программе. Но мы-то знали, что это всего лишь слухи. Но на чем-то они основывались!? В общем, муж позвонил Максимовым и спросил, правда ли, что Кинчева пригласили на передачу.

- Его не приглашали, - услышал он в ответ, - но ведь знаешь, как бывает, прямой эфир, пришел человек, взял микрофон...

Как бывает в таких случаях, мы уже знали по попытке достучаться в "Открытую дверь".

- Но чтобы прийти, взять микрофон, надо знать, куда прийти, - продолжал мой муж.

- Ну, кто ж этого не знает, - отвечали ему. - Все знают, что мы будем работать в видеобаре ЛДМ.

- Спасибо, - сказал муж.

- Пока не за что, - ответили ему.

Проанализировав этот разговор, мы поняли, что Косте дают шанс. Мы встретились с Кинчевым в рок-клубе. Обсуждали эту ситуацию в кафетерии, когда меня вдруг позвал президент клуба Коля Михайлов. Он представил мне молодого человека по имени Алексей.

- Это ассистент Тамары Максимовой, - сказал Коля. - Он приглашает нас на передачу. Возьми один пропуск себе. А на другом мы можем проставить фамилию того человека, которого считаем нужным взять с собой. Понимаешь?

Не понять было трудно. Мы поблагодарили Алексея и я вернулась в кафетерий, где меня ждал Костя. Я протянула ему пропуск на имя Панфилова Константина Евгеньевича.

Вся эта затея чуть не рухнула. На этот раз не из-за бдительности Невзорова. Тогда я в первый раз осознала, что началась охота.

...На входе в видеобар ЛДМ стоял милиционер. Мы шли втроем: я, Игорь Леонов из журнала "Рокси" и Кинчев. Меня и Леонова пропустили, а Кинчева задержали. Его попросили предъявить документы. Когда он предъявил паспорт, то документы отобрали. Подошел майор. Он, ухмыляясь, сказал, что за паспортом Костя должен явиться завтра в Петроградскую прокуратуру. Там его давно ждут. И ни на какую передачу он не пойдет.

Я ринулась в видеобар. Там увидела знакомого комсомольца из обкома. В той ситуации не до того, чтобы помнить об идейных разногласиях. Рядом с ним стоял какой-то представитель ЦК ВЛКСМ, и я попросила

о помощи. Цекашник вышел вместе со мной и тем самым неповторимым тоном, каким мы никогда не научимся (и слава Богу!) говорить, сказал товарищам в серых шинелях, что Костя - действительно гость программы. Предъявил цекашные документы. Косте вернули паспорт и пропустили в видеобар. Там ему дали прямой эфир и он, наконец-то, смог обратиться к зрителям.

Я знаю, что у Тамары Максимовой потом из-за этого были неприятности. Я думаю, она их предвидела. Тем более спасибо ей.

Максимовы были не единственными, кто помог. Сделал сюжет и канал "Пятое колесо". Автором сюжета была Зоя Беляева. Ходил в городскую и Петроградскую прокуратуры рок-дилетант Александр Житинский. Пытался помочь и собкор "Известий" Анатолий Степанович Ежелев, впоследствии народный депутат СССР. Он подготовил статью в защиту Кинчева. Но статью главный редактор "Известий" не напечатал. Журналисты Илья Вайс из "Московских новостей", Евгений Додолев (в то время корреспондент журнала "Смена", а ныне сотрудник редакции "Совершенно секретно" и программы "Взгляд") - или пытались помочь, или реально помогали Косте. И, конечно, сотни писем от людей самого разного возраста со словами поддержки, веры в его правоту. Если бы не помощь самых разных людей, если бы не поддержка, которую он находил в письмах, при встречах, то гораздо труднее было бы выдержать почти год тяжелой борьбы за свое достоинство.

- Знаешь, я бы, наверное, давно плюнул на все и отдался бы в руки судьбе, если бы не понимал, что мы бьемся не за себя, а за всех, с кем могли бы поступить так же несправедливо, - сказал мне однажды Кинчев.

Попытка задержания во Дворце молодежи была первой ласточкой.

Той же осенью ночью меня разбудил телефонный звонок. Звонил Петя Самойлов:

- Нина, Костю и Алика, нашего директора, увезли в милицию, в шестидесятое отделение. Мне удалось уйти. Надо что-то делать.

Было три часа ночи. Я спросила, как это случилось.

В гостинице "Прибалтийская" Костя и Алик встречались с видеосъемочной группой агентства Новости и журналистами из западногерманской компании H20 VIDEO. В какой-то момент Костя вышел из номера, чтобы выпить сока в буфете на этаже. Только он начал пить сок, к нему тут же подошел милиционер и потребовал документы. Документы остались в куртке в номере. Никаких объяснений страж порядка слушать не желал. Тут же появились еще несколько милиционеров. На шум вышел Алик. Их вместе с Костей за руки и за ноги вытащили и бросили в воронок. Ребята из Новостей и фээргэшники не сразу поняли, что что-то случилось, но когда отсутствие гостей стало подозрительно долгим, выяснили у дежурной, что произошло, и поехали в отделение. Когда туда же после Петиного звонка приехали мы с Колей Михайловым и Марианной Цой (я сразу же позвонила Коле и призвала его, так сказать, на подмогу), то услышали, как небольшого ростка капитан кому-то, отвернувшись от нас, пытался по возможности тихо доложить в телефонную трубку: "Да у нас тут пресса... пресса тут приехала... понимаете?..."

На этот раз обошлось. Костю и Алика отпустили. Слишком много было свидетелей, по-видимому. У Алика, правда, каким-то образом из заднего кармана брюк исчезли 800 рублей - по тем временам сумма огромная.

Когда в четвертом часу утра мы все вместе приехали к нам домой, я решила первым делом позвонить Пете Самойлову. Не сомневалась, что он

ждет известий и волнуется за судьбу своих товарищей. Петр Сергеевич безмятежно спал.

Помню еще, как мы встречались в Доме кино с какими-то странными людьми. Кто они, зачем захотели встретиться с Костей, до сих пор не очень понятно. Они позвонили Алику и сказали, что могли бы помочь. Тогда мы готовы были хвататься за любую соломинку. И на встречу Алик согласился. Позвонил мне. Попросил подъехать к Дому кино и поприсутствовать. Один из приглашенных - смазливый мужик, слащавый даже, лет тридцати-тридцати пяти, в бархатном пиджаке - уверял Костю, что, мол, "тоже диссидент" и даже "пострадал за убеждения". Далее следовала какая - то дикая история про то, как, служа во флоте, он подложил под судовой механизм березовое полено. На полене написал слово "мина". И уверял нас, что был ужасный скандал и он был, ну, очень, очень строго наказан. Второй молодой человек с лицом, в котором все было неправильно, читал стихи. Свои. Стихи почти не запомнились. Запомнилось лицо. И то, что звали его Мишей. Кто они и откуда, так и не объяснили. Но осталась в памяти фраза. Или предложение? Смысл был в том, что вот, дескать, Кинчев удивительным образом воздействует на людей. Впрочем, они сказали "на толпу". Костя не раз поправлял их: "Не толпа, это - люди..." Вот если бы их идеи да Костины способности воздействия совместить.

Интересно, правда? Но подробнее об идеях они решили не распространяться. Что-то проскользнуло о корнях, Кинчев, естественно, чужие идеи пропагандировать отказался. И разговор сошел на нет. Алик и Костя решили, что на встречу их приглашали активисты из "Памяти". Бог весть. Одного из них - стихотворца - я увидела спустя четыре года на концерте Кинчева в "Юбилейном" - в июне 1991 года. Он был с очень молоденькой спутницей. И когда Костя

увидел драку в зале и остановил концерт, высказавшись в том роде, что играть и петь не будет, "пока не прекратится эта херня", стихотворец любовно воскликнул, обращаясь к своей миловидной подружке:

- Вот он такой! Да! Вот такой он!

А за высказывания со сцены в 1991 году никто уголовного дела не возбудил. Перестройка!

А тогда, в 87-м, уголовное дело было уже возбуждено и угроза получить "от трех до пяти" была слишком реальной. Только этим объясняется, что мы потащились на встречу черт знает с кем и черт знает зачем. Но об этой встрече разговор, так сказать, попутно. Пока мы с Костей общались со странными приверженцами "корней", Алик вышел. Возвратившись, он рассказал нам об услышанном в фойе разговоре двух милиционеров.

- Один другому сказал: брать его надо, а то потом опять ищи его, этого Кинчева. А другой, что, мол, нельзя, очень много народу, место уж слишком людное...

В тот вечер обошлось. Дом кино - место действительно уж очень людное. Но это был уже третий раз, когда угроза оказаться под стражей была слишком, слишком близкой. Говорят, Бог троицу любит. Здесь Бог был ни при чем. Действовал явно его оппонент. Но и дальше "искушать искusstеля" было опасно.

С этого дня общими усилиями стали Костю мягко говоря оберегать, а говоря грубо и попросту - пасти. Старались, чтобы он не ходил один по улицам, не появлялся в "зонах риска" - то есть в гостиницах, кабаках и т.п. Когда он с группой возвращался с гастролей из Челябинска (нелегальных, так как концертная деятельность была группе запрещена), мы с мужем встречали его в аэропорту. Ну и так далее. И привело все это к тому, что мы с ним поссорились. Вдрызг. Как я думала, навсегда. Он позволил себе

грубую выходку. Так мне показалось. А потом я поняла: это был бунт. Бунт против новой несвободы, которой стала наша неусыпная забота о нем, наша опека. Он не мог, не умел, не хотел прятаться. Ему, вольному, ему, для кого несвобода - болезнь, ему, который задыхался без свежего ветра, ему начали диктовать: не делать того и сего, не ходить туда и сюда. Для его же, понятно, блага. Но благо без воли он не признавал. И вскипел. И правильно. Но тогда я обиделась страшно. "Ну и черт с ним!" - подумала я. И несмотря на попытки примирения с Костиной стороны, решила, что больше знать не желаю этого человека. Но мы все же помирились. Нас примирила смерть.

В феврале 1988 г. погиб Саша Башлачев. Я как всегда пришла в рок-клуб на работу и увидела: что-то произошло. Народу всегда в клубе толклось много. Но в тот день это был странный народ. Не галдели, не смеялись, кто-то плакал. Секретарь клуба Ольга Слободская рассказала мне о том, что случилось.

В середине дня появился Кинчев. С черным напряженным лицом. К нему подошел Слава Задерий и они направились к выходу. Они проходили мимо меня, и Слава вдруг сделал шаг в мою сторону, будто что-то хотел сказать, но Костя резко, зло даже дернул его за руку. Они ушли. Они были самыми близкими друзьями Саши. И им в этот день не нужны были лишние люди.

А ночью того же дня, в четвертом уже часу, у меня зазвонил телефон. Я сняла трубку:

- Нина, Нина, ты слышишь, Нина? - Это был Кинчев. - Нина, ты прости меня, я дурак, прости... - Он плакал.

Мне стало больно, страшно.

Я сказала:

- Это ты меня прости...

- Нина, прости, ну вот, ну хорошо, ладно... Нина... А если Бог его не примет, я Бога убью... Я... Я... - Гудки, отрывистые, короткие...

Я еще кричала сквозь эти гудки: "Откуда ты звонишь? Где ты?"

По коже пробежали мурашки. Эта последняя фраза... Верующие люди меня поймут. Поймут тот ужас, который разрастался в моей душе. Если раньше за нескольких моих друзей из рокерской среды мне было тревожно, то в тот момент мне за Костю стало непереносимо жутко. Потому что это было богохульство... Не он говорил эти слова, а его боль и отчаяние. И все же, все же...

На следующий день мне позвонил Андрей Столыпин по прозвищу Масик - художник группы "Алиса". Он сказал мне, что Костя у него.

- Как он, что он?

- Да сумасшедший дом у меня, - ответил Андрей. - Он то поет, то плачет. Может быть, приедешь?

Я приехала под вечер. У Андрея, как всегда, толкся какой-то народ. Костя лежал на диване вверх лицом с закрытыми глазами. Казалось, он спит. Но он не спал. Когда открыл глаза, то выглядел очень спокойным. Увидел меня, улыбнулся. И снова:

- Ты прости, ладно?...

Мы проговорили до середины ночи. О всякой всячине. И о Саше, конечно.

На следующий день приехал Дима Ревякин.

Потом были похороны.

После того как стало известно о гибели Саши, Костя звонил Тупикину в управление культуры.

Просил помочь "выбить" место на Северном кладбище - одном из лучших в Ленинграде. Тупикин помог. Место выделили. Но Сашины родные захотели похоронить его у Дороги жизни, в Ковалеве.

Сотни людей стояли на новом Ковалевском кладбище под Ленинградом около свежерытой могилы. Представитель кладбищенской администрации, официальный распорядитель похорон, был в

растерянности - и оттого, сколько народу собралось, и оттого, что люди стояли вокруг открытого гроба молча. Тяжелое, физически осязаемое молчание прижимало к обледеневшей земле. Казалось, сам воздух превратился в глыбы льда, спрессовался. Нечем дышать. Невозможно говорить. В этой траурной толпе не было ни одного человека, который пришел "исполнить долг". Была одна страшная боль на всех, одно общее горе, одна непоправимая беда. И поэтому, когда все же прозвучали слова, они не были похожи на традиционные надгробные речи. Несколько сбивчивых фраз Артема Троицкого. Потом кто-то прочел последние Сашины стихи. Потом чьи-то слова: "Костя, скажи..." И срывающийся, неузнаваемый голос Кинчева: "Мы тут с Димкой Ревякиным думали... Сашка просто поскользнулся! Он не выбросился из окна... Он оступился!... Вот..."

На крышку гроба положили Сашину гитару. Застучали по дереву, ударили по струнам мерзлые комья земли. И тихим стоном отозвались струны, зазвучав последний раз. Все. Кончено.

Так же молча потянулись люди по дороге к станции. За спиной оставалось огромное голое поле Ковалевского кладбища: ни одного дерева, ни одного креста. Низенькие прямоугольнички гранита, низенькие ограды - неметчина. Здесь начинает казаться, что весна - выдумка поэтов, что ее не бывает. Здесь особенно пронзительно выстреливает из памяти Сашина строка: "Я знаю, зима в роли моей вдовы..."

Весной, которая все же наступила, 27 мая, в Сашин день рождения, Костя, я, Коля Васин и его приятель приехали в Ковалево. Костя и Коля смастерили скамеечку, чтобы каждый, кто приходит к Саше, мог посидеть рядом с ним. На краю кладбища рос лес. Ребята выкопали в лесу березку и посадили ее возле могилы. Она и сейчас там растет. Сашины поклонники

всю ее увешали ленточками и колокольчиками. В ветреную погоду найти могилу нетрудно. По тоненькому звону этих колокольцев...

* * *

Эта трагедия на недолгий срок отодвинула все былые заботы. По сравнению с этой бедой все остальное стало казаться не то чтобы несерьезным, но словно потеряло остроту. Милиция, клеветник-корреспондент, ложь, грязь, мракобесие... Не хотелось обо всем этом думать. Тем более что наступила весна.

В начале марта Костя впервые спел "Шабаш". Эта песня посвящена памяти Саши Башлачева. Но это и песня о моем городе, прекрасном и зловещем, притягивающем, завораживающем, вдохновенном и больном. Мне казалось всегда, что почувствовать эту двойственность Петербурга может только тот, у кого не одно поколение предков родилось и умерло здесь. Я так думала, пока не услышала кинчевский "Шабаш". Я мало знаю произведений, в которых с такой болью, с такой любовью, с такой тоской и с такой надеждой говорится о моем родном городе. "Шабаш" - одна из лучших Костиных песен. Если не лучшая.

Тягучая, тоскливая, как завывания ночной вьюги на пустынной холодной питерской набережной, мелодия начинает ее. Но чем дальше, тем все более и более светло звучит музыка, расцветиваясь всеми цветами радуги, сверкая золотом питерских куполов, отливая синевой весеннего неба, мерцая призрачными красками белых ночей, вспыхивая красными всполохами рассветной зари.

Это песня-исповедь, песня-автобиография. Но и песня-биография многих и многих, кого в этом городе -

великом и ужасном - свела жизнь. Это песня-
провидение их судеб.

Со всей земли
из гнезд насиженных,
от Колымы
до моря Черного
слетались птицы на болото,
в место гиблое.
На кой туда вело -
Бог-леший ведает.
Но исстари
тянулись косяки
к гранитным рекам,
в небо-олово.
В трясину-хлябь
на крыльях солнце несли,
на черный день
лучей не прятали,
а жили жадно -
так, словно к рассвету расстрел.
Транжирили
руду непопадая,
любви ведро
делили с прорвою,
роднились с пиявками
и гнезда вили в петлях виселиц.
Ветрам
вверяли голову,
огню -
кресты нательные.
Легко ли быть послушником
в приходе ряженных?
Христос с тобой,
великий каверзник!
Стакан с тобой,

великий трезвенник!
Любовь с тобой,
великий пакостник!
Любовь с тобой!
Тянулись косяки
да жрали легкие,
от стен сырых
воняло жареным,
да белые снега сверкали кровью
солнцеприношения.
Да выли-скалились
собаки-нелюди,
да чавкала
зима-блокадница.
Так погреба сырые на свет-волю
отпускали весну.

Шабаш!

Солнце с рассвета в седле.
Кони храпят да жрут удила.
Пламя таится в угле,
Небу - костры, ветру - зола!
Песни под стон топора,
пляшет в огне чертополох!
Жги да гуляй до утра,
сей по земле переполах!
Рысью по трупам живых -
сбитых подков не терпит металл!
Пни, буреломы и рвы
да пьяной орды хищный оскал!
Памятью гибель красна!
Пей мою кровь, пей, не прекословь!
Мир тебе воля-весна!
Мир да любовь!
Мир да любовь!

Мир да любовь!

"Воля - весна" вступила в свои права. И с весной вернулось все то, о чем мы забыли на какое-то время, все то, что словно отступило, отодвинулось, перехлестнутое болью утраты.

* * *

Я не помню, какая погода была в то утро в середине марта. Точно не помню, но почему-то кажется, что день занимался серым и беспросветный. Потому, наверное, что когда мы сошли на перрон Варшавского вокзала, то удивились обилию серых шинелей. Они маячили почти у каждого вагона. Впрочем, удивились - громко сказано. Все были спросонья, вялые, заторможенные. Кажется, Петя Самойлов сказал, что будто бы ночью кого-то ограбили в поезде, поэтому и встречает поезд из Пскова "вся королевская рать". Все тупо покивали головами. Идиоты. И я в том числе. В кои веки столь демонстративно встречали железнодорожных воров, привлекали такие мощные силы для их задержания? Бред. Но тогда все хотели одного - под горячий душ, в постель - досыпать. Вышли из вокзала, и кто группками, кто в одиночку стали расползаться в разные стороны. Мы с Кинчевым встали на углу Измайловского проспекта и Обводного канала - ловить машины. Нам было ехать в одну сторону. Мне к Театральной, а Костя тогда жил на Васильевском острове.

- Слушай, а что ментов-то сколько было на перроне?
- спросил Костя.

- Может быть, и вправду, ловят какого-то особо опасного? - Я сказала это и почему-то вдруг начала нервничать. Оглянулась по сторонам. Недалеко от нас

вроде маячила серая фигура. Но я тут же себя мысленно одернула - перекресток, пешеходный переход, мало ли их бывает в таких местах. А вслух добавила: - Похоже, у нас развивается мания преследования. И вообще мы начинаем слишком серьезно относиться к ситуации. Они на многое способны, но не станут же поднимать все силы района на задержание Кинчева?

- Да, чего-то я... - он не договорил, потому что машина остановилась возле нас, и дядька, у которого уже с утра был вид безнадежно усталого человека, буркнул: "Куда?".

Мы поехали. И всю дорогу до моего дома посмеивались над собственной тревогой. Может быть, для того, чтобы шуточками эту самую тревогу заглушить.

Я вышла у арки нашего двора, а Костя поехал дальше, туда, где гостила у бабушки его жена Аня.

Горячий душ, горячий кофе - маленькие награды за ночь в холодном и как всегда грязном вагоне. И несмотря на кофе такой крепости, что, кажется, опусти в него ложку, она будет стоять, я все равно моментально засыпаю.

...И как мне показалось, тут же просыпаюсь, разбуженная настойчивым телефонным звонком. Первая мысль выдернуть из розетки телефонный шнур (надо сказать, эта мысль приходит каждый раз, когда звонит телефон). Но я сняла трубку. Звонила Костина жена:

- Нина, ты не знаешь, во сколько ребята вернутся из Пскова? - спросила она.

Если бы на меня в тот момент вылили ведро ледяной воды, я бы вздрогнула не так сильно. В сознании, перебивая друг друга, закрутились мысли: он не доехал... ей нельзя говорить, что они уже приехали... а не говорить - можно?... а который час?...

- А который час? - спросила я.

- Около часа дня, - ответила Аня.

Значит прошло уже почти четыре часа с тех пор, как мы вернулись. За это время можно было не только доехать от Театральной до Васильевского, но быть уже где-то на полпути к Москве. Я начала бормотать что-то невнятное, одновременно пытаюсь понять, что же могло случиться.

- Понимаешь, - продолжала Аня, - тут нас с бабушкой два дня донимает милиция. Говорят, что Костя должен к ним явиться. Я им объяснила, что он уехал...

- Ты сказала, куда?

- Да.

- А сказала, когда вернется?

- Я время возвращения точно не знала, но сказала, что сегодня.

Ах, Аня, Аня... Придется говорить. И я рассказала, что поезд пришел уже давно, что с Костей мы расстались в десяти минутах езды до ее дома,

- Значит, что-то случилось.

- Аня, ты только не волнуйся. Я попробую что-нибудь выяснить. Как только что-то узнаю, сразу тебе позвоню.

Справедливости ради заметим, что все-таки на сто процентов неожиданностью исчезновение Константина не стало. Была предыстория.

В начале марта ночью в квартиру директора "Алисы" Алика Тимошенко заявила милиция. Якобы по вызову соседей. В гостях у Алика был небезызвестный в рокерском мире Тропилло с какой-то барышней и Кинчев. Естественно, что-то пили. Но в меру. Естественно, Кинчев пел песни. Охранники порядка приходили дважды. В первый раз как-то обошлось. Тропилло потом уверял, что это его заслуга.

Не очень верю, ибо хорошо помню одну из его бессмертных острот: лучшее средство избежать

опасности - ноги. Впрочем, это не мешало ему время от времени назидательно цитировать булгаковскую мысль о том, что главный порок - трусость. Как бы там ни было, утром Кинчева таки уволокли в отделение. А поскольку идти он, естественно, не хотел, слегка придушили его ременной удавкой, дабы он на время потерял как бдительность, так и сознание. В милиции, чтобы "не баловал", привязали к стулу и отметили. Еще не один месяц после этого случая у него болели ребра. А синий рубец на шее долго напоминал о методах самой гуманной самой советской милиции. На этом не успокоились. Велено было явиться по повестке. Для разбирательства. День, указанный в повестке, не мешал быстро сгонять в Псков на короткую гастроль и к сроку вернуться в Питер.

Поэтому так странно было услышать от Ани, что два дня их донимали люди в серых шинелях. Все это навело на мысль, что первичную информацию о загадочном исчезновении Кинчева можно будет получить в том самом отделении милиции.

Я нашла в телефонном справочнике нужный номер и позвонила. Дежурный, которого я попросила ответить, не находится ли доктор Кинчев у них, нахамил мне и бросил трубку. Как было заставить его говорить со мной? И я вспомнила, что у Кости при себе были большие по тем временам деньги. Позвонила снова. Как лицо официальное, как представитель Дома самодеятельного творчества. Сказала, что ранее задерживавшийся ими музыкант Панфилов неожиданно исчез с большой суммой казенных денег, что он не доехал до дома. На том конце провода покряхтели. Ответили: звоните в районное управление, там знают все.

Во Фрунзенском УВД мне удалось узнать, что Панфилов Константин Евгеньевич был отправлен во Фрунзенский народный суд. В суде я долго не могла

доискаться концов. Но наконец услышала, что за мелкое хулиганство Панфилов осужден и доставлен в спецприемник УВД. В таком темпе выносили приговоры только революционные тройки в 1937 году.

В спецприемник мы приехали с Аней. На входе стоял здоровенный краснорожий бугай. Лет сорока. Типичный, так сказать, представитель. История с казенными деньгами не произвела на него никакого впечатления. На вопрос, здесь ли содержится Панфилов К.Е., он отвечать, мягко говоря, не хотел. Нас с Аней попросту стал выталкивать на улицу. Силы, понятное дело, были неравны. Да и представления о хороших манерах были у нас разные.

- Ща я вам устрою, ща вы рядом с ним сядете. Ща наряд вызову...

После утомительной и достаточно безобразной сцены мы поняли, что этот жлоб к контакту не способен, что, кроме начальника спецприемника на ул. Каляева, на вопросы никто отвечать не станет. А начальник, по-видимому, тем более. Потому что его просто не вычислить. Номер телефона сей важной персоны в телефонных справочниках отсутствует. И мы пошли в приемную УВД. Благо она рядом со спецприемником. В том самом, Очень Большом Доме.

Милый молодой человек (разве взгляд уж очень оловянный) заявил, что телефоном начальника СП не располагает.

- Что у вас за организация такая? Полный беспорядок! Даже телефонов ответственных лиц никто не знает! Для чего вы тут сидите?

- И вообще прием по личным вопросам в другие дни,
- отвечал милый молодой человек.

- А вот мы сейчас к прокурору города с заявлением, - сказала я. И пошли мы с Анной к выходу, понимая, что проиграли. Хотя, честно говоря, я никакого результата, кроме нулевого, не предвидела.

"Да, сильно ты его напугала городским прокурором", - с горечью и досадой говорила я сама себе, пока мы с Аней двигались к массивной входной двери. Я уже взялась за ручку, когда услышала за спиной:

- Подождите, - и оловянноглазый (или оловянноокий?) протянул мне клочок бумажки, на нем были написаны семь цифр. И ничего кроме. Мы сказали спасибо. Почему-то не стали спрашивать его, что это за цифры. Хотя уверенности, что это нужный нам телефон, не было. Но мы рискнули. Позвонили. Я все то же: казенные деньги, пропал, исчез, ах-ах, загадочно, таинственно, говорят, он у вас... Мои охи остановили фразой: "Перезвоните через полчаса".

Я перезвонила. Мне велели явиться в тот самый подъезд, с которого мы начинали. "Там для вас будет пропуск". Все еще не веря, мы пошли туда. Краснорожий жлоб, злобно сверкнув буркалами, пропустил меня и сдал на руки какому-то товарищу. Аня поехала домой - ждать новостей.

Теперь я могу признаться за давностью, что в эту минуту я испугалась по-настоящему. Так упорно добивалась встречи с этим самым начальником, а когда она стала реальностью, испугалась. "Сами рядом с ним сядете", - вспомнила угрозу краснорожего. Но, однако, шла. Передо мной открывали ключом какие-то двери, ворота, тут же на ключ закрывали их за спиной. И каждый раз с бешеной скоростью вниз, вниз падало сердце. И росла уверенность: обратного хода не будет. Смешно, читатель? Что ж, я человек своего времени. Я уже жила на свете, когда хоронили Сталина. Мы не то что с рождения - до зачатия пуганые.

Кабинет я не помню. Да и лицо товарища начальника спецприемника тоже не помню. Может быть, из-за липкого страха, может быть, лицо была незапоминающимся.

Но помню, что он был учтив. Что тон его был почти сердечен.

- Ведь это не мы осудили его, - ворковал товарищ начальник. - К нам привезли, мы обязаны принять.

- Как он себя чувствует? Нельзя ли ему встретиться с женой, она очень беспокоится. Или хотя бы мне позвольте убедиться в его здравии, чтобы успокоить жену.

- Свиданий у нас не дают даже с родственниками, - ответил товарищ начальник. - Но он пять минут назад был здесь. Вы почерк его знаете? - Да.

- Вот, прочитайте и убедитесь, что он жив и здоров, раз в состоянии был это написать. - И он протянул мне небольшой листок.

На листке было написано, что Панфилов К.Е. доверяет Барановской Нине Александровне получить его личные вещи и некую сумму денег. Почерк был точно Костин. Деньги мне выдали тут же. Отдали и сумку с его вещами. И за сим препроводили обратно на улицу.

Приехав домой, я первым делом отчиталась по телефону перед Аней "о проделанной работе". Потом позволила себе бестактность: открыла сумку, чтобы посмотреть, нет ли на Костиных вещах так называемых следов насилия. То есть попросту, не били ли они его? Но затея была напрасной. Его не переодели в робу с бубновым тузом на спине. В сумке были только концертные тряпки. Следующий шаг - поход в сберкасса, где на имя Панфилова К.Е. я открыла счет, положив на книжку все бывшие при нем деньги, выданные мне товарищем начальником.

Аня позвонила Владимиру Александровичу Ноткину, Костиному адвокату, все рассказала и спросила, что делать дальше. Он ответил: ждать. И мы стали ждать.

Правда, мне не давали покоя воспоминания о синем рубце на шее Кинчева, его рассказ о том, как

привязывают к стулу и бьют.

Алисовцы, Костины друзья - все были настроены мрачно. Все боялись, что с ним там будут обращаться... сами понимаете, как.

- А что, запросто могут почки отбить. Это ведь такая штука... - серьезно произносил Петр Сергеевич Самойлов, бас-гитарист "Алисы".

А что можно было сделать в такой ситуации? Практически ничего. Действительно только ждать. Правда, был номер телефона товарища начальника. И еще воспоминание о том, как Костю вытащили под белы рученьки из гостиницы "Прибалтийская" и как ночью мы с Колей Михайловым и Марьяной Цой приехали в шестидесятое отделение и дяденька милиционер, косясь на подоспевших на подмогу апээновцев, доверительно шептал кому-то в трубочку у нас тут пресса, понимаете ли, пресса у нас... тут...

Пресса, говоришь... И извлекла из сумочки телефон товарища начальника. И не стала его беспокоить. Я положила бумажку с номером перед собой. А звонить начала всем знакомым и не очень знакомым журналистам с единственной просьбой: по такому-то телефону поинтересоваться, как здоровье Панфилова К.Е. Чтобы там почувствовали, что гражданин Панфилов, он же Кинчев, находится под неусыпным вниманием общественности и средств массовой информации. И если с ним что случится, журналистская братия это так не оставит. Я не могу судить, это ли сработало. Не знаю. Но знаю, что Костю пальцем не тронули. Спасибо всем, кто откликнулся и принял участие. А таких людей, поверьте, было немало.

Итак, мы стали ждать. И вот через неделю утром раздался телефонный звонок:

- Нин, это Костя. Кинчев. Меня отпустили... Я у Рикошета... Щас к тебе приеду.

Он приехал. Мы пили чай. Первым делом рассказал, как его задержали.

На Большом проспекте машину, в которой он ехал, обогнала черная "Волга", резко развернулась, перегородила им дорогу. К ним подбежали мальчики в штатском, сунули в нос удостоверения, вытащили Кинчева из машины, заломили руки, пихнули в "Волгу". С обалдевшим лицом на все это смотрел несчастный частник. Похоже, решил, что подвозил по меньшей мере агента ЦРУ или крутого террориста-международника.

Так что версия Джорджа Гуницкого в статье "Дело Кинчева", опубликованной в "Рокси" и "333", не совсем верна. То есть совсем неверна. Джордж писал: "Дверь в подъезд он, правда, открыть успел". То-то и оно, что не успел. Ибо до подъезда Кинчеву добраться не удалось. Группа захвата сработала четко. "Опаснейший преступник", виновный лишь в том, что сочиняет песни и доводит их до сведения людей, был обезврежен вполне профессионально. Неправ Джордж и тогда, когда пишет: "на месте Кинчева может оказаться любой..." Нет, Джордж, не любой. В том-то и дело.

Узнав историю исчезновения, я стала расспрашивать, как было "там". Он рассказывал, что, конечно, "там" его приняли как своего.

- Со всеми бандитами закорешился...

Он вроде даже подружился с каким-то страшным человеком. Впрочем, это я, так говорю: страшным. У него был свой взгляд на этих людей и эти вещи.

- Я не боюсь в зону... мне все рассказали...

Его послушаешь, так все там было легко и просто. Другие за папиросу полы мыли. А его так угощали. Всех стригли наголо, а его, конечно, не посмели.

- А Алик там все в шапке ходил, чтобы не подстригли...

Я верю, все, что он говорил, - правда. Конечно, это не байки, не бравада, не позерство. Что-что, а свое

достоинство этот парень берег больше всего и отстаивать его умел. Любой ценой. Он все смеялся. А мне казалось, что горше стали складки у губ, больше боли на дне зрачков, больше серебряных ниток в его и так седой не по годам голове...

"Удивительно трагическая фигура", - вспомнилось мне высказывание одного моего приятеля, когда он впервые увидел Кинчева на сцене и услышал его песни...

А "удивительно трагическая фигура" в это время погибала пальцы:

- На настоящем унитазе посидел - раз; под душем постоял - два; настоящего чаю напился - три. Оттяжка!... Полный кайф...

Подошел к телефону, набрал номер:

- Ань, отпустили меня... да... еду уже... еду...

* * *

У меня сохранился первый экземпляр документа той поры. Вот этот документ:

Прокурору Фрунзенского района от
Панфилова Константина Евгеньевича,
проживающего: г. Москва, и т.д.

ЖАЛОБА

Постановлением народного судьи Фрунзенского районного суда от 14 марта 1988 г. я был признан виновным в совершении мелкого хулиганства и осужден на 7 суток ареста. Фамилию судьи я не могу назвать, так как она мне названа не была. Считаю постановление судьи совершенно незаконным, а потому прошу об его отмене, хотя 7 суток ареста я уже отбыл.

Суть дела такова: 6.03.88 г. я находился в гостях у Тимошенко А.Б. по адресу... Я являюсь руководителем группы "Алиса", Тимошенко А.Б. является администратором нашей группы. Вместе с нами находились бас-гитарист нашего ансамбля Самойлов П.С. и представитель фирмы "Мелодия" Тропилло А.В. Во время нахождения на квартире мы напевали песни для представителя фирмы "Мелодия" в связи с предстоящей записью на пластинку с 21 часа до 1 часа ночи. После того как мы закончили петь, около 1 часа ночи 7.03.88, прибыл наряд милиции и предложил, нам разойтись, так как мы якобы нарушали покой жильцов. Мы подчинились работникам милиции и вышли вместе с ними из квартиры. Поскольку времени был уже второй час ночи, а нам нужно было доставить по домам музыкальные инструменты, мы попытались поймать машину, но нам из-за позднего времени и отдаленности района это не удалось.

Спустя некоторое время мы решили вернуться обратно и остаться ночевать у Тимошенко А.Б.

Около 4 утра милиция явилась в квартиру повторно и стала требовать, чтобы Тимошенко поехал в отделение. Тимошенко не хотел идти, а милиционеры никаких документов не предъявляли.

Никого из работников милиции ни за одежду, ни за тело я не хватал, напротив, один из милиционеров применил ко мне удушающий прием, после чего я очнулся уже связанный и был босиком доставлен в отделение.

Утром 7.03.88 я был отпущен.

10.03.88 в 7 часов 30 мин. ко мне по месту жительства явился наряд милиции, и я был доставлен во фрунзенское РОВД, куда через некоторое время пришла народная судья Яковлева Т.И. Мы с Тимошенко А.Б. объяснили ей, как было дело, и просили вызвать свидетелей - очевидцев происшедшего, после чего она сказала, что разбирательство нашего дела откладывается на 23 марта и взяла у нас расписки о явке 23 марта. С разрешения судьи т. Яковлевой Т.И. я уехал на творческую встречу с рок-клубом г.Пскова до 14.03.88.

Когда же 14.03.88 г. я ехал с Варшавского вокзала на частной машине к себе домой, при подъезде к дому машина была остановлена. Меня вытащили из машины, скрутив руки, пересадили в другую машину и доставили во фрунзенское РОВД, где я и был осужден неизвестным мне судьей. При этом я просил судью вызвать свидетелей, вызов которых обещала мне судья Яковлева, спрашивал, почему же меня судят 14.03.88, в то время, как я дал расписку о явке 23.03.88, но со мной фактически не разговаривали, а допросив неизвестную мне гражданку, осудили на семь суток. Я прошу об отмене этого постановления, так как все это выглядит более чем странным по следующим основаниям:

1. Меня осудили не за то, что я действительно сделал.

2. При условии, что суд должен был состояться 23 марта, по неизвестным причинам он состоялся 14 марта.

3. Мне отказано было в вызове свидетелей, которых должны были вызвать по решению народного судьи товарища Яковлевой.

4. Для доставления меня в милицию была устроена засада. Меня караулил ночью на улице наряд милиции с машиной. Тем более непонятно, зачем это было нужно, когда в суде да и в милиции было известно, что я нахожусь в г. Пскове. Об этом было известно милиции от моей жены. К нам на квартиру в мое отсутствие дважды являлись работники милиции, и жена говорила им, что я приеду 14.03.88, при этом работники милиции оставили на мое имя повестку о моей явке в суд на 15.03.88.

Я могу объяснить все происшедшее со мной лишь тем, что милиция имеет какие-то особые счета с ансамблем "Алиса" и лично со мной. Ни чем иным нельзя объяснить эту операцию по захвату меня, срочному доставлению в милицию, отказе мне в вызове свидетелей и осуждению меня на семь суток ареста за мелкое хулиганство, которого я не совершал.

23. 03.88 г.

Подпись: Панфилов К.Е.

Я не оговорила: у меня сохранился именно первый экземпляр. По той простой причине, что документ этот не был отправлен. Не оформил Костя и акт медицинской экспертизы после избияния и применения "удушающего приема" в милиции. Почему?

- Слушай, надоело мне все это, - сказал тогда мне Костя. - Я-то знаю, что прав я. А все эти дразги... Да ну их...

* * *

Из событий того времени мне запомнились еще две истории, связанные с гастролями.

Гастроль номер один должна была состояться в городе Нижнем Новгороде, или, как он тогда назывался, - Горьком.

В Горьком стараниями местного рок-клуба проводился фестиваль. В качестве почетного гостя и участника ребята пригласили Костю Кинчева. Костя согласился охотно, хотя никакого гонорара не предвиделось. Клуб был без средств, существовал без всяких материальных подкреплений, на одном энтузиазме. Как в лучшую пору - ленинградский. Но Кинчеву тогда хотелось как можно больше выступать, потому что в тех обстоятельствах каждый концерт мог стать просто последним в жизни. Он это понимал и принимал любые предложения. Но его согласия было недостаточно. Ребята из Горького позвонили мне и попросили:

- Нина, нельзя ли как-нибудь так сделать, чтобы кто-нибудь из вашего горкома партии или комсомола поручился за Кинчева, а то наши комсюки артачатся и не разрешают нам Костю приглашать.

В то время все концертные программы принимались и утверждались в ленинградском рок-клубе художественными советами. В состав худсоветов входили в том числе и представители комсомола. В 1988 году горком представлял некто Леша Измайлов, как ни странно довольно симпатичный человек и несомненно лояльный к рокерам. Видимо, это была новая формация - комсомольцев-перестройщиков. Не знаю, где и чем занимается Леша теперь, но многие его собратья той поры теперь окопались в коммерческих структурах. В общем, я позвонила Леше, а он в свою очередь позвонил в горьковский горком комсомола. Он поручился за Кинчева. Хотя само это поручительство было плодом комсомольского бреда. Вроде, все уладилось. Но вот уже накануне фестиваля мне снова позвонили горьковчане и попросили связаться с Костей:

- Нина, нам очень стыдно, - говорил Гоша Крупин из горьковского клуба, - но наш обком комсомола на этот раз заявил, что если Кинчев только ступит на нижегородскую землю, то фестиваль вообще прикроют. Нам очень жаль, но...

Звоню Косте в Москву. Он снял трубку.

- Ты еще дома?

- Да вот уже в дверях в пальто стою, чтобы на вокзал ехать.

- Ох, Костя, не надо никуда ехать...

И вылетела в Горький на фестиваль той же ночью. И самое удивительное, когда пришла на первый концерт фестиваля, то услышала, как в ответ на неистовство зала, вопящего "где Кинчев?", "Кинчева на сцену", объявили, что Кинчев не смог приехать, так как ему не разрешил это совет Ленинградского рок-клуба! Вот так-то! А знаете, кто тогда входил в состав совета? Марьяна Цой, директор группы "Телевизор" Светлана Данилишина, лидер этой группы Миша Борзыкин, Андрей Тропилло, редактор самиздатовского журнала РИО Андрей Бурлака, директор "Алисы" Алик Тимошенко, художник "Алисы" Андрей Столыпин, Юрий Байдак и я. Как видите, главные запрещальщики!

Гастроль номер два состоялась. Это была поездка в Пермь акустическим составом, то есть: Константин Кинчев, Петр Самойлов, Андрей Шаталин. С этой поездкой связано много всяких моментов - и грустных, и смешных, и нелепых.

Принимали нас в Перми замечательные ребята. Они устроили нас на жительство в деревенский дом километрах в тридцати от города. Так было безопаснее. К тому же в доме была настоящая русская баня.

Хлебосольства наших пермских друзей не знало предела. Что имело и свои отрицательные стороны... Так, например, замечательную пермскую деревянную скульптуру я отправилась смотреть одна - наши

гостеприимные хозяева каждый вечер приволакивали ящик (!!!) - я не преувеличиваю - водки и пили "по-уральски", к чему призывали и гостей. Гости, впрочем, не сопротивлялись. "По-уральски" - это из больших чайных чашек и залпом. Самое ужасное воспоминание - это наш отлет, когда я пыталась провести, или, скорее, пронести мимо милицейского поста в аэропорту, двух раненых бойцов - Кинчева и Шаталина, держа обоих под руки и стараясь придать им в меру слабых моих сил вертикальное положение.

На Петю у меня третьей руки не было. Но он и выглядел бодрее других. Во всяком случае, довольно ровно передвигался и даже произносил осмысленные фразы. Кинчев с Шаталиным дар человеческой речи к моменту отлета утратили. Я спросила Петю:

- Ты в порядке? Ты сможешь сесть в самолет без посторонней помощи?

- Нина, вы напрасно волнуетесь. Я абсолютно трезв. То есть не абсолютно, но ведь это с какой стороны посмотреть... Это ведь такая штука...

Он меня почти успокоил. Он пошел через один турникет, мы через другой. Нас попросили расстегнуть гитарные чехлы. Это было спустя недолгое время после истории с братьями Овечкиными, когда под видом музыкальных инструментов братья пронесли на борт авиалайнера оружие. Держа одной рукой Шаталина, прижимая к турникету плечом Кинчева, чтобы он не упал, пока я расстегиваю высвобожденной второй рукой гитарный чехол, мне как-то удалось справиться с этой нелегкой задачей. В чехле оружия не было. Но была заткнутая пробкой, скрученной из газеты, початая бутылка водки. "Вот сволочи!" - подумала я. Милиционер очень сурово на меня посмотрел. "Немедленно вылейте!" - сказал он. "Но-о-о..." - робко начала я. Мне не водки было жалко. Я боялась отпустить Шаталина и Кинчева. "Вылейте сейчас же", -

настаивал милиционер. Я на секунду отпустила руки, почти бегом метнулась к близстоящей урне, бросила в нее бутылку водки. Кинчев и Шаталин пока еще стояли. Но тенденция к потере вертикали уже обозначилась. Я, было, метнулась назад, к своим несчастным товарищам, но суровый милиционер остановил меня.

- Я сказал, вылейте!

"Мать твою...", - подумала я. Вытащила бутылку, вылила ее содержимое в урну. Подхватила раненых бойцов. Они устояли. Слава Богу. И вот когда мы втроем уже миновали все кордоны, я обернулась и увидела, что Петю милиционер пытается задержать. Сердце мое дрогнуло. Заминка продолжалась несколько минут. Потом Петю пропустили.

- Что случилось? - спросила я, когда он подошел к нам.

- Этот мент сказал мне: парень, ты в самолет не пойдешь. Я тебя не пущу, потому что тебе там будет плохо.

- Конечно будет, - ответил ему я. - Но это мне будет плохо, а не кому-то еще. Не вам, например. Да и как мне не будет плохо, если всю ночь я пил водку. Мне просто должно быть плохо. Мент вытаращил глаза. Сраженный моей логикой, он меня пропустил...

Но не этими обстоятельствами, в первую очередь, памятна мне Пермь. А тем, что там я воочию увидела, как трудно порой достучаться, докричаться до чужой души. Даже если ты понимаешь людскую беду и хочешь помочь.

...Шел последний концерт из четырех, запланированных в Перми. И вот в разгар, так сказать, выступления на сцену пошли люди. Молодые парни с суровыми лицами. Я стояла в кулисах и увидела, что все они встали за спиной Кинчева (а было их человек пятнадцать-двадцать). Он как ни в чем не бывало продолжал петь. Тогда они отодвинули от него

микрофон. На их лицах был гнев. За своей спиной я услышала, как кто-то сказал: "Афганцы, Клуб "Саланг". Беда-а..." Я вышла на сцену, подошла к этим парням.

- В чем дело, ребята?

- Пускай он убирается со сцены. Он не смеет петь такое про афганцев...

- Разве на сцене выясняют отношения? Посмотрите в зал. Он битком набит. Почти тысяча человек... Люди заплатили за билет, пришли сюда слушать. Не лишайте их этого права. Если вам есть что сказать, хотите в чем-то разобраться, приходите после концерта в примерку, поговорим.

Они согласились. Молча, с такими же суровыми лицами спустились в зал и сели на свои места.

Когда Костя закончил выступление, я сказала ему о предполагаемом визите.

- Ну, че, поговорим... - ответил он.

Они пришли. Ими предводительствовал совершенно слепой парень с изуродованным лицом - председатель их клуба. Их возмутила "Новая кровь". Те слова, где говорится:

Кто-то прошел через Афганистан, у него обнаружен СПИД...

Они не понимали - не хотели понимать, что речь идет о страшных каверзах судьбы, когда человек может избежать гибели на войне, а потом уже дома, в мирное время погибнуть от любой случайности, от того же СПИДа, например... Тогда еще не было известно, что эта беда ходит за каждым из нас по пятам, потому что медицина наша самая бесплатная в мире. Еще не было сообщений о массовом заражении детей в Элисте и Волгограде из-за использования не стерильных шприцев. И парни восприняли слова песни на какой-то

свой лад. У них была своя трактовка этих безобидных строчек, такая, которую никто из нас и предполагать не мог:

- Да если бы я в Афгане переспал с местной женщиной, с мусульманкой, - орал один из них, - меня сразу расстреляли бы!

- Да разве об этом речь? - пытался объяснить Костя. Но его не слушали.

- Вот ты поешь в другой песне: "оккупантом не может быть партизан". Это была честная война...

- Честная война - это война за свою землю на своей земле, - спокойно ответил Костя.

- А если бы туда тебя послали?

- А я бы туда не пошел. Не знаю- что сделал бы, но не пошел, - сказал Кинчев.

- Вы знаете, ребята, - обратилась к ним я, - моему сыну семнадцать. И я заранее с ужасом думаю о предстоящей службе в армии. Потому что он может оказаться и в Афгане. И также, как тысячи матерей, потерявших своих детей или увидевших их после разлуки инвалидами, как некоторые из вас, я не могу к этой войне относиться "с пониманием".

- Если ваш сын попадет в Афган, вы должны быть счастливы, - с вызовом ответил мне один из парней. - Там он станет настоящим мужчиной...

- Если останется в живых, - продолжил его речь Костя.

Мы говорили долго. Многие из них кричали. Не все. Кинчев отвечал ровно и спокойно. И очень убежденно. Говорил о том, что они - жертвы, и надо судить тех, кто их туда, в Афган, послал. О том, что понимает, почему они так хотят верить в справедливость этой войны, потому что, если эту веру утратить, то тогда совсем страшно будет жить. И под конец что-то изменилось в атмосфере. Так нам казалось. Они ушли, и, уходя, многие из них по очереди подходили и пожимали Косте

руку. Когда за ними закрылась дверь, мы вздохнули с облегчением. Как после трудного экзамена. Мы думали, что все друг друга поняли, что мы нашли общий язык, что они почувствовали нашу боль за пережитые ими страдания.

Мы вышли на улицу. Хотя был самый конец марта, но в Перми еще всюду лежал снег.

В свете вечерних фонарей он казался белым-белым. Было морозно. Мы огляделись, ища глазами рафик, на котором нас отвозили после концертов "домой", за город. Рафика не было видно. К нам подошел наш пермский друг, Сережа Кущенко:

- Ребята, вы не волнуйтесь, сейчас мы такси поймаем.

- А что случилось? - спросила я.

- Афганцы наш рафик угнали.

- Зачем?

- Чтобы вы не могли добраться до места... Наверное, для этого, - отвечал наш друг. - Надо торопиться, а то как бы еще милицию не науськали...

Вот такое взаимопонимание...

Такси они нам нашли, хотя это было непросто - уговорить шоферов на ночь глядя ехать в пригород. Предполагаю, что замечательные эти ребята выложили все свои деньги, чтобы не оставлять нас на морозе на улице ночью одних.

Мы приехали в теплый деревенский дом, где уже была натоплена баня, накрыт стол, где нас встретили дружелюбные радостные лица. Только увидев их, я почувствовала, что озноб, который бил меня с той минуты, как ребята-афганцы появились на сцене, стал проходить.

За столом мы снова и снова возвращались к пережитой ситуации.

- Как же они так могли, с автобусом... - не могла успокоиться я. - Ведь понимали, что в чужом городе,

ночью нам придется нелегко...

- А мне их очень жалко, - сказал Костя. - Очень...

И я видела, что он не кривит душой, что говорит это искренне, что ни раздражения, ни обиды нет у него на сердце...

* * *

Как известно, эта долгая война за свое достоинство, длившаяся без считанных дней год, для Кости закончилась более или менее благополучно. Так принято считать. Но рука не подымается написать, что закончилась она Костиной победой. Потому что опровержение, опубликованное газетой "Смена", "опровергало" далеко не все измышления корреспондента Кокосова. "Смена" признала, что слова "хайль Гитлер" никто не произносил. Но за всю остальную неправду и грязь, вылитую на Костю, никто извинений не принес. Уголовное дело о злом хулиганстве было закрыто. Но не потому, что милиция и прокуратура признали рапорта, состряпанные милиционерами, якобы "избитыми" Кинчевым, чистейшим вымыслом. Дело закрыли потому, что за Костю "поручился" Ленинградский рок-клуб. Это было бы смешно, если бы не было так нелепо. А ведь что вменялось в вину "артисту Кинчеву"? Когда не удалось доказать, что он "избил" двух стражей порядка - ведь инцидент происходил на глазах у сотни людей, - то как криминал стали расценивать высказывания со сцены о том, что перестройка и гласность у нас только на словах, а также посвящение песни "иностранным гостям, ментам и прочим гадам". Господи! Спустя год-два после этих событий можно было по стране открывать сотни уголовных дел, если считать подобные основания серьезными: после каждого съезда народных

депутатов, после каждого митинга, после выхода в свет почти каждого номера почти каждой газеты. Ибо высказываний покруче кинчевских было произнесено столько!... А взять хотя бы конкурс, объявленный питерской Телепрограммой "Десятка" на лучшую расшифровку слова "мент"!... Нет, это я не сажать всех призываю. Это я о глупости основания для возбуждения уголовного дела об сильно злостном хулиганстве Константина Евгеньевича Панфилова (сценический псевдоним Кинчев).

Но даже перечисленные моменты не позволяют считать завершение этой теперь уже давней истории победой Кинчева.

* * *

...В июне 1988 года проходил VI ленинградский рок-фестиваль. Сценической площадкой стал Зимний стадион. После концерта "Алисы" немногочисленной компанией отправились в гости к Рикошету - лидеру "Объекта насмешек". Был вечер как вечер. Все как всегда. Когда я, уже за полночь, собралась домой, Костя вышел меня проводить. Мы стояли на пустынной улице, курили, ища глазами какую-нибудь машину. И вдруг он сказал:

- Помнишь, ты меня как-то спрашивала, не страшно ли мне, что все, кто меня окружает, так любят меня? Что за это однажды придется платить?

- Помню. Ты еще ответил, что тебе совсем не страшно, что тебе это в кайф...

- Я теперь понял, что ты хотела тогда сказать... Это, и правда, страшно...

Он жадно, словно это его последняя сигарета, затянулся. Усмехнулся вдруг. Но не весело.

- От меня, Нина, Бог отступился... Я раньше чувствовал, что он со мной... А теперь...

- Это только мы можем от него отойти. А он не отступает. Он с тобой...

- Отступился от меня Бог, Нина... Я писать не могу... Не пишутся песни...

- Это бывает. Ты просто устал. Это пройдет.

Он не ответил. Только улыбнулся и покачал головой...

Вот это и был, по-моему, главный итог "дела Кинчева". Шли дни. В его жизни происходили разные события. И хорошие и не очень. На людях он как всегда был ровен и почти беззаботен. Но я знаю, что в тот "год молчания" он страшно мучился. Он боялся, что дар слова уже никогда не вернется к нему.

Отживающая агонизирующая система пыталась его сломать, подвести под общий ранжир, указать ему "его место". Он не согнулся, не стал оправдываться, как это не раз случалось в истории нашей культуры последних десятилетий с людьми творящими. Он не стал холуем, не стал даже сколько-нибудь послушным. Все силы он положил на то, чтобы выстоять. И при этом еще казаться бодрым и веселым. Почти беззаботным. Все силы... И на песни сил уже не осталось. Он молчал год. Вы скажете, мало? Но год... Это одна семнадцатая жизни Нади Рушевой, одна двадцать седьмая жизни Лермонтова, одна сорок вторая жизни Высоцкого, одна тридцать третья жизни Иисуса Христа... Год жизни - это очень много. Сколько можно сделать за год! Сколько написал Кинчев за одну осень 1987-го?!

Но я знала, что тоска его, хотя и понятна, но напрасна. Я знала, что наступит день и родится новая песня. А за ней другая. И еще, и еще... Потому что есть люди, для которых творить то же, что и дышать...

И день настал. Телефон мой взорвался звонком. Междугородняя... Слышно было неважнецки. Но сквозь

хрипы и шипение я все же расслышала Костин голос. Он читал мне по телефону текст новой песни:

Эй! Слушай мой рассказ!
Верь голосам в себе.
Сон не схоронил, а крест не спас
Тех, кто прожил в стороне...

- Ну, как тебе? - конечно же спросил он. Я ответила - как. Мне понравилась его новая песня.

- Ну, это, конечно, без музыки, сама понимаешь. С музыкой круто...

Мы поговорили о том, как это будет звучать с музыкой, и еще о чем-то, о детях, делах... Когда, наконец попрощались и я положила трубку, то подумала: ну, вот, теперь и вправду закончилось это самое "дело Кинчева". Теперь и вправду можно сказать - ничего-то им с ним не сделать, ничего!

* * *

Как мы любим дробить время - и то, в котором жили наши предшественники, и то, в котором живем сами. Эры делим на века, века на десятилетия... Наверное, мы делаем это не только "для удобства". Когда мы сегодня говорим о литературе "шестидесятников", то подразумеваем весьма конкретные вещи. То же самое с музыкой. Рок конца шестидесятых и рок начала девяностых это "две большие разницы". Кроме того, на рубеже десятилетий принято либо подводить итоги, либо делать прогнозы. В начале 1990 года - на пороге нового десятилетия, последнего десятилетия нашего века, - в "Российской музыкальной газете" был опубликован подобный прогноз. Предсказывать

будущее взялся известный в ленинградском рок-клубе Миша Шишков, представитель среды, которую называют "околомузыкальной", а говоря проще - "тусовкой". Но в "Российской музыкальной газете" он был представлен как "независимый журналист" и назван почему-то Александром. Вот что он писал:

"На данном этапе "Аквариум", "Алиса", "Кино", "ДДТ" - идеологические банкроты. Пока народ на них ходит. И ажиотаж будет все раздуваться и раздуваться, потому что это, видимо, кому-то выгодно... ("Это кому-то выгодно..." - узнаете из чьего лексикона фразочка? - Н.Б.) Борис Гребенщиков напишет еще кучу песен и напоследок совершит переход из христианства в дзен-буддизм, Юра Шевчук провозгласит очередную революцию, Витя Цой будет кумиром молодежи чуть помладше 14-ти, Костя Кинчев тоже не в лучшем состоянии: напоследок орущие толпы, напоследок - "красное на черном". Сказать им всем нечего!..."

Вот такой прогноз.

Начинался последний год в жизни Цоя. Еще впереди был "Черный альбом" группы "Кино". Еще впереди был нескончаемый поток людской к Богословскому кладбищу в Питере. В этом потоке можно было увидеть и тех, кто чуть младше четырнадцати, и тех, кому за 20, за 30, за 50...

Боб, который сказал к тому моменту уже столько и столь значимое, что имел право на прижизненный памятник и пожизненное молчание, экспериментировал с собственной судьбой в Америке. Юрка Шевчук с телеэкрана выхаркивал кровавые сгустки своей любви-боли в Родине-уродине. А Костя Кинчев только что

вернулся тогда из Америки, куда ездил по приглашению Джоанны Стингрей.

"Идеологический банкрот", которому, по утверждению Шишкова, "нечего сказать", позвонил из Москвы сразу после своего возвращения. Это было через неделю после того, как я прочитала о его незавидном будущем в "Российской музыкальной газете".

- Нин, привет, Костя Кинчев... Я вернулся... Слушай, ты знаешь кто такой Найман?

- Найман? Анатолий?

- Кажется, Анатолий.

- Да, знаю. Он недавно замечательные воспоминания об Ахматовой опубликовал... В молодости с ней работал над переводами итальянских поэтов.

- Да, я теперь тоже знаю...

- А почему ты спрашиваешь?

- Как считаешь, он в поэзии человек компетентный? Его мнение что-нибудь значит?

- Для меня - да. Он человек, несомненно, одаренный и хорошо чувствующий настоящую поэзию. А в чем дело-то?

- Он в Америке сказал: "Кинчев один из самых интересных современных русских поэтов..." Во!

- Батюшки-светы! А ты и поверил?

- Ну! - И мы вместе расхохотались.

Смех смехом, но я действительно считаю Константина Евгеньевича Панфилова-Кинчева одним из самых интересных современных русских поэтов. И здесь абсолютно согласна с Анатолием Найманом. При всей своей небрежности, некоторой торопливости, что ли, когда желание высказаться обгоняет нарождающееся слово, при некоторой склонности к "учительству" Кинчев все-таки поэт, каких немного. Я помню у Катаева рассказ о том, как в молодые годы они устраивали шуточные соревнования с Юрием Олешей,

кто придумает лучшую метафору. Они сравнивали все со всем. Например, осень с цыганкой в цветастой шелковой юбке. Ну и тому подобное. Я думаю, что Кинчев выиграл бы в этой части любое соревнование. Если бы он жил в начале, а не в конце века, имажинисты охотно вписали бы его в свой круг. Иногда мне даже кажется, что он уж слишком "перегружает" свои вещи, создавая удивительные "кружева", нанизывая образы один на другой.

Смирное время, смирные дни,
Боль и радость почистили зубы и спят,
Звук, которым когда-то был крик,
В рот набрал воды и прикусил язык.
Ржавчина выжженных звезд
Отражает промежутки сомнительных лет,
Плесень несет свой пост,
Прикрывая покрытый коростой погост,
Волчья ягода, черная кровь,
Немое темноводье водит тени по дну,
Языки публичных костров
Лижут лица. Эй, начальник, покорных в ров!
Пот напомаженных туш,
Жирные рты плетут слюной кружева,
Зверь лакает из луж
Души тех, кто принял печать.
Маэстро, туш!

Мой читатель, особенно если ему "чуть меньше четырнадцати", наверное, упрекнет меня: мол, что вы все "поэт" да "поэт", когда он рокер! И так, и не так. Да, и Цоя, и Гребенщикова, и Шевчука, и Кинчева, и Макаревича, и Ревякина называют рок-музыкантами. И это правда. Однажды они выбрали этот путь и с него не сворачивали. Выбрали, может быть, потому как раз, что

в 70-80-х годах весь пыл и гнев идеологов от культуры был обращен в первую очередь против рок-музыки.

Причисление себя к едва ли не самому гонимому жанру в искусстве означало сознательный выбор судьбы нелегкой, тропы тернистой. Но честность и добро никогда не ходили по гладким, укатанным дорогам. Все это так.

Но давайте поразмыслим, какие группы не только становились, но и надолго оставались популярными? К каким авторам интерес не иссякает? А к тем авторам, для которых слово - это не вспомогательный материал при создании песни, для которых текст - это не "рыба", а стержень всего произведения. То, что делают на сцене эти авторы, включает в себя много составляющих. Рок-музыка - жанр синтетический. Я бы даже сказала, синкретический, где составляющие нерасчленимы. Песня группы "Алиса", скажем, - это и текст, отмеченный поэтическими удачами, это и адекватная ему музыка с все более сложной (во времени) драматургией, это и сценическое движение всех участников группы, и танец лидера, и костюмы (особенно, тщательно продуманный костюм Кинчева), это и работа светооператора, и задник с алисовской символикой, созданный художником группы. Уберите хотя бы одну из составляющих, и песни, несомненно, многое потеряют. Песни хороши и сами по себе, под акустическую гитару. Но в таком варианте они и есть - песни Кинчева. На сцене же, когда включаются все составляющие, это уже не просто Костины песни - это музыкально-поэтический театр, называемый словом "Алиса".

С другой стороны, оставьте все: актерские способности членов группы и особенно лидера, интересные аранжировки, индивидуальный стиль художника-сценографа, сценическое движение, танец. Уберите только поэзию, уничтожьте слово. Театр

останется. И, возможно, неплохой театр. Но главное уйдет. То, ради чего все и делается, то, о чем говорил Кинчев в своем интервью приморскому радио - возможность "слово... донести, которое через меня идет"...

Помню, Дима Ревякин, лидер "Калинова моста", на вопрос, что для него главное в работе над песней, отвечал: "Конечно, слово". В конце 70-х годов Борис Гребенщиков, рассказывая о творчестве своей группы, сказал: "Поэт - это радиоприемник, который улавливает сигналы, идущие свыше". Он сказал именно "поэт", а не музыкант, рок-музыкант, рокер и т.п.

Я уверена, что наиболее популярные, "серьезные" наши рок-музыканты само слово "рок" воспринимают вовсе не в его англоязычной ипостаси, не просто как составную часть английского рок-энд-ролл, а именно в русской его семантике: рок - участь - судьба - доля. Причем непременно судьба с эпитетами невеселыми: злой рок, тяжкий рок, злая, лихая, трагическая судьба...

Давая интервью французской телекомпании "Антенн-2", Кинчев говорил:

- Рок? Что это такое? Ну... Рок - он завис над Россией и... висит...

Для него рок-музыка и рок - трагическая судьба его Родины - вполне синонимичны.

В такой стране, как наша, если можно так выразиться, наихристианнейшей до 1917 года, отношение к слову было тоже по Писанию:

"В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было вначале у Бога. Все через него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его"...

Российская народная мудрость гласит: "слово - серебро, молчание - золото". И вот в пору своего взлета

Борис Гребенщиков написал, может быть, лучшую свою песню - "Серебро Господа моего". Молчание-золото - избранный удел подвижников. Слово-серебро - избранный удел поэтов.

Почти пять лет тому назад в журнале "Знание-сила" появилась статья одного из самых интересных, на мой взгляд рок-журналистов - Ильи Смирнова. Называлась она "фольклор новый и старый". И не могу сказать, что все взгляды Ильи мне близки. Как раз наоборот: я во многом с ним несогласна. Но я так характеризую его, потому что его статьи всегда талантливо, искренни, эмоциональны, хотя и не в меру категоричны. В статье, посвященной фольклору, он пишет:

"Интересно, что наша новая волна породила самобытный национальный рок как бы против собственной воли: подражая волне англосаксонской, она, естественно, перенимала и ее эстетику, а вместе с новой эстетикой в песни входил и новый герой - человек с улицы, с улицы ленинградской, московской, потом уфимской или архангельской, но никак не лондонской".

Илья Смирнов был одним из первых, кто обратил внимание на это обстоятельство. Но мне кажется, он был неправ, думая, что именно новая волна могла повернуть отечественный рок на путь самобытности. На путь трансформации заимствованной с Запада рок-музыки в духе национальной традиции некоторые наши рок-группы встали не потому, что "волна несла с собой реализм, оптимизм и энергию", как полагал Илья Смирнов. Да и найдем ли мы среди наших "корифеев" представителей "чистого" стиля? Музыка "Аквариума", "ДДТ", "Машины времени", "Алисы" включает в себя элементы самых разнообразных стилей, направлений. Ошибка Ильи была в самой сути. Ведь он полагал, что "...в роке на первом месте стояла музыка - язык интернациональный, не требующий перевода, а у бардов - несомненно текст. И, наконец если рок-

музыканты подчеркивали свою принадлежность к международной моде, обращаясь явно к молодежи, то барды опирались на национальную традицию".

Повторяю, эта статья вышла в свет почти пять лет тому назад. И как же я порадовалась, когда в еженедельнике "Россия" весной 1992 года я прочитала высказывание того же Ильи: "Отечественный рок 80-х в равной мере может считаться продолжением рок-н-рольной и бардовской традиции. Его ключевая фигура - ПОЭТ С ГИТАРОЙ..."

Слова "ПОЭТ С ГИТАРОЙ" выделены не мной - Ильей Смирновым. Молодец, Илья! Да и мог ли он не прийти с годами к этому выводу? Чай, российский человек.

Несколько лет назад меня пригласили в одну из ленинградских школ рассказать о нашей питерской рок-музыке. Это было тогда, когда впервые с большим успехом выступила группа "Ноль", и все заговорили о том, что наконец-то у нас появилась "самобытная национальная рок-музыка". Так вот еще в ту пору, рассказывая школьникам о разных группах, я, помнится, как раз и сравнивала "Ноль" и "Алису". И пыталась доказать старшеклассникам, что рок-н-ролл, наяриваемый на баяне, еще не есть национальный и самобытный вариант рок-музыки. Кинчев, с его нововолновой в ту пору прической, использовавший исключительно электроинструменты, в своих песнях "Стерх", "Сумерки", "Движение вспять", "Красное на черном", "Солнце встает" уже был гораздо ближе к национальной традиции, чем громкоголосый дядя Федор с его баяном. Время только подтвердило мой тогдашний вывод.

Однажды Кинчев стряхнул с себя как наваждение "свою принадлежность к международной моде" и поверил "голосам в себе". Эти голоса нашептали ему, что "Христос Слово понес, так вот его несут и несут все после него..." И не просто слова, а именно Слово, "дар

русской речи", по определению Саши Башлачева, стало в какой-то момент для Кости как для художника определяющим. И это Слово потянуло за собой естественным образом трансформацию всех других составляющих. Изменилась и музыка, и пластика. В одном из интервью (газете "Красная звезда" г. Приозерска) корреспондент отмечает:

- В твоей музыке все явственнее звучат мотивы русской народной музыки. (Простим интервьюеру стиль. - Н.Б.)

- Было бы странно, если бы в ней звучали австралийские или там африканские мелодии.

И тем не менее, нам не странно, когда в музыке "Аквариума" звучат голоса древних кельтов. Каждый верит своим "голосам в себе". Голоса, которым верит Кинчев, - это голоса древней раннехристианской, а порой и дохристианской Руси.

Культ Солнца, который присутствует, начиная с альбома "БлокАда", во всех последующих программах Кинчева, - один из древнейших культов человечества. В "Слове о полку Игореве" автор называет русичей Дажьбожьими внуками, то есть прямыми потомками Солнца.

Во многих языческих религиях обиталище душ умерших как правило находилось под землей. "Рай русских, обиталище душ умерших,... находился не под землей, а где-то высоко-высоко.

Рай (сирий, вырий) - чудесный сад, находящийся где-то в далекой солнечной стороне. Владимир Мономах, говоря о появлении перелетных птиц, прибывающих из теплых южных земель, пишет: сему ся подивуемы како птица небесная из ирья идуть..." (Б.А. Рыбаков. Язычество древних славян. М, стр. 275-276).

Исследователи наших древних литературных памятников часто отмечают их мировоззренческую особенность: двоеверие. Но двоеверие живо и ныне,

хотя бы в сохранившихся обрядах - печь блины на масленицу, красить яйца в Пасху. Оно сидит в наших душах гораздо глубже, чем мы можем предполагать. И творчество Кинчева, где переплетаются мотивы христианской любви, языческого культа Солнца, стригольнической ереси и бездна много другого, - образец неосознанного двоеверия, этого мировоззренческого реликта, дожившего до наших дней. Поэтому, видимо, с таким удовольствием Костя в интервью газете "Аргументы и факты" говорит о том, что группа "Алиса" кощунствует, исполняя свои песни. И в этом нет никакого стремления "кощунствовать" в сегодняшнем понимании этого слова. Просто он знает истинный, первоначальный смысл слова "кощуна" и с удовольствием использует его в своем лексиконе.

"Жрецы-кудесники, волхвы, дожившие до позднего средневековья... были, по всей вероятности, хранителями древних "кощун", сказителями далеких мифов" (Б.А. Рыбаков, указ. соч., стр. 528).

И даже с цветовой символикой "Алисы" все не так просто. В интервью журналу "Рокси" за 1988 г. есть такой фрагмент:

"Корр.: - Красное на черном. Просто цветосочетание?"

Кинчев: - Это, скорее, отражение того, что происходит вокруг нас. В мире настолько мало белого цвета (подчеркнуто мною. - Н.Б.), что мы не вправе взять его за основу. Может быть, когда-нибудь, мы к этому придем".

В этом высказывании Кости сквозит неосознанная надежда, потаенное тяготение к белому цвету, которого, по его утверждению, "в мире настолько мало" и который именно поэтому так необходим. Но вот что пишет И. Клейн в статье "Донец и Стикс", помещенной в сборнике "Культурное наследие Древней Руси": "...слова "красный" и "белый" некогда были синонимичны". И

ссылается при этом на работу А.А. Потебни "О некоторых символах в славянской народной поэзии": "белый" не всегда служило тому понятию, которое мы под ним разумеем; у Зизания слово багряница толкуется словом бѣль; кажется, что и известный зверек назван белкою не потому, что в северных сторонах цвет его приближается к белому, а потому, что цвета красный-рыжий-белый тождественны по основному представлению".

В упомянутой статье И. Смирнова "Фольклор новый и старый" приводится высказывание Юры Шевчука: "Чтобы писать хорошие песни, недостаточно смотреть видеоманитофоны и слушать диски. Нужно читать Соловьева и Ключевского".

Юра прав. Надо. Но этого недостаточно. Нужно еще уметь слышать древние, едва различимые голоса прошедших эпох. Это мало кому удастся. "Много званных, но мало избранных". Кинчев эти голоса слышит. Благодаря его песням, через его посредство слышим их и мы.

Я помню, давно, еще в эпоху неусыпного бдения идеологических работников на рок-концертах, одна дама (теперь уж и забыла, откуда она была - то ли из обкома, то ли из райкома), глядя на Кинчева на сцене, сказала: "Да он просто юродивый!" Тогда я в глубине души возмутилась. Не подумав. Потому что на этот раз партийная дама попала в точку. В 1990 г. в приложении к газете "Литератор" под названием "Азъ" вышла замечательная работа Александра Панченко "Юродивые на Руси". Думая, что оскорбляет Кинчева, дама из КПСС только подчеркнула его неосознанное стремление быть верным культурной традиции. Судите сами. Вот что пишет Панченко:

"В житейском представлении юродство непременно связано с душевным и телесным

убожеством. Юродивый с точки зрения пресловутого здравого смысла обыкновенный дурачок. Это заблуждение, о чем не уставало твердить православное богословие. Святой Дмитрий Ростовский в своих Четьях Минеях (они были настольной книгой многих поколений русских интеллигентов - от Ломоносова до Льва Толстого) поясняет, что юродство - "самоизвольное мученичество", маска, скрывающая добродетель".

"Активная сторона юродства заключается в обязанности "ругаться миру", обличая грехи сильных и слабых и не обращая внимания на общественные приличия. Более того: презрение к общественным приличиям составляет нечто вроде привилегии и неременного условия юродства".

"Юродивый - главное, но не единственное лицо представления, которое разыгрывается на площадях и улицах древнерусских городов. Юродивому нужен зритель, которому предназначена активная роль. Ведь юродивый не только актер, но и режиссер. Он руководит толпой и превращает ее в марионетку, в некое подобие коллективного персонажа. Толпа из наблюдателя становится участником действия, реагирует непосредственно и страстно. Так рождается своеобразная игра" (подчеркнуто мною. - Н.Б.).

"...юродивый... осуждает не пороки общественного устройства, а проступки против христианской морали, против Десятословия и Нагорной проповеди, не порядки, а лица..."

"Юродивые многое заимствуют из фольклора, - ведь они плоть от плоти народной культуры. Присущая им парадоксальность свойственна также персонажам сказок о дураках. Иван-дурак похож на юродивого тем, что он - самый умный из сказочных героев, а также тем, что мудрость его прикровенна. Если в начальных эпизодах сказки его противостояние миру выглядит как конфликт глупости и здравого смысла, то с течением сюжета выясняется, что глупость эта притворная или мнимая, а здравый смысл сродни плоскости или подлости. Отмечалось, что Иван-дурак - светская параллель юродивого Христа-ради... Отмечалось также, что Иван-дурак, которому всегда суждена победа, не имеет аналогов в западноевропейском фольклоре. Равным образом и юродивых не знал католический мир".

В альбоме "Шабаш" - наиболее зрелой работе Кинчева и "Алисы" - по-видимому не случайно появился персонаж из русской народной сказки - брат-близнец Ивана-дурака Емеля:

Лесной стороною
Под ясной звездой

Тропою оленя
Гуляет Емеля.
И все ему рады:
Звери, птицы и гады,
Деревья и травы,
Поля и дубравы.
Покуда есть силы,
Покуда есть духу,
Не порваны жилы,
Не вспорото брюхо,
Покуда есть мочи,
Покуда есть семя,
Орет и хохочет,
Гуляет Емеля.
И славит свободу
Сквозь дыбы изгибы
На радость народу -
Себе на погибель...

"Да он просто юродивый..." Сколько раз мне приходилось слышать от людей, "занимающихся вопросами культуры", в адрес рок-музыкантов такие высказывания! 'Выродки', "ублюдки", "подонки"... Что тут скажешь? Обратимся лучше снова к работе Александра Михайловича Панченко: "Юродивого... понимает лишь тот, у кого цел ум"... Вот так.

Новаторство и традиция. Об этом спорили во все времена. На встрече в "Останкине" Фазиль Искандер высказал по этому поводу примерно следующее: дескать, за экзотичностью формы, принимаемой за новаторство, бездарные авторы нередко скрывают свое духовное убожество, свою несостоятельность. По его мнению, автор, работающий в традиционном ключе, может быть большим новатором, чем авангардист, если ему есть что сказать, если он способен "создать

этическое или комическое напряжение между первой и последней страницами".

Кинчев, пользующийся всеми достижениями российской культурной традиции, обращающийся и к ямбу, и к хорею, и к современному свободному стиху, и к силлабическому и силлабо-тоническому стихосложению, и к поэтическим приемам русского фольклора, применяющий в музыке все последние достижения, все стилевые языки и тут же обращающийся к очень древней музыкальной традиции, Кинчев, использующий в своих концертах то приемы ярмарочных шутов, то методы классического театра, то превращающий концерты в публичную исповедь, то в камлание - Кинчев, несомненно, современный художник. Потому что во всех временах ему хорошо и вольготно.

Если в начале нашего знакомства с Костей он мне был интересен скорее как шоумен, чем как поэт, то со временем это отношение сменилось почти на диаметрально противоположное. Мне близка в первую очередь его поэзия (потому что Булат Окуджава и Владимир Высоцкий, поющие свои стихи-песни, - поэты; потому что народные сказители, слагавшие и певшие старины и былины, тоже были не певцами, а поэтами).

А вот сценический образ Кинчева мне не всегда близок. Мне кажется, что порой он идет на поводу у толпы. Не у зрителей, а именно у толпы, которая навязывает ему свое представление о том, какой он на самом деле. И когда Кинчев много лет назад в Таллинне называл козлами тех, кто не хотел прыгать возле сцены, а оставался в своих креслах, мне это было не по душе. И когда на концерте сообщают публике, что накануне группу обокрали, и что таких, как эти воры, надо "мочить", я не испытываю восторга от его непосредственности. Потому что вижу, что в таких ситуациях он - раб собственного имиджа, что толпа

начинает подминать его, кроить его под себя. И, стало быть, он перестает быть собой.

Я не очень понимаю, как в сознании многих его фанов складывается тот образ, который они отождествляют с именем Костя Кинчев. Как в их сознании укладывается представление об эдаком простецком парне, не сильно напрягающем мозги, с песнями, которые они слышат на концертах? Мне кажется, я не преувеличиваю. Впрочем, вот вам история.

Однажды пришел ко мне в гости Костя с женой. Сидели мы, разговаривали. И вдруг в дверь начали трезвонить. Оказывается, подростки из всех окрестных домов видели, как он к нам входил, и явились лицезреть своего кумира. Вели они себя по-хамски, назойливо требуя "показать им живого Кинчева", упираясь ногами в дверной косяк и не давая закрыть двери. То есть "уважение" к любимому автору было налицо. Я все думала: каким местом они слушают его песни - песни, в которых учат любви, пониманию, доброте, уважению чужого достоинства? Но не ушами, это точно. Потому что вели себя так, словно пришли не уважение и любовь свою выразить, а как можно сильнее досадить Кинчеву и его друзьям. Ладно, Бог им судья.

В разгар нашего общения, когда подростки на недолгое время затихли и перестали донимать нас звонками в дверь, муж собрался на работу. Работать ему предстояло в Мариинском театре. Костина жена сказала, что тысячу лет не была в балете, и как было бы здорово туда пойти. И мой муж предложил вместе с ним пойти в театр. В тот вечер давали "Лебединое озеро". Мы быстро собрались и ушли в балет. Дома остался только мой сын. В театре было забавно. Во-первых, нам дали пропуск в так называемую обкомовскую ложу. Служительница, которая привыкла рассаживать в ней мужчин в черных костюмах и дам в бриллиантах, с

удивлением разглядывала Кинчева в черном свитере и с серьгой в ухе. Во-вторых, в антракте налетели поклонники с просьбой дать автограф. Это радовало. Оказывается, среди фанов Кинчева не только "малоинтеллигентные подростки" (по определению Димы Ревякина), но и вполне интеллигентные молодые люди.

Но самое интересное - возвращение домой. Когда я вернулась, сын рассказал мне, что после нашего ухода снова начались звонки. Он открыл дверь и увидел на лестничной площадке толпу девушек старшего школьного возраста.

- Позови Костю, - потребовали они.

Девушкам ответили, что Кости нет, что он ушел. Девушки, похоже, не поверили и начали звонить снова. Им снова открыли и снова ответили, что нет Кости, ушел Костя.

- А куда он ушел? - вдруг спросила одна из настырных поклонниц.

- В балет он ушел, на "Лебединое озеро", - ответил сын. И вот тут он услышал:

- Ну, ладно, будет врать-то... Хоть бы что-нибудь другое придумал... А то "в бале-е-ет"... Надо же соврать такое...

Вот так представляют себе Кинчева его фанаты. Они даже мысли не допускают, что он может пойти в театр, например. И это очень грустно.

Я хочу огорчить девушек, считающих Костю своим в доску парнем, не утруждающим мозги излишним напряжением, плюющим на всякий там балет, живопись, классическую музыку и Толстых с Достоевскими, обожающим только хэви-металл и бухло. Я вынуждена разочаровать их. Нет, он, конечно, не дурак выпить. И "металл" ему небезразличен.

"Озика Осборна - люблю...", - не раз говаривал. И все же я вынуждена разочаровать юных фанаток. Я

понимаю, им трудно представить, как Кинчев может вдруг позвонить из Москвы и час по телефону, наплевав на грядущий астрономический счет за переговоры, читать прозу Велимира Хлебникова, потрясшую его. Или как во всех городах, будучи на гастролях, он шляется по книжным магазинам и везет книги практически из каждой поездки. Помнится, когда возвращались из Ташкента, где в книжных магазинах просто залежи прекрасной литературы, кинчевский багаж тянул на восемьдесят килограммов. В основном, из-за книг.

Ему не очень-то нравится Соловьев, ближе Бердяев. Ему нравится Ницше-поэт, но не близок Ницше-философ (во всяком случае, он так говорит). Если перечислить всех его любимых писателей, философов, поэтов, то не хватит страницы. Говорят, скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты. Еще говорят, скажи мне, что ты читаешь, и я скажу, кто ты. Но если посмотреть, что читает, что любит из прочитанного Кинчев, то очень трудно составить себе о нем четкое представление. Ему с равной силой нравятся Хлебников и Гумилев, он очень любит "Сельский Часослов" Есенина и "Цветы зла" Шарля Бодлера. Гоголя и Гессе, Пастернака и Лермонтова... Я же говорю, страницы не хватит... Ах да, Толкиен еще... Скажи мне, что ты читаешь... Впрочем, когда мы только начали общаться, Костя говорил, что одно из самых любимых его стихотворений - "Крест" Гумилева. Я не раз слышала, как он его читал - слегка нараспев, с необыкновенной страстью:

Так долго лгала мне за картою карта,
Что я уж не мог опьяниться вином.
Холодные звезды тревожного марта
Бледнели одна за другой за окном.

В холодном безумье, в тревожном азарте
И чувствовал, будто игра - это сон.

"Весь банк, - закричал, - покрываю я в карте!"
И карта убита, и я побежден.

Я вышел на воздух. Рассветные тени
Бродили так нежно по нежным снегам.
Не помню я сам, как я пал на колени,
Мой крест золотой прижимая к губам.

"Стать вольным и чистым, как звездное небо,
Твой посох принять, о, Сестра Ницета,
Бродить по дорогам, выпрашивать хлеба,
Людей заклиная святыней креста!"

Мгновенье... и в зале веселой и шумной
Все стихли и встали испуганно с мест,
Когда я вошел, воспаленный, безумный,
И молча на карту поставил мой крест.

"Так вот он какой", - подумала я, когда Костя в первый раз читал эти стихи Гумилева. "Да, он и такой тоже", - думала я всякий раз потом.

Обиднее всего, когда те люди, которые вроде бы и любят его - фаны "Алисы", - в своем представлении упрощают его, видят в какой-то одной плоскости, в одном-двух цветах вместо всего спектра, даже если это красный и черный - цвета "Алисы".

Фаны во времени тоже меняются. Но пугает как раз то, что перемены, на мой взгляд не к лучшему. Новая генерация посетителей концертов (и не только алисовских) меня откровенно пугает. Жизнь заставляет и Костю задумываться об этом.

После июньских концертов 1991 года он позвонил мне, и мы долго пытались вместе найти ответ на вопрос: что происходит в Питере? На этих концертах в зале постоянно возникали жестокие драки. Вынуждены

были вмешиваться омоновцы. Костя не раз останавливал выступление. "Красно-черные" фаны "Алисы" говорили, что в зал приходят парни из молодежной группировки, которых зовут "нациками" - производное от "наци", "нацист" - и "мочат" "красно-черных". Драки были и на целом ряде московских концертов. Что происходит? Наверное, то же, что и во всей стране. Взрослый мир, перелаявшийся, брызгающий слюной, проецируется на мир детский. Во взрослом мире - нацисты, родовцы, красно-коричневые, монархисты, анархисты, демократы, либералы, радикалы - и ненависть, ненависть, ненависть... В детском мире - красно-черные, нацики, серпы, мужики и т.д и т.п. И опять ненависть, ненависть, ненависть...

Любовь и добро, боль и нежность никак не находят дорогу к омертвевшим сердцам. Ненависть, ненависть...

Иногда я впадаю в смертный грех уныния. Я думаю: ну вот хотя бы те, кто днями жил возле могил Богословского кладбища, кто проливал тонны слез после гибели Вити Цоя - ведь, значит, они любят его песни. Значит, они что-то поняли. А если поняли, то не логичнее было бы энергию, затраченную на демонстрацию своей скорби, что само по себе как-то не очень... - настоящая скорбь чурается людских глаз, горющет уединения... - если бы они эту энергию затратили на то, чтобы сделать пусть маленькое, но реальное депо... Ну, не знаю... хотя бы на том же кладбище помочь навести порядок. Или утешить кого-то из своих же друзей... Вокруг ненависть, ненависть...

Ребята, давайте убьем дракона в себе! Давайте не только прыгать у сцены и показывать "козу", но и следовать тому, что почерпнуто из песен Цоя, Гребенщикова, Шевчука, Кинчева, Бутусова и многих других...

- Очень хочется стать святым, - сказал мне однажды Боб, Борис Борисович Гребенщиков.

Костя никогда не говорил, кем и каким ему хочется стать. Он поет. Любит. Презирает. Плакливо друзей. Гуляет с детьми. Пишет альбомы. Читает книги. Ловит рыбу. Ездит на гастроли. Думает. Сомневается. Одним словом - живет... Он не стремится к святости - знает, что это ему не дано. Правда, не раз нахально заявлял, что считает себя "всего лишь недостойным братом Иисуса Христа". Всего лишь братом сына Божия! Однако...

Богоискатель? Богоборец? "Глазами в облака да в трясины ног"... Не помню, у кого из наших русских писателей я вычитала слово "святозверь" как характеристику русского человека. Помню зато, какой восторг это определение вызвало у Кинчева. Святозверь. Мне кажется, что при всей многогранности, противоречивости, сложности его натуры и его творчества "загадка Кинчева" не есть загадка. Все дело в том, что ему просто неведома любовь платоническая. Кинчев в творчестве своем - воплощенная чувственность.

В его интервью мелькала странная на первый взгляд фраза: "я не христианин". Притом, что он говорил о Слове Христовом, о том, что он "всего лишь недостойный брат Христа". Но я понимаю, почему он так говорит. Это - не отречение. Но он чувственно любит землю, небо, солнце, леса, людей, зверье, облака, дожди - все, все, все... И даже... Бога... Только не надо путать слова "чувственный" и "эротический", "сексуальный". Его любовь "сродни ереси", по очень тонкому наблюдению над природой любви на Руси у Башлачева. Мережковский в "Христе и Антихристе" на

протяжении нескольких книг говорит нам об этой давней попытке примирить дионисийский культ с жертвенностью и аскезой христианства. Такое впечатление, что Кинчеву это удалось, но в отличие от своих предшественников - и реальных, и литературных - он не раздираем этими двумя устремлениями. Напротив - в нем они слияны и неразделимы. Поэтому в любые времена ему найдется, что делать, и будет, что сказать.

Конечно, его порой заносит. Но ведь, как сам он не раз подчеркивал, "Алиса" - это ветер". А ветер по древним поверьям - это не только свобода, порыв, мятежность. Ветер - некое "транспортное средство" для магических сил: именно по ветру переносились чары, колдовство. На ветер нашептывались заговоры.

* * *

Любая война, кроме войны добра со злом, когда-нибудь кончается. После того как закончилась война, объявленная Кинчеву государством, настало не менее трудное время. Может быть, кто-нибудь и не согласится со мной, но мне кажется, что быть героем легче, чем просто жить и работать.

Последние годы Костя тем и занимался - жил и работал. Работал даже в те три августовских дня, когда живая цепь стояла вокруг Белого дома в Москве. Две ночи подряд он пел защитникам свои песни.

- Мы там с Гариком Сукачевым...

За годы, минувшие с 87-го, в свет вышли три альбома. Сыграны десятки концертов. Написаны новые песни. Произошли большие изменения в его семейной жизни.

Пару раз за время нашего знакомства мне приходилось слышать от Кости фразу "Влюбилась мы..." Но у меня ни разу не возникало и мысли, что это

повлечет какие-то серьезные изменения в его жизни. Но вот однажды Кинчев приехал ко мне с одним питерским музыкантом. Этот музыкант стал спрашивать у меня совета: он хочет развестись с женой, потому что полюбил другую женщину, разводиться ему или нет? И, кивая головой в сторону Кости, сказал:

- Я вот Доктора спрашиваю, а он мне ничего посоветовать не может...

- А что я тебе скажу, я сам в таком же положении, - вдруг ответил Костя.

И я поняла, что дело серьезное. Потом, когда мы познакомились с его избранницей, он сказал мне: "Люблю я ее..." Не "влюбились мы" - "люблю".

Теперь у Кости новая семья, родилась дочь. Поначалу он пугал всех, что назовет ее Алисой. Слава богу, не назвал. Хотя имя дал дочери, конечно же, со смыслом и не без вызова:

- Вера Кинчева - а? Каково!

Все это не мешает ему при каждой возможности видеться с сыном - Женькой. Ну что ж... Это ведь такая штука, как любит говорить Петя Самойлов, - жизнь. Всякое случается.

За эти три года произошли изменения и в составе "Алисы". Ушли Кондратенко и Шаталин. Потом Шаталин вернулся. И Кинчев взял его в группу снова, несмотря на то, что работал уже с другим гитаристом - Игорем Чумычкиным, которого порекомендовал Косте Юра Наумов, ныне пребывающий в Штатах. Место Кондратенко занял Андрей Королев. Были и не явные - скрытые, тайные дезертирства.

Когда я увидела несколько выступлений молодой группы "Время любить", где "по совместительству" на барабанах сидел Миша Нефедов - ударник "Алисы", то спросила его:

- Слушай, Михаил, мне показалось или нет, что тебе в новой группе гораздо интереснее, чем в "Алисе"? У

меня такое ощущение, что в "Алисе" ты будто "отрабатываешь", а во "Времени" как раз работаешь, получаешь от работы удовольствие?

- Откуда вы знаете? Как вы догадались, Нина?

- Просто это заметно.

- Мне интереснее та музыка, которую делают во "Времени любить". Та музыка, что мы теперь играем в "Алисе", - не моя...

Этот разговор у нас случился давненько. Надеюсь, теперь все не так. Да и где теперь группа "Время любить"?

За последние три года не просто происходили те или иные события, менялась психология, менялось отношение к делу. Концерт, подобный тому, в Линна Халле, в 87-м, теперь немыслим. И не потому, что группа вступила в общество трезвости. Просто появилось чувство ответственности за свое дело. После концерта каждый волен делать что хочет. Перед концертом - сухой закон, нарушители которого строго караются. Прошли времена, когда слово репетиция было не самым часто употребляемым в лексиконе группы. После некоторого перерыва я побывала на одном из концертов "Алисы" и была приятно удивлена не свойственным ей прежде профессионализмом. Сказала об этом Косте.

- Мы теперь всегда так играем, - спокойно ответил он.

Последующие концерты убедили меня в том, что это правда. Бывают концерты отличные, бывают похуже, но все они на достаточно высоком профессиональном уровне.

С альбомами, на мой взгляд, дело обстоит не то чтобы хуже - драматичнее.

"Мелодия" долгие годы была монополистом в сфере звукозаписи. Это приводило к тому, что "Шестой лесничий", например, записывался едва ли не два года.

За это долгое время альбом словно выдохся и хорошие вещи, составившие его, не прозвучали. Как в свое время анемичным вышел альбом "Равноденствие" "Аквариума", так, в конечном счете, малокровным и вяловатым вышел алисовский "Лесничий".

"206, ч. 2" - альбом, который целиком, в итоговом его варианте, мне так и не довелось услышать. Судьба оригинала этого альбома Константину неизвестна. Так, во всяком случае, он мне сказал.

Вершиной на сегодняшний день является "Шабаш" - двойной концертный альбом. Смущает только качество пластинок. А так - отличное оформление, отличные песни, мощная энергетика. И главное, в нем "дышит дух".

Когда выйдет в свет эта книжка, наверное, уже будет выпущен альбом "Для тех, кто свалился с Луны", над которым работает сейчас "Алиса".

А я мечтаю, что когда-нибудь Костя все же выпустит акустический альбом. Или, как модно теперь говорить, осуществит проект. Ведь только счастливицы, побывавшие на ушедших в прошлое "квартирниках" да редких акустических концертах, которые можно пересчитать по пальцам, поймут меня.

Тогда и те, кому многие мои разглагольствования "о поэте и поэзии" показались лишними, поняли бы, о чем я так настойчиво твердила на протяжении многих страниц о каком таком Слове, о каких таких корнях и традициях.

Акустические песни Кинчева - это еще и не всегда прослеживающаяся на больших "электрических" концертах романтика, светлая грусть и даже порой сентиментальность. Кинчев в акустике - это малоизвестный Кинчев. Скажите, многим ли довелось слышать его неоконченную балладу:

Мало-помалу, чем дальше в лес,
тем громче плач...

Или "Маленький, забытый всеми театр", "Лунную воду", или удивительно трагичную и в то же время светлую песню "Танцевать".

С последней, может быть, повезет больше. Сейчас группа делает ее в "электричестве", и Костя хочет включить ее в новый альбом.

* * *

Как мы любим дробить время. Теперь его делят на время до августа 91-го и после августа. Послеавгустовская эпоха "для веселия мало оборудована", как говорил поэт-трибун.

В марте 92-го, когда на улице было трудно увидеть улыбающееся лицо, когда все говорили только о талонах, ценах, не о грядущем - о свершающемся апокалипсисе, когда лилась кровь в Карабахе и Приднестровье, когда по вечерам на улицы стало небезопасно выходить, да и в квартирах своих не очень чувствовали себя уверенно, когда сердцами овладела безысходность и отчаяние, а умами - ненависть... В один из мартовских дней позвонил мне Костя Кинчев. Он всего на два дня приехал из Москвы. Я всего на два дня приехала в Петербург, ибо уже почти год стараюсь бывать в родном городе как можно меньше и предпочитаю жить за городом. Мы договорились о встрече - не виделись очень давно, почти полгода, со дня похорон Майка Науменко. Но встретиться нам не удалось. Он хотел побыть с сыном.

Уже перед самым поездом, вечером Костя позвонил мне. В трубке звучал не только его голос, но и голос

Женьки - Евгения Константиновича, человека не по годам рассудительного.

- Нин, видишь, не получается у нас встретиться... Я с Женькой... Хотелось с ним побыть...

- Да что ты, конечно, я ведь понимаю...

Мы поговорили о том, о сем. Я уже начала прощаться, и тут Костя стал звать меня приехать в Москву:

- Слушай, приезжай, мне надо тебе сказать одну вещь... Я понял...

- Что?

- Ладно, слушай, я сейчас тебе расскажу. Только бы сформулировать. Я теперь лучше стал формулировать, чем раньше, но еще не очень...

И он сформулировал. Смысл важного сообщения был в том, что Кинчев понял, наконец, что означает триединство Господне! Отец, Сын и Святой дух - он все про это понял. Сначала была эра Отца. Наше тысячелетие - это эра Сына. Отец послал Сына, чтобы мы опомнились, чтобы спасти нас. Эра Сына - эра Слова.

- А сейчас... - и голос его стал торжественным, - сейчас наступает эра Духа... Слово отомрет, оно уже не будет нужно, все будут понимать друг друга без слов, телепатически. Третье тысячелетие - эра Духа святого! Духа, понимаешь?!

Господи, думала я, среди хамства и злобы, среди нищеты и варварства, в дни нравственного затмения, в дни кровавых стычек и черной лжи, обмана народа и наглой сытости сильных мира сего - в эти дни звонит человек и говорит, что грядет Царство Духа!

* * *

Я не знаю, как все повернется дальше. Могу ли я знать? Я всего лишь человек. "Придут другие, еще

лиричнее, но это будем не мы - другие..." Так говорил когда-то любимый мною в школьной юности поэт Андрей Андреевич Вознесенский. Придут другие...

И хорошо, коли эти другие будут из породы вечно мятущихся, вечно жаждущих света и добра, из тех, у кого, по определению одного из любимых мною писателей Василия Макаровича Шукшина, "неспокойная совесть, ум, полное отсутствие голоса, когда потребуются - для созвучия - подпеть могучему басу сильного мира сего, горький разлад с самим собой из-за проклятого вопроса: "что есть правда?", гордость... и сострадание судьбе народа. Неизбежное, мучительное...". Хорошо, если эти другие будут из породы дорогих мне людей: из породы шевчуковской, бутусовской, кинчевской, цоевской... Да простят мне такие эпитеты...

Только на это вся надежда. И еще на то, что другие, может быть, придут нескоро. Что долго-долго - ты слышишь меня, Господи? - долго-долго будут жить живые и долго-долго не забудутся ушедшие.

Боже милостивый, не отврати лика своего от грешных и неприкаянных. Спаси и сохрани, помилуй, Господи, Вячеслава и Юрия, Димитрия и Бориса, Александра и многих других. И чада их и домочадцы!

И Константина, друга и брата моего, о котором я дерзнула написать эту дурацкую книжку. И детей его.

Спаси и сохрани...

Апрель 1992 года

Беседа автора с героем - накануне выхода книги... Беседа Нины Барановской и Константина Кинчева

- Ну, что ж, Константин Евгеньич, давненько мы с тобой не виделись. Много воды утекло, много события произошло. В июне нынешнего 1992 года, ты мне когда звонил, то говорил, что в Израиль на гастроли собираетесь? Удалось съездить?

- Да. И тебе того же желаю. Обязательно надо тебе съездить туда.

- Легко сказать...

- Тебе обязательно надо в Иерусалиме побывать.

- Я смотрю, на тебя Иерусалим сильное впечатление произвел...

- Это не то слово. Понимаешь, там главное - это небо, эти камни. Те же, что и при Нем. Обязательно поезжай туда...

- Я боюсь.

- Чего?

- А вдруг, окажусь там и... ну камни... и все...

- Ты что же, хочешь сказать, что Его не было вовсе?

- Окстись! Нет, не в этом дело. Ведь какие-то вещи себе в воображении иначе представляешь, чем это на самом деле. Несовпадения боюсь образа этого города, который во мне уже существует, и реально существующего Иерусалима...

- Не бойся Главное, там оказаться. Эти камни... Я в Израиле попал на праздник как раз Иоанна Предтечи, на Иванов день. Ты знаешь, такого кайфа у меня никогда в жизни не было. С этим ничто нельзя

сравнить. А однажды я одну монахиню ночью до дома провожал, белую монахиню, она в арабском квартале жила, а туда ночью ходить опасно. Арабы... Говорят, опасно у них... И вот, когда я возвращался я ночью в Гефсиманский сад зашел.

- Погоди, погоди... Он что, до сих пор существует?

- Конечно, правда огорожен, экскурсии туда ходят. Ну, понимаешь? Достопримечательность. Но это днем. А ночью... Это не рассказать...

- Я бы, наверное, не смогла туда войти.

- Я входил...

- Я столько раз читала, и каждый раз ком в горле, когда Он один совсем, и уже все понимает, знает, что ждет его, а они его все предали, ученики его...

- Я там был. И в Вифлееме, в храме Рождества, И у гроба Господня А концерты мы играли знаешь где?

- Нет, конечно, не знаю.

- В Геенне Огненной!

- ???

- Это такое место в городе, куда в древности стаскивали всякую сволочь, трупы бродяг, воров, убийц, А чтобы зараза от этих трупов не распространялась, там все время горели костры. Поэтому она и Огненная. И я им там сказал, что напрасно они ждут Мессию, что он уже приходил к ним, а они его распяли, как вора и разбойника. Я сказал им: "Он к вам больше никогда не придет!" Я им сказал, что их вера сатанинская... В газетах потом писали: доколе же, мол, мы будем приглашать в Израиль антисемитов?

- Так ты теперь антисемит? Это что-то новое. А как же твой друг Рикошет?

- Да я не то чтобы евреев не люблю... Да и Рикошет...

- Что, хочешь сказать, какой же он еврей?

- Ну типа этого... Да нет, я к евреям всегда относился нормально, но после гастролей в Израиле

стал очень плохо относиться к иудейской вере. Считаю эту веру сатанинской, и в этом плане путь протоиерея Александра Меня мне кажется апостольским, поскольку он обращал в православие именно евреев, отводя их от иудейской веры. Иудеи до сих пор считают Христа вором и разбойником, заслуженно понесшим кару, считают, что он шел на Иерусалим с войском и хотел свергнуть законную власть. Поэтому к иудеям я отношусь враждебно.

- А как же насчет того места в Писании, где говорится, что в Царстве Божием не будет ни иудея, ни эллина, что все люди равны?

- Равны. А вера - сатанинская... Да-а... А я еще в Иерусалиме креститься хотел.

- Опоньки!

- Я хотел, а потом мне сон приснился. Снится мне странник, старик, весь в белом, конечно, и говорит он мне: "То, что ты ищешь, от чего ты маешься, рядом с тобой. Там, где ты раньше жил, зажглись два светильника..." И проснулся я. Что такое, думаю. Что за светильники?... И возвратившись, узнаю, что дружки мои Мешок и Андрюха Киселев - Мешка ты знаешь, ты у него была, и Андрюху там тоже видела...

- Андрюха Киселев - это тот, который текст "Шестой лесничий" написал?

- Да, он... Вот и узнал я, что они с Мешком теперь сторожами работают в церкви. Рядом с домом, где я жил, когда в школе учился, подворье Оптиной Пустыни. Там они и работают. Короче, Мешок меня и окрестил. А я уж и детей всех тоже сразу окрестил: и Женьку, сына, и Верку. Только Сашка, оказывается, уже крещеная была. С Сашкой мы обвенчались в церкви...

- Слушай, ну, знаешь ли... Ну ты... Погоди-погоди... Я в книжке этой распинаюсь, все пишу, как Кинчев попов не любит, про ересь стригольническую, ну и тому

подобное, а тут вдруг такие новости. Да ты мне, парень, всю концепцию разрушаешь!

- Да нет, ты все очень верно написала. Но одно другому не противоречит. Просто можешь теперь так и написать: снизошла на Кинчева в Иерусалиме благодать. Так оно и есть. То есть, я туда приехал, и на меня снизошла благодать и голову я приклонил... Ну вот, как Гребенщиков заговорил...

- Значит, все разговоры про то, что церковь - это контора, в прошлом? И там же, в прошлом, неприязнь к попам? И инцидент в Печорском монастыре забыт, где тебя ладаном окуривали и изгоняли?

- Попы, конечно, тоже, как и все люди, разные бывают. Наверняка есть и среди них подонки. Только мне ли их судить? Это раньше все гордыня моя во мне говорила. Да и в Печоре... Правильно они тогда... Явился я, понимаешь ли, на голове перекисью крест выжжен... и все просто радоваться, вроде, должны были, что я осчастливил своим посещением... гордыня... нет, чтобы тихо и смиренно, преклонив голову... Так мне и надо было тогда...

- Если ты все это искренне, я рада за тебя. Только... трудно тебе теперь будет. Ну, хорошо. А как вас принимали в Израиле, как концерты прошли?

- Ой, очень классно! Там же все эмигранты, все порусски говорят. Никакого языкового барьера. Куча алисоманов...

- Вы, как погляжу, за последние три года полмира объездили. Где только не побывали...

- Ну где-где?... В Венгрии, Чехословакии, Германии, Франции, Израиле, Греции... В США были с Петькой Самойловым по частному приглашению Джоанны Стингрей, а в остальных странах - с гастрольями.

- Я помню. И помню, как ты звонил и делился впечатлениями. Штаты, мол, за неделю обрыдли, эмигранты наши надоели, и скучно там, а уж жить бы

там вообще не смог, и в Европе, говорил, скучно, мол, "по-маленькой" живет Европа, никакого тебе размаха, никакого веселья и уж, конечно, никакой душевности. И Греция не Греция, а похожа на Азербайджан, и эллины все куда-то подевались, а встречались только морды, как на каждом московском рынке.

- Нет, во Франции... Из всех стран наибольший интерес вызвала Франция...

- Угу. Ты говорил, что только юг Франции, Марсель, в частности. А что в Париже все снобы... Ведь нашего советского человека когда за границу выпускают, он возвращается обычно с глазами на затылке. А ты... Пожалуй, единственный человек среди тех, кого я знаю, который возвращался каждый раз не со съехавшей крышей, а еще и брюзжал, типа, куда их вонючим столицам до Расеи-матушки...

- Ну а что... В той же Америке... Мы пробыли там три недели, но этого хватило надолго, Опять же из-за беспробудного пьянства, потому что все эмигранты считали своим долгом питься и излить мне душу. У них там, наверное, не принято это. И за эти три недели мой сосуд любви к людям был исчерпан, и мне пора было валить домой, чтобы наполнять его по новой.

- Но были же и там интересные встречи? Ты, когда только вернулся, говорил, что с Аксеновым на каком-то вечере столкнулся, что Наймам о тебе очень лестно отзывался.

- Наймана я не видел. Просто мне сказали, что был какой-то совместны их вечер с Бродским, и на этом вечере Найману задали вопрос, что он думает о моих песнях.

- Тогда он и сказал, что ты один из самых интересных русских современных поэтов?

- По рассказам - да. После этого меня и стали всюду приглашать выступить.

- Русский человек и в Африке русский. Пока авторитеты не заявили о ком-то: он талант, никто не поинтересуется...

- А с Аксеновым я вообще уже забыл, как там дело было, я, вроде, пьян был.

- Когда ты звонил мне сразу после возвращения, то рассказывал такую историю: на ой-то эмигрантской встрече, куда тебя пригласили, подошел к тебе Аксенов и спросил, ты ли тот самый Кинчев, который написал "Экспериментатор движений вверх-вниз..." А будто, в свою очередь спросил, а не тот ли он самый Аксенов...

- А потом что?

- А потом, сказал ты мне, мы с ним выпили по рюмочке... Ладно, давай вернемся на родную землю. В прошлом году мы с тобой виделись сразу после августовских событий, Я помню, какой ты был тогда, несмотря на то, что встреча наша была не из веселых - мы похоронили Майка Науменко только что. И все же ты был почти в эйфории. Все говорил, вдруг снова Москву полюбил, москвичей полюбил... Ты никогда потом не жалел, что две ночи был у "Белого дома"? Сейчас ведь многие бухтят, что это было зря, что демократы страну довели?

- В дни августовских событий я, действительно, был среди защитников "Белого дома" и две ночи подряд пел им свои песни, о чем и сейчас не жалею. Наша жизнь на Земле слишком маленький отрезок, и не наше дело оценивать сегодняшнюю ситуацию в России, Россия стояла и стоять будет. А мы в этой цепи всего лишь крохотное звено. Смешно на этом участочке давать какие-то оценки процесса вообще. России смешно над нами. И с нами, и со страной, в принципе, ничего не происходит. Мы выступаем, поем свои песни, занимаемся тем, чем и хотели заниматься, и делаем это, как умеем. И с Россией сейчас то, что и должно было произойти - отсеиваются иноверцы, остаются

славяне. Ну, а если хохлы отлетели - значит, так и надо. На мой взгляд, кто хочет, пусть отваливает. Стране от этого не убавится, а может, даже прибавится, потому что будут добрее к нам относиться.

- Мы разговариваем, а по телевидению в это время съезд транслируют. И Ельцин уже с заявлением выступил и послал далеко и парламент с Хасбулатовым, и съезд, и нас всех на референдум позвал - решать, кому мы доверяем, а кто шел бы ко всем...

- Ну, че, и пойдём... на референдум... за Ельцина голосовать... Сейчас вот скоро на гастроли в Свердловск...

- В Екатеринбург.

- ...да. Поедем туда, так на концертах буду всех агитировать на референдуме за Ельцина голосовать.

- Ну, там-то его и так все любят и ему верят. Его же город.

- Все равно. На всякий случай...

- Я и про август прошлого года, и про сегодняшний съезд к тому, что теперь непонятно, чего ждать дальше. Как-то стремно заглядывать в будущее. А вы в группе строите какие-нибудь планы?

- Насчет будущего "Алисы" - я в него не гляжу. Это удел астрологов, хиромантов и прочей нечисти - я считаю так. Надо бы клипы делать, но мы их не планируем - дорого очень. Состав группы нынешний считаю стабильным.

- И окончательным?

- Насчет окончательного - это уже вопрос будущего, которого нам не дано знать.

- А как на концертах сейчас? Спокойно?

- Беспорядки во время наших концертов в большинстве своем спровоцированы. Вот, к примеру, на последнем концерте мы отказались от милиции. Этим мы у них как бы отобрали кусок хлеба, потому что сейчас каждый мент стоит триста рублей в час - это

довольно ощутимые деньги для нашей конторы. Поэтому мы отказались от их услуг. Тогда они переоделись, приехали и устроили потасовки в зале. Вот и все. Сейчас в Москве Скляр рок-клуб открыл, так туда уже несколько раз ОМОН врывается, шмонали всех. Это они так охранять хотят. Просто рэкет, настоящий ментовский рэкет.

- Говорят, у вас появилась целая система фан-клубов?

- Система фан-клубов "Алисы" особо не налажена. Есть какое-то подобие такого фан-клуба в Москве и Питере. Все упирается в помещения, которых нет. Поэтому пока все это происходит на частных квартирах. В Москве девочку Катю родители из-за этого просто готовы выгнать из дома. Конечно, нам хотелось бы, чтобы отношения нашей "армии" и группы были более теплыми, а с другой стороны, не хотелось бы, чтобы они постоянно сидели у меня в подъезде, как это происходит сейчас.

- В вашем буклете призыв к фанам по конкретному адресу перечислять деньги. Я не очень поняла, зачем это, что это за авантюра. Объясни, если не трудно.

- Деньги - элементарно: нам - на жительство, фанам - для того, чтобы они приобретали пластинки, потому что в магазинах пластинок, в общем-то, нету, то есть они приобретают пластинки и всякую побочную продукцию: нашивки, наклейки и так далее. Но не это самое главное. В этом пакете, который получают фаны, дается членский билет, предоставляющий право бесплатного посещения всех наших концертов в течение года. Ну, а при том, что сейчас, сама знаешь, какие цены на билеты, это неплохая поддержка для фанов. Сейчас на новый 1993 год я хочу произвести что-то вроде перерегистрации членских билетов за определенную цену, естественно, но для тех, кто живет в других городах, старый членский билет остается

действительным и дает право посещения концертов, хотя в нем и оговорено, что по нему проходка возможна только в 1992 г. Сейчас мы занимаемся этим вообще себе в убыток, потому что пакет со всеми этими причиндалами стоит 150 рублей, почтовые расходы возросли дико, так что сама понимаешь...

- Это я все понимаю. Меня удивили твои слова, что эти деньги в том числе идут и вам на жительство... Это в каком смысле?

- Ну, в каком смысле... Деньги, что мы получаем, я весь год раздавал на группу, мы на эти деньги жили, непосредственно...

- Вот это мне как-то не очень понятно. Знаешь, давай я лучше не буду упоминать про "жительство", а то как-то странно получается, будто вас фаны содержат...

- А кто же нас содержит? Если мы своей профессией выбрали исполнение песен со сцены? Нас содержат фаны... С концертов доходов у нас почти нет. Затраты на их организацию слишком велики. Основные средства, на которые существует группа, это средства от продажи нашей продукции. Ведь мы ее создаем и выпускаем исключительно за свой счет и продается она только на наших концертах. И ничего тут зазорного нет. Так и напиши: на жительство. Более того, я бы обратился к фанам с такими словами: если вы хотите увидеть наш клип, скиньтесь рублем по сто и пришлите нам, тогда мы сможем, наконец, снять клип...

- Да, я слышала, что сейчас снять клип стоит порядка полутора миллионов.

- Ну вот, а если бы прислали фаны по сто, собрался бы миллион, и мы сняли бы клип.

- А у вас продолжают взаимоотношения с той студией, где вы осуществляли ваши последние проекты?

- Мы больше там не будем писаться. На какой-то момент там была дружная, хорошая команда людей, которых еще не портили деньги, но все меняется. Как это у Булгакова? Люди-то ничего, только жилищный вопрос их заел...

- Их только слегка испортил квартирный вопрос...

- Да. А тут - их испортил вопрос денежный. Они "развалились", там новый совершенно штат. По "упаковке" студия неплохая, но для записи следующего альбома мы, наверное, будем поступать так: подгоним к репетиционной точке передвижку... То есть, как "БлокАда" записывалась...

- Передвижку "мелодиевскую"?

- Или видеофильмовскую, неважно какую. Бегунов (из группы "Чайф", - Н.Б.) тут сказал, что у него новый наш альбом как бы ассоциируется с "Энергией" (и для меня тоже - по вкладу моему в него, по психологическим затратам, по тому, как он мне давался), а следующий альбом будет как бы второй "БлокАдой", на новом, естественно, качественном уровне. То есть, мы его запишем быстро, с минимумом всяких дописок, доделок,

- А ты уже знаешь, какие вещи в него войдут?

- Приблизительно знаю...

- Но говорить пока не хочешь?...

- Нет, почему... Значит, так: "Дурак", "Жги-гуляй", "Черная метка", "Черная рок-н-ролл мама", "Звезда свиней", цоевская "Спокойного сна", Чумы песня "Земля в воде", "Белая невеста", "Агония" и... как же она называется?... "Поезд", тоже Чумы песня. Две песни Чумы будут и одна Цоя, остальные мои. Но это я перечислил с запасом, потому что войдет, наверняка, меньше песен.

- Слушай, а вот ты говорил в свое время, что в "Для тех, кто свалился с Луны", альбом, который вы только что записали и который должен выйти на пластинке в

начале 1993 года, войдет песня "Танцевать". Я ее в новом альбоме не услышала.

- А че-то мне не нравится, как она в электричестве звучит. По-моему, все-таки это "подгитарная" песня... А я все же возвращаюсь к разговору о том, за счет чего мы живем... Видишь, покорило тебя... Но все-таки, за счет чего и кого живет любой артист? Не за счет публики разве?

- В принципе, да. Но об этом как-то не принято говорить, все это обретает обычно эдакие завуалированные формы...

- Это в тебе твоя несколько чрезмерная щепетильность петербургская говорит.

- Черт его знает, может быть, ты и прав.

- Это абсолютно нормально, понимаешь? Абсолютно нормально. Конечно, мы живем только благодаря им. Благодаря чему же еще. если брать материальную сторону жизни?

- Хорошо, твоя позиция мне ясна... Поехали дальше. Насколько я понимаю, вы теперь на полном самообеспечении...

- А мы и всегда были на самообеспечении.

- Я имею в виду, что вы сейчас никак не связываетесь с официальными структурами, с той же "Мелодией", например.

- А мы и не связывались никогда. Мы там раньше просто бесплатно писали альбомы, благодаря Вите Глазкову. Но пластинки, которые там выходили, ведь не являются нашей собственностью. Случись со мной что, и Сашке не на что будет жить, и Аньке (нынешней и бывшей жене. - Н.Б.). Ни "БлокАда", ни "Шестой Лесничий" нам не принадлежат. Слава Богу, с "Шабашом" хоть по-другому. Ведь я Алика Тимошенко сколько теребил, когда можно было забрать наши авторские права у "Мелодии", когда это стоило копейки; палец о палец никто не ударил из директоров, поэтому

у меня Алик и уволен к чертовой матери. Да и на "Шабаше" мы могли бы, если бы не он уже заработать столько денег и благодаря этому иметь возможность заниматься только творчеством, а не заботиться о хлебе насущном.

- И что же, ты теперь еще и директорскими делами занимаешься?

- Да...

- Ничего себе. Веселая у тебя жизнь!

- Ох, веселая...

- А Слава у вас еще работает?

- Слава - чистый администратор.

- Концертная деятельность, гастроли и тому подобное?

- Да все это. Но вместе со мной. Я и этим занимаюсь.

- А в основном как директор тем, что называется политикой группы?

- Ну да.

- Расскажи, пожалуйста, о вашей издательской деятельности. Мне в свое время Серега Степанов говорил, что ты помог ему в издании газеты "Иванов". Каким образом и в какой степени? И еще. Я тут обратила внимание, что в выходных данных газеты "Шабаш" ты поименован как член редколлегии. Какие у тебя функции как у члена редколлегии?

- На издание "Иванова" мы с Петей Самойловым попросту дали деньги...

- То есть, были как бы спонсорами этого проекта, финансировали его?

- Совершенно верно. А что касается "Шабаша", то я полностью доверяю Степановым - Сереге и Олесе. Они профессионалы. Газета - это их дело. Я считаю их людьми талантливым и компетентными в издательских вопросах. "Шабаш" - полностью наше издание.

- Вы оплачиваете полиграфические услуги, выкупаете тираж?

- Да А Степановы занимаются именно творческой стороной вопроса... Нет, мы, конечно, тоже участвуем в творческом процессе посильным образом. Наши ребята пишут статьи, я вот обещал о поездке в Иерусалим дать материал. Пока, правда, не собрался... Мы уже начали и авторские гонорары выплачивать корреспондентам нашим. Мозговой центр - Олеся и Сергей. Они и макетом занимаются. Сейчас уже третий номер готовится. Он будет шестнадцатиполосным.

- Ого!

- Да-а... Ну, а последующие уже будут более широкообзорными. Это ведь сначала, что называется для затравки были выпуски, посвященные исключительно "Алисе". В дальнейшем газета будет охватывать все темы, все персоналии, имеющие отношение к року. Очень большое место мы отведем в будущем поэзии подростковой - как со знаком "плюс", так и со знаком "минус".

- Вы что, хотите публиковать те стихи и тексты, которые присыпают вам фаны, читатели "Шабаша"?

- Вот-вот. Уже много накопилось такого материала. Я кучу посланий отдал Степашке, чтобы они с Олесей там разобрались и подготовили к публикации как бы под двумя рубриками - как надо писать и как не надо писать.

- Не боитесь обидеть тех, кто пишет "как не надо"? Подростки - народ ранимый.

- Но, наверное, лучше сразу объяснить человеку, что не надо браться не за свое дело.

- Нет, это я понимаю, конечно, надо объяснять такие вещи. Но мне думается, лучше делать это по возможности деликатно, с глазу на глаз, а не на печатных страницах. Я ведь из собственного опыта помню, как мне приносили бездарные тексты и стихи и как трудно было называть вещи своими именами, объяснять авторам, почему же то, что они сами считают

поэзией, на самом деле таковой не является. Я помню, до каких трагедий порой доходило. Однажды автор текстов группы "Пепел", по-моему, Женя Иванов его звали, чуть не разрыдался у меня в кабинете, когда я сказала, что не могу допустить, чтобы исполнялись такие неграмотные и бездарные тексты.

- Ну, посмотрим. Начнем, конечно, с положительного. Я, видимо, сам буду эту страницу вести, сам буду объяснять начинающим поэтам, что у них хорошо, а что плохо, и почему хорошо, почему плохо, почему мне одно нравится, а другое нет. Это должна быть молодежная такая, интересная, веселая газета со всякими прибабасами. А обиды?... Но я тоже там всякие карикатуры на себя не возбраняю же публиковать - шаржи, карикатуры, сколько угодно. Какие там обиды, пускай, ради Бога!

- То есть, у вас, я смотрю, целое предприятие.

- Да-а! А сейчас открывают еще магазин "Жги-гуляй", чисто коммерческий. Должны открыть. Во всяком случае, я уже замутил голову кооператорам, у которых денег много. Они палатки свои сворачивают и сейчас хотят как раз откупить территорию.

- А чем торговать будут?

- Ну, конечно, и "snikers"ами и водкой, но в том числе и нашей продукцией.

- А не боятся господа коммерсанты под такой вывеской торговать сникерсами и водкой, да еще, как ты говоришь, круглосуточно? Вдруг найдутся охотники, заев стакан водки сникерсом, начать там все жечь и гулять?

- Более того, я уже договорился с пивзаводом о выпуске пива марки "Жги-гуляй" с моей рожей на этикетке.

- Совсем ты охренел, парень. Христианин фигов. Обратился он, понимаете. Ну-ну!

- Так это пиво же! Его же из хлеба делают! Напиток, который сам Господь... Ох, прости меня Господи! Господь, говорю, он же обращал воду в вино! Пиво же... "Жги-гуляй"!...

- Знаешь, тут в одном из выпусков пресс-клуба авторского телевидения дяденька какой-то, уж не помню в связи с чем, сказал такую вещь: он убедился, что на Руси основным национальным блюдом до сих пор остается "каша в голове".

- Да, хорошо. Что ж, полностью под этим подписываюсь. Она-то как раз в моей голове и присутствует.

- Нет, я просто вспоминаю, как после того, что мы год не виделись, появляется Кинчев и, едва перешагнув порог, заявляет, мы теперь одной с вами веры, Нина Александровна!

- Да-а! Именно!

- ...и тут же начинает меня порицать, что я в церковь редко хожу. Одно слово, ортодокс!

- Не-е, в церковь надо ходить Уж очень там приятно.

- Да просто хорошо!

- Хорошо. И приятно. А поскольку я человек, понимаешь, такой, подвержен всякому... всякие приятности очень люблю - ну, алкоголь там, скажем, и... всякое другое...

- ...и церковь! Хороший ряд получается!

- Да уж! А что? Церковь, церковь... Я вот всегда говорю, что церковь - та же баня!

- О-о-х!!!

- Да! Только в баню ходишь - моешь тело, а в церковь ходишь - моешь душу! Вот что такое церковь!

- Мне еще в лесу очень хорошо.

- Так лес - тот же храм. Хотя конечно, смотря куда забредешь. Вот если в осиновый лес... Ой, какие тревожные леса осиновые... или где папоротник да бузина - ой, не кайфовый лес какой сразу становится,

очень тяжелый... А вот где еловый сухостой... Вроде и мрачно, дремучий лес-то, а все равно хорошо...

- А я и папоротники, и осины люблю. По мне, все, что растет, - все хорошо, все Божье...

- А я вот еще начал людей с реками сравнивать...

- Да, я тут слышала одно твое интервью на телевидении...

- Ага, я про то говорил что есть люди-космосы, есть океаны, есть люди-озера, люди-реки, люди-лужи, люди-плевки... Себя я причисляю к реке. И вот я думал, какая же я река? И понял, что река Вуокса на самом деле...

- Вуокса? Та самая, на берегу которой я теперь живу? Но почему именно Вуокса?

- Ну, ты же знаешь, какая она. Вот и я, как Вуокса: то широко разливаюсь, спокойно, то снова вдруг весь сузился, мелким становлюсь, сварливым, а то опять все широко, раздольно... Ну, такая небольшая, в общем-то, речонка, но...

- Ничего себе небольшая! Это Вуокса-то?!

- Ну, если ее сравнивать с Нилом или Волгой...

- Ну, разве что в сравнении с Нилом или Волгой, а так-то у нее протяженность тоже будь здоров, чуть ли не сотни километров.

- Сотни километров - ну так что ж... А вот два человечка у меня - так это целые космосы, космические реки... Башлачев да Ревякин. Я, река Вуокса, очень скромно смотрюсь в этом плане.

- Скромно, скромно.

- А я и Шевчука считаю все-таки морем. Не рекой, потому что... Я-то пресноводный, а Юрка соленый... да, соленый.

- А кто тогда Славка Бутусов?

- То-оже река. Тихая такая.

- А Саша Аксенов, Рикошет?

- Рикошет - это озеро. Но такое, в котором проточная вода, течения всякие там... Это без мазы...

- Да-а, интересно.
- Ну, а о лужах да плевках мы говорить не будем?...
- Не будем. Послушай, я все хотела спросить: ты, когда читал рукопись книжки этой, не обиделся там, где я провожу параллели между юродивыми Христа ради и тем, что делаешь ты?
- Да ты чего? Наоборот, ну так в кайф! Ты не представляешь, как я порадовался, когда это прочитал. Мне это больше всего понравилось. Я просто не такой образованный и не смог бы сам все это так объяснить. Ты понимаешь, я как раз новую песню только что, перед тем, как ты мне рукопись дала, написал. Знаешь, как она называется?
- Откуда ж мне знать, раз только что написал?
- Называется песня - "Дурак"!
- Ты серьезно?
- Куда серьезнее-то?!
- Эх, жаль гитары у меня нет. Прочти хоть текст. Тем более, это будет как бы взгляд в будущее, в новый альбом "Алисы".
- Тогда я начинаю.
- Валяй!
- Ну, значит, "Дурак"

Как-то раз по весне ранней
Поманила пожар-птица
По дорогам земли дурня
К солнцу тропы искать.
Над землей городов крыши,
А над крышами - дым, сажа,
А над сажей небес выше -
Солнца белая рать.
Сколько дурень в нужде горе мыкал,
Износил сапогов сотни,
А рубах изодрал столько,
Сколько трав истоптал.

По земле собирал сказки
Да учился у птиц песням,
Веселил городов толпы,
Но ближе к солнцу не стал.
Ох, тропинки-лесенки
Прямо по земле в небеса!
Как найти, увидеть
Да не проглядеть, не потерять.
А у неба радости.
Только солнцу глянешь в глаза,
Отвернешь, укроешься
Да слезою вспыхнешь опять.

Вот так
В сказку словом льемся.
Вот так
Смеемся.

Ходит дурак по земле босиком
Берегами рек да опушкой леса,
Веселит дурак почтенный народ
Все да по площадям городов.
От сумы тюрьма,
От тюрьмы сума.
Не страшится пес ни огня ни беса.
Все сплетает Слово из слов.
И ты, как он, проходишь по земле.
Ему, как всем,
Тебе, как всем.
От рода по судьбе.
Иди своей дорогой!
Ищи свою тропу!
Найдет дурак, найдешь и ты
Даст Бог, и я найду!

Вот так

В сказку словом льемся.
Вот так
Смеемся.

Это только присказка,
А сказка бежит речкой.
Да дела не идут скоро.
Ближе к солнцу не стал дурень,
Но стал теплее сердцем.
Где бы он ни сложил песню,
Где бы ни проросло Слово,
Стелет в небо из звезд тропы
По еще горячим следам.
Стелет сквозь городов крыши,
Выше крыш да сквозь дым, сажу
Стелет даже небес выше
Солнца белая рать.
Вот что случилось весной ранней.
Заманила пожар-птица
На дороги земли дурня
К солнцу тропы искать...

Декабрь 1992...